

V — ГЭС-2

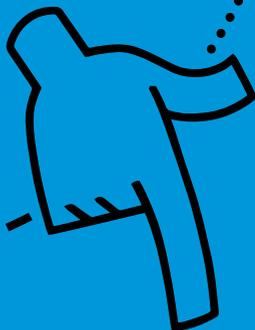
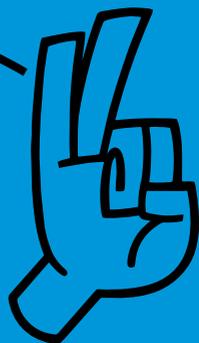
A

C

Альманах

Исследуя
сообщество
глухих

рис. 1

Памяти Анны Анатольевны Комаровой

Альманах

Исследуя сообщество глухих

1

УДК 376

ББК 74

Редакторы–составители

Никита Большаков

Влад Колесников

Редактор и корректор

Тамара Шатула

Дизайн и иллюстрации

Маша Виноградова

Иллюстрация на обложке

Иван Днепров, глухой художник

Верстка

Ильяс Лочинов

Менеджер проекта

Варвара Меренкова

A57

Альманах «Исследуя сообщество глухих: 1» [Материалы междисциплинарной конференции «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества», Дом культуры «ГЭС–2», Международная лаборатория исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», май 2023 года]. — М.: V–A–C Press, 2024. — 306 с.: 33 ил. — 12+

ISBN 978–5–907183–77–3

Альманах «Исследуя сообщество глухих: 1» опубликован в рамках одноименного направления Дома культуры «ГЭС–2» и включает в себя результаты исследований участников кружка «ИСГ», материалы, представленные на Междисциплинарной конференции «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества», которая состоялась в «ГЭС–2» в мае 2023 года, а также статьи, написанные специально для этого издания. Тексты в сборнике распределены по трем тематическим разделам, посвященным истории сообщества глухих, исследованиям социальных и культурных аспектов жизни глухих и *CODA* в России, а также лингвистике жестовых языков и использованию жестового языка в коммуникации.

(c) 2024, авторы

(c) 2024, V–A–C Press

(c) 2024, Частное учреждение культуры «Музей
«Виктория — Искусство быть Современным»

V–A–C Press — издательская программа Частного учреждения культуры
«Музей «Виктория — Искусство быть Современным».

Все права защищены. Ни одна часть издания не может
быть воспроизведена без письменного согласия издателя
и правообладателей.

Содержание

	стр. 7	Приветствие А. Бондаревский
	стр. 10	Исследуя сообщество глухих В. Колесников
	стр. 14	Что значит быть глухим? Н. Большаков, В. Колесников
Раздел I. История	стр. 27	Развитие исследований по истории глухих А. Комарова
	стр. 38	Исследования по истории глухих: 25 лет спустя В. Паленный
Раздел II. Сообщество	стр. 61	Результаты опроса глухих и слабослышащих в рамках социокультурного анализа сообщества глухих О. Варинова
	стр. 76	Элита сообщества глухих: критерии принадлежности, внутригрупповые связи и социокультурный профиль П. Врублевская, А. Григорян, В. Дзюба, Д. Четвериков, Н. Чупятова
	стр. 104	Проблемы взаимодействия глухой, слабослышащей и слышащей молодежи в образовательном и социальном пространстве И. Жданова, А. Шец
	стр. 130	Социализация и переживание опыта стигматизации слышащих детей глухих родителей М. Малофеева

Раздел III.
Язык

- стр. 153 Сколько людей владеют русским жестовым языком?
В. Базоев
- стр. 168 Социальные аспекты исследований языка глухих: современные подходы и понятие нормы
В. Виноградова, В. Душкина
- стр. 201 Жестовый язык в среднем профессиональном образовании и усваиваемость материала глухими студентами
А. Москвичева
- стр. 210 Жестовые имена глухих в России
Ю. Апанасенко, А. Бабаева, Т. Белов,
И. Жадан, Т. Лосихина
- стр. 235 Жестовый язык в онлайн-общении глухих
Н. Большаков, М. Макаркин, В. Меренкова,
Н. Ярославкина
- стр. 255 Обратный перевод с русского жестового языка на русский язык: новый профессиональный стандарт и компетенции переводчика. Материалы дискуссии
И. Гинзберг, В. Колесников
- стр. 287 Взаимопонимание и сотрудничество: вместо заключения
Е. Ярская-Смирнова
- стр. 292 Биографии авторов
- стр. 301 Глоссарий

Приветствие

Артем Бондаревский,
генеральный директор фонда V—A—C
и Дома культуры «ГЭС-2»

Деятельность Дома культуры «ГЭС-2» основана на трех главных ценностях: культурное производство, междисциплинарность и доступность. Доступность является ядром нашей стратегии по работе с аудиторией: мы стремимся предоставить равный доступ к современной культуре для каждого посетителя, независимо от возраста, социального опыта или особенностей восприятия. Это прослеживается не только в программе «ГЭС-2», но и в других аспектах жизни институции.

Задолго до открытия Дома культуры к команде присоединились глухие и слабослышащие сотрудники, которые отвечают за разные направления в «ГЭС-2». Программы для глухих и слабослышащих курирует Влад Колесников (слабослышащий), в Ателье работает фасилитатор Юлия Костенева (слабослышащая), деятельность отдела доступности координирует Виктория Кузьмина (глухая), издания V—A—C Press редактирует Тамара Шатула (глухая). Коллеги не только влияют на принятие решений по вопросам создания новых проектов и адаптации уже существующих, но и во многом определяют облик «ГЭС-2».

Руководствуясь важным принципом «Ничего для нас без нас», мы также приглашаем экспертов из профессионального сообщества и носителей опыта работы с глухими и слабослышащими людьми. Это помогает нам совершенствовать подходы к нашей работе, постоянно развивая существующие методики и форматы. Сочетание внутренней и внешней экспертизы позволяет нам рассматривать глухих и слабослышащих людей в первую очередь как представителей одного из сообществ со своей субкультурой, которое наравне с другими обретает в Доме культуры «ГЭС-2» внимание и поддержку.

Так, с осени 2022 года у нас действует постоянная программа «Глухие и звонкие», над которой работают слабослышащий куратор Влад Колесников и слышащий координатор Варя Меренкова. Цель программы — совместно с представителями сообщества осмыслить идентичность и культуру глухих. Мы ищем подходы, чтобы расширять представление о сообществе глухих и современной культуре в целом, приобщать еще больше людей к различным формам соучастия, создавать возможности для коммуникации слышащих с глухими и слабослышащими и наоборот.

Айдентику программы «Глухие и звонкие» разработала слышащий дизайнер «ГЭС-2» Маша Виноградова. Ей принадлежит идея создания логотипа программы в виде круга, оформленного тремя разными линиями: пунктирной, сплошной и состоящей из точек. Визуально этот круг отсылает к сообществу глухих, а три типа линий символизируют глухих, слабослышащих и слышащих в их единстве и разнообразии. Опыт представителей сообщества глухих не ограничивается только этими тремя категориями, поэтому к работе над программой привлекаются также и те, кто не вписывается в привычные представления об этом сообществе, — например, пользователи кохлеарных имплантов, слабослышащие, которые не владеют жестовым языком, и слышащие, которые только-только начинают погружаться в сообщество глухих и узнавать об их культуре.

Цель программы в долгосрочной перспективе — расширить представление о сообществе глухих, поэтому работа идет по четырем векторам: исследование сообщества, изучение и популяризация русского жестового языка (РЖЯ), культурное производство и репрезентация глухоты, работа с профессионалами — переводчиками РЖЯ, сурдопедагогами и другими специалистами.

Исследование — один из важных подходов в нашей работе с сообществом глухих. «Исследуя сообщество глухих» — междисциплинарный проект, задача которого заключается в поддержке формирования новой для России дисциплины *Deaf Studies*. Эта дисциплина включает в себя фундаментальные и прикладные исследования, посвященные актуальным проблемам сообщества и вопросам идентичности и культуры его представителей, РЖЯ

и образования. В рамках проекта действует одноименный кружок, участники которого — глухие, слабослышащие и слышащие подростки и молодые взрослые — уже несколько лет изучают разные аспекты сообщества глухих.

Важным этапом проекта и логичным продолжением программы по работе с сообществом глухих стала конференция «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества», которую мы провели в мае 2023 года совместно с Высшей школой экономики.

В альманах, который вы держите в руках, вошли статьи на основе материалов конференции, написанные представителями сообщества глухих, специалистами и студентами, а также результаты трех исследований, которые в течение года проводились участниками первого набора кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Исследуя сообщество глухих

Влад Колесников, слабослышащий,
куратор программ для сообщества глухих
и программ доступности для глухих
и слабослышащих фонда V–A–C
и Дома культуры «ГЭС–2»

«Исследуя сообщество глухих» (ИСГ) — междисциплинарный проект Дома культуры «ГЭС–2», который направлен на поддержку и развитие исследований сообщества и культуры глухих и на формирование в России такой дисциплины, как *Deaf Studies*.

Проект начался с кружка, занятия которого стартовали в ноябре 2022 года. Идея кружка заключается в том, чтобы простимулировать представителей сообщества глухих к изучению своих культурных особенностей, своей идентичности или уникальных характеристик сообщества. «Ничего о нас без нас» — принцип, которым руководствуется команда Дома культуры «ГЭС–2» и который применительно к кружку предполагает важность участия в исследованиях и репрезентации своего опыта именно представителей сообщества.

Участниками первого набора кружка стали молодые люди от 14 до 25 лет — глухие, слабослышащие, CODA и слышащие, которые начали погружаться в сообщество глухих и владеют жестовым языком. Занятия начались с теоретического блока, посвященного лингвистике русского жестового языка и истории сообщества глухих. Потом участники приступили к выбору тем — социокультурный профиль представителей элиты сообщества глухих, жестовые имена глухих в России, онлайн-общение и жестовый язык в онлайн-общении глухих. Здесь нужно сказать о том, что все темы исследований были предложены самими участниками, а мы как кураторы проекта считали важным исходить из интереса и запросов самих ребят.

Затем начались лекции о методах социологических исследований, после чего участники приступили к работе над собственными

проектами. Велись разработка дизайна и сбор данных в рамках опросов, интервью и публичных дискуссий. Сбор информации проходил либо очно в Доме культуры «ГЭС-2», либо в *Telegram*-канале «Глухие и звонкие» и через сообщества глухих блогеров. Благодаря онлайн-анкете, которая была использована в исследовании о жестовых именах, нам удалось получить обратную связь от представителей сообщества глухих не только в Москве, но и из других регионов.

В мае 2022 года на междисциплинарной конференции «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества» были представлены предварительные результаты получившихся исследований. Конференция проводилась совместно с Международной лабораторией исследований социальной интеграции Высшей школы экономики и была задумана как форум, посвященный социальным, культурным и лингвистическим основам функционирования сообщества глухих в стране и мире. Исследования, представленные на конференции, были посвящены всестороннему рассмотрению жизни сообщества глухих и многообразным факторам, влияющим на него. В рамках конференции мы стремились собрать исследователей со всей России, чтобы обсудить: каково сообщество глухих сейчас, что его формирует и определяет идентичность его представителей. Важным для нас было также показать, что исследования сообщества глухих — не узкая тема, а перспективное направление с широким полем для изучения.

На конференции были представлены результаты исследований первого набора кружка «Исследуя сообщество глухих» по трем темам. Обратная связь слушателей конференции показала, что исследования ребят по степени научного интереса и уровню исследовательских подходов могут находиться в ряду с работами опытных специалистов. Материалы исследований содержатся в этом альманахе.

Конференция в «ГЭС-2» — не единственная, на которой участники ИСГ представляют результаты своих исследований. По ходу своей деятельности они также принимают участие в конференциях ведущих вузов России, представляя и обсуждая результаты с со-

обществом профессиональных исследователей, что позволяет расширять круг вопросов для будущих исследований.

В сентябре 2023 года состоялась первая экспедиция ИСГ на Камчатку. Участники кружка посетили местный дом культуры глухих и слабослышащих, отделение ВОГ и школу-интернат, в которой обучаются глухие и слабослышащие дети. Пообщались с глухими, слабослышащими и слышащими жителями Петропавловска-Камчатского, представили результаты своих исследований, а также провели групповые и индивидуальные интервью. Результаты поездки, оформленные в зин при участии глухой художницы Виктории Ананьевой, проживающей на полуострове, позволяют узнать больше о местном сообществе глухих, его культуре (например, о наличии жестовых имен и отношении глухих разных возрастов к этому культурному феномену), жестовом языке и особенностях коммуникации представителей сообщества со слышащими.

Осенью 2023 года начал работу новый набор кружка ИСГ. К команде участников прошлого набора присоединились новые. В новом составе они приступили к новым исследованиям по четырем темам, связанным с источниками получения информации глухими и слабослышащими, восприятием переводчиков РЖЯ внутри сообщества, влиянием грамотности глухих на их статус внутри сообщества и театром глухих.

Междисциплинарный проект «Исследуя сообщество глухих» будет продолжать свою ежегодную работу по разным направлениям. В планах увеличить количество экспедиций для участников кружка ИСГ, чтобы исследования позволяли делать выводы не только о центральной части России, но и о регионах. Конференция расширит тематику и географию приглашенных специалистов и обратит свое внимание также на международный опыт и исследование культуры и сообществ глухих разных стран. Мы надеемся, что проект «Исследуя сообщество глухих» станет важным шагом к институционализации в России направления *Deaf Studies*. Реализация проекта, основанная на актуальных социальных и культурных концепциях глухоты, невозможна без участия глухих и слабослышащих, а также слышащих единомышленников.

Мы открыты к сотрудничеству с образовательными и культурными институциями, а также общественными организациями и инициативными группами.

Что значит быть глухим?

Никита Большаков

Международная лаборатория исследований
социальной интеграции Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
nbolshakov@hse.ru

Влад Колесников

Фонд V–A–C, Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
vladislav.kolesnikov@v-a-c.org

Современные исследования, посвященные глухим и слабослышащим людям, а также глухоте в целом, в западных странах принято рассматривать в рамках такого междисциплинарного направления, как *Deaf Studies*, появившегося во второй половине XX века. На русский язык перевести название этого направления наиболее корректно можно как «исследования сообщества глухих» в широком смысле: охватываются не только глухие и слабослышащие люди, но и, например, слышащие, глухие и слабослышащие дети глухих родителей, слышащие родители глухих детей, переводчики жестового языка, владеющие жестовым языком единомышленники.

Сообщество глухих — уникальный пример группы с особыми культурными традициями, лингвистическими нормами, социальными практиками. Подобные взгляды на глухих и на сообщество сегодня являются достаточно распространенными, однако важно понимать, что еще несколько десятилетий назад, при повсеместном доминировании традиционных и медикалистских взглядов, подобный подход вряд ли нашел бы поддержку у большинства специалистов, работающих с глухими, слабослышащими людьми или их близкими. При этом парадоксальным образом тот факт, что глухие люди и их окружение длительное время не воспринимались как сообщество со своими особыми социокультурными характеристиками, только способствовал формированию и укреплению этого самого сообщества.

Долгое время в рамках традиционной концепции глухоты человек «с нарушением слуха» представлялся отклонением от «слышащей нормы». Изначально распространение подобных взглядов подкреплялось аргументами религиозного характера¹ а одни из первых исследований глухих и слабослышащих людей в XIX веке были инициированы слышащими специалистами — педагогами, дефектологами, сурдопедагогами, которые сосредотачивались на коррекции, обучении и воспитании глухих и слабослышащих в соответствии с методиками, направленными на усвоение, в частности, таких средств общения, как устная и письменная речь, развитие слухового восприятия, что в целом, по мнению специалистов, способствовало социализации. Эти взгляды усиливались в связи с появлением и развитием в педагогике концепции орализма, которая предполагала, что для полноценной жизни в обществе человеку необходимо владение устной речью, что подразумевало отказ от использования жестового языка в обучении и воспитании глухих и слабослышащих.

Ключевым событием в истории становления этого метода является Миланская конференция по образованию глухих 1880 года. Несмотря на ряд преимуществ устного метода, в силу которых он доминировал более ста лет, его «тоталитарный»² характер увеличивал стигматизацию глухоты, дискриминацию жестовых языков и запрет на их использование в обучении и на любых официальных мероприятиях³, а также, по мнению глухих активистов⁴, способствовал «колониализму глухих»⁵, закрепив их полную зависимость от слышащих педагогов. Наша страна не является исключением. В период СССР на бытовом уровне были созданы различные условия для глухих: с 30-х годов выпускаются специализированные издания, проводятся смотры и конкурсы само-

- 1 Более подробно см. в: *Большаков Н. В.* От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174.
- 2 *Ladd P.* Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood. — Clevedon: Multilingual Matters, 2003. — P. 124.
- 3 *Прозорова Е.* Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. — 2007. — № 1. — С. 46.
- 4 *Lane H. L.* The Mask of Benevolence: Disabling the Deaf Community. — New York: Knopf, 1992. — P. 43–45.
- 5 *Ibid.*

деятельности, во многих городах открываются дома культуры, создаются учебно–производственные предприятия глухих, организуются специализированные клубы и объединения, в 1963 году создается Театр Мимики и Жеста, в 60–70–е годы открываются специализированные дома отдыха и проводятся конкурсы и фестивали, — но в научном дискурсе любые субкультурные и лингвистические особенности данной группы полностью игнорировались.

Принято считать, что появившаяся позже посттрадиционная концепция, включающая в себя в первую очередь социальную модель понимания инвалидности и в том числе глухоты, берет свое начало в 70–е годы в США⁶, однако ряд исследователей отмечает, что осознание глухими своей принадлежности к многообразию человеческих культур⁷ и, как следствие, появление первых активистов и социальных движений⁸, вооружившихся лозунгами *Deaf Power* и *Deaf Pride*⁹, произошло еще в 60–е годы. Глухота в этом случае рассматривается не как патология организма, дефект, навсегда установленная реальность, а как социальный конструкт, наполнение которого зависит от ценностей и норм конкретного общества. Она находится «не в теле человека»¹⁰, а в том, как взаимодействуют между собой глухой человек, с одной стороны, и общество — с другой, то есть на первый план выходят социальные и структурные отношения между индивидами и группами.

Культурную модель инвалидности, как правило, принято также относить к посттрадиционной парадигме¹¹ и определять через

- 6 Ярская–Смирнова Е., Наберушкина Э. Социальная работа с инвалидами. — СПб: Питер, 2004. — С. 16.
- 7 Feenstra N. H. Hear the Deaf: Embedding Accessibility in Museums' Collection Presentation. — Leiden: Leiden University, 2015. — P. 11.
- 8 Jankowski K. A. Deaf Empowerment: Emergence, Struggle, and Rhetoric. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 1997.
- 9 Meadow K. Sociolinguistics, sign language and the Deaf subculture // Psycholinguistics and Total Communication. The State of the Art. — Silver Spring: National Association of the Deaf, 1972. — P. 19–33.
- 10 Feenstra N. H. Hear the Deaf: Embedding Accessibility in Museums' Collection Presentation. — Leiden: Leiden University, 2015. — P. 11.
- 11 Finkelstein V. Disabled people and our culture development // London Disability Arts Forum. — 1987. — Vol. 4. — P. 1–4.

борьбу людей с инвалидностью за свою культурную идентичность¹² в процессе осознания собственных отличий от доминантной группы¹³, основными из которых для сообщества глухих и слабослышащих выступают жестовый язык и культура глухих. Ключевым событием, обеспечившим возможность изменений, стала публикация Уильяма Стоуки в 1960 году доклада *Sign Language Structure*, в котором жестовый язык впервые признавался как полноценный язык¹⁴, а выход в 1965 году первого словаря *A Dictionary of American Sign Language*¹⁵ способствовал началу регулярных исследований жестового языка. В оформленном виде идея о том, что глухота это нечто большее, чем просто медицинский диагноз, появилась еще в 70-е годы^{16, 17}. Вслед за Стоуки на протяжении 80-х годов исследователи концентрировали свое внимание именно на лингвистических особенностях группы. В конце 80-х годов глухих в социокультурных терминах рассмотрели Кэрол Пэдден и Том Хэмфриз в работе *Deaf in America: Voices from a Culture*¹⁸. В частности, они сформулировали базовые критерии принадлежности к сообществу глухих, такие как самоидентификация, поведение и общий бэкграунд. Конец XX и начало XXI веков на Западе ознаменовались постепенным смещением исследовательского интереса в сторону культурных особенностей глухих: выходят такие работы, как *The Cultural Meaning of Deafness*¹⁹, *Deaf in America: Voices from*

- 12 Longmore P. K. The second phase: From disability rights to disability culture // Disability Rag & Resource. — 1995. — № 16 (5). — P. 4–11.
- 13 Devlieger P., Rusch F., Pfeiffer D. Rethinking Disability: The Emergence of New Definitions, Concepts, and Communities. — Antwerpen: Garant, 2003. — P. 14–15.
- 14 Stokoe W. C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American Deaf // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2005. — № 10 (1). — P. 3–37.
- 15 Stokoe W. C., Casterline D. C., Croneberg G. C. A dictionary of American Sign Languages on Linguistic Principles. — Washington, DC: Gallaudet College Press, 1965. — 346 p.
- 16 Schlesinger H., Meadow K. Sound and Sign. — Berkley: University of California Press, 1971. — 265 p.
- 17 Meadow K. Sociolinguistics, sign language and the Deaf subculture // Psycholinguistics and Total Communication. The State of the Art. — Silver Spring: National Association of the Deaf, 1972. — P. 19–33.
- 18 Padden C. A., Humphries T. L. Deaf in America: Voices from a Culture. — Cambridge: Harvard University Press, 1988. — 134 p.
- 19 Harris J. The Cultural Meaning of Deafness: Language, Identity and Power Relations. — Aldershot: Avebury, 1995. — 194 p.

*a Culture*²⁰, *Open Your Eyes: Deaf Studies Talking*²¹, *Understanding Deaf Culture — in Search of Deafhood*²², *Outsiders in a Hearing World*²³ и многие другие. Их авторы ставят перед собой цель описать историю развития сообщества глухих, проанализировать различные события и институты, способствовавшие формированию групповой идентичности глухих людей.

Приверженцы культурной концепции рассматривают культуру глухих как субкультуру, основными характеристиками которой являются жестовый язык, самоопределение, схожие поведенческие паттерны, внутренние браки, общность исторического наследия и наличие сети формальных объединений и организаций²⁴. Согласно Пэдди Лэдду²⁵, эти аспекты могут быть систематизированы на двух уровнях: лингвистическом и социальном — уровне *Deafhood*. Центральная роль жестового языка для культуры глухих признается всеми специалистами, и в первую очередь именно с лингвистических исследований начиналась история *Deaf Studies* в западных странах. Второй уровень — это уровень *Deafhood*, коллективное осознание себя как глухих, которое понимается, как процесс «борьбы любого глухого ребенка, глухого взрослого, любой семьи глухих за то, чтобы объяснить себе и друг другу собственное существование в мире, <...> что значит быть Глухим в сообществе Глухих»²⁶. В первую очередь, это уровень коллективной жизни в условиях высокой групповой солидарности. Социокультурный подход позволяет рассматривать глухих как группу людей, которые разделяют общую культуру: для самих

20 Padden C. A., Humphries T. L. *Deaf in America: Voices from a Culture*. — Cambridge: Harvard University Press, 1988. — 134 p.

21 Bauman H.-D. L. *Open Your Eyes: Deaf Studies Talking*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. — 349 p.

22 Ladd P. *Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood*. — Clevedon: Multilingual Matters, 2003. — 502 p.

23 Higgins P. C. *Outsiders in a Hearing World: A Sociology of Deafness*. — Beverly Hills: SAGE Publications, 1981. — 205 p.

24 Reagan T. *Cultural considerations in the education of the Deaf children // Educational and Developmental Aspects of Deafness*. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 1990. — P. 74–75.

25 Ladd P. *Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood*. — Clevedon: Multilingual Matters, 2003.

26 Ibid. — P. 3.

глухих в процессе наделения глухоты позитивными смыслами ключевую роль играют общинность, ощущение солидарности и истинной дружбы²⁷.

В нашей стране после распада СССР также появляются первые работы, полностью выполненные в посттрадиционной логике, и ряд исследователей, среди которых Галина Зайцева, Анна Комарова, Виктор Паленный и другие²⁸, начал развивать идеи использования билингвизма в процессе обучения глухих детей, а также акцентировать внимание на важности развития в детях с особенностями слухового восприятия «глухой» идентичности.

Изменения в восприятии глухими и слабослышащими себя и своего окружения, тенденция к осознанию своей культурной идентичности и принадлежности к сообществу глухих начинают активнее проявляться не только в западных странах, но и в нашей, причем как в работах исследователей или в творчестве глухих художников, так и в жизненных нарративах обычных людей. Так, в исследовании, посвященном профессиональным траекториям глухой молодежи²⁹, было обнаружено, что, сталкиваясь с теми или иными проблемами до или во время обучения, информанты переносят фокус своего внимания с построения успешной карьеры в обществе на поддержание собственной идентичности и укрепление статуса внутри сообщества глухих. Отсутствие перспектив в профессии компенсируется таким образом за счет акцентирования различных социальных и куль-

27 *Ярская-Смирнова Е.* Мужчины и женщины в стране глухих // *Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований.* — М.: ИНИОН РАН, 2001. — С. 226.

28 *Базоев В., Паленный В.* Человек из мира тишины. — М.: Академкнига, 2002. — 814 с.; *Паленный В.* Особенности культурологической подготовки старшеклассников школ для лиц с нарушением слуха // *Диссертация кандидата педагогических наук.* — М., 2001. — 198 с.; *Зайцева Г. Л.* Современные научные подходы к образованию детей с недостатками слуха: основная идея и перспективы // *Дефектология.* — 1992. — № 4. — С. 52–70; *Комарова А.* О культуре глухих на английском языке // *В едином строю.* — 2010. — № 11. — С. 14–17.

29 *Большаков Н. В.* «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // *Журнал исследований социальной политики.* — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 571–584.

турных контекстов глухоты и *Deafhood* — коллективного осознания себя как глухого, в первую очередь в условиях высокой групповой солидарности.

На социальном уровне в нарративах даже не знакомых с посттрадиционными концепциями глухоты информантов глухота обозначается как пропуск в закрытый мир (через метафору отдельного мира), причем войти в этот мир для части глухих и слабослышащих молодых людей оказывается важнее, нежели получить специальность, которая бы позволила, по сути, интегрироваться в общество слышащих, найти работу. Информанты указывают, что мир глухих замкнутый и узкий и, что наиболее важно, комфортен для них, тогда как окружающий мир (массовое образование, рынок труда) воспринимается как недоступный, враждебный.

Особую роль в таком раскладе играет жестовый язык, являющийся базой для конструирования идентичности глухих и слабослышащих. Мир глухих — это мир людей, общающихся на жестовом языке, поэтому возможность общаться, поддерживать жестовый язык становится важным фактором при совершении профессионального выбора глухими. Если слабослышащий или глухой человек не владеет жестовым языком (или недостаточно им владеет), то часто он оказывается исключен из этого сообщества. Знание жестового языка, конечно, выполняет важную практическую задачу, однако столь же значимыми оказываются факторы поддержания связей внутри сообщества и конструирования идентичности себя как глухого, использующего жестовый язык как ресурс для этого конструирования, причем хорошее знание жестового языка может становиться своего рода маркером успешности глухого, заменяя другие статусные показатели.

Глухота в нарративах информантов наделяется различными позитивными коннотациями: быть глухим — значит «быть добрым», «обладать хорошей памятью и бороться», жить «в спокойствии без шума», «слышать сердцем» и т.д. Даже если глухота связана с различными трудностями и преградами, в интервью она выступает в качестве катализатора различных позитивных процессов.

Да, глухой человек не слышит звуки, но он более остро воспринимает реальность другими органами чувств; да, ему тяжелее реализоваться в жизни, но он учится бороться; да, ему сложно общаться со слышащими, но зато внутри сообщества общение развито очень интенсивно и т.д. Отдельные информанты в ходе интервью, говоря о глухоте, воспринимают ее в первую очередь именно как культурную характеристику и вслед за активистами, вооружившимися в прошлом веке лозунгами *Deaf Power* и *Deaf Pride*, говорят о том, что они гордятся своим статусом глухого человека, рады общаться на жестовом языке и требуют пересмотра отношений между слышащими и глухими, в которых вторые выступают как «ненормальные».

В последние десятилетия культурная концепция глухоты подвергается критике^{30, 31}, и тот факт, что культура глухих не существует в вакууме и не может являться полностью самодостаточной³², порождает формирование бикультурных теорий: глухие и слабослышащие дети, выросшие в семьях слышащих родителей и попадающие потом в среду глухих, усваивают ценности и нормы как одного, так и другого сообщества, что действительно и в российских реалиях³³, — точно так же слышащие дети глухих родителей могут получить доступ к обоим сообществам. Основной же проблемой этих теорий является попытка объяснить все культурными факторами и игнорирование ряда характеристик социальной структуры общества, во многих случаях все же играющих определяющую роль.

Говоря сегодня о сообществе глухих, принципиально важно помнить, что в его основе лежит общность использования жестового языка, самоопределение, схожие поведенческие паттерны и опыт социализации, общее историческое наследие, в том

30 *Ladd P.* Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood. — Clevedon: Multilingual Matters, 2003. — P. 250.

31 *Turner G. H.* How is Deaf culture? Towards a revised notion of a fundamental concept // *Sign Language Studies*. — 1994. — № 83. — P. 103–126.

32 *Lane H. L.* Construction of deafness // *The Disability Studies Reader* / ed. by L. J. Davis. — New York: Routledge, 2006. — P. 86.

33 *Большаков Н. В., Астахова Н. В.* Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // *Журнал исследований социальной политики*. — 2017. — Т. 15. — № 1. — С. 51–66.

числе продолжительные периоды дискриминации, запретов на использование жестового языка, невозможности реализации себя. Причем границы этого сообщества сегодня не могут быть четко определены, потому что многое из указанного будет также характерно, например, для слышащих детей глухих родителей (которые тоже продолжают испытывать на себе дискриминацию со стороны слышащего общества), переводчиков жестового языка (которые используют его в общении), партнеров, близких, друзей глухих людей (которые зачастую усваивают поведенческие паттерны от глухих или проходят общие с ними стадии социализации). Исследователям еще предстоит³⁴ дать ответы на вопросы, что же представляют собой сообщество и культура глухих в современной России, однако тексты, собранные в этом альманахе, уже сейчас позволяют пролить свет на то, что сегодня значит быть глухим.

Библиография

Базоев В., Паленный В. Человек из мира тишины. — М.: Академкнига, 2002. — 814 с.

Большаков Н. В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // Журнал исследований социальной политики. — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 571–584.

Большаков Н. В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174.

Большаков Н. В., Астахова Н. В. Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // Журнал исследований социальной политики. — 2017. — Т. 15. — № 1. — С. 51–66.

Варинова О. А. Особенности описания социального сообщества глухих людей // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7 (149). — С. 44–48.

34 *Варинова О. А.* Особенности описания социального сообщества глухих людей // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7 (149). — С. 47.

Зайцева Г. Л. Современные научные подходы к образованию детей с недостатками слуха: основная идея и перспективы // Дефектология. — 1992. — № 4. — С. 52–70.

Комарова А. О культуре глухих на английском языке // В едином строю. — 2010. — № 11. — С. 14–17.

Паленный В. Особенности культурологической подготовки старшеклассников школ для лиц с нарушением слуха // Диссертация кандидата педагогических наук. — М., 2001. — 198 с.

Прозорова Е. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. — 2007. — № 1. — С. 41–61.

Ткаченко В. С. Медико-социальные основы независимой жизни инвалидов: учеб. пособие. — М.: Дашков, 2010. — 381 с.

Ярская-Смирнова Е., Наберушкина Э. Социальная работа с инвалидами. — СПб: Питер, 2004. — 315 с.

Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. — М.: ИНИОН РАН, 2001. — 252 с.

Bauman H.-D. L. Open Your Eyes: Deaf Studies Talking. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. — 349 p.

Devlieger P., Rusch F., Pfeiffer D. Rethinking Disability: The Emergence of New Definitions, Concepts, and Communities. — Antwerp: Garant, 2003. — 210 p.

Feenstra N. H. Hear the Deaf: Embedding Accessibility in Museums' Collection Presentation. — Leiden: Leiden University, 2015.

Finkelstein V. Disabled people and our culture development // London Disability Arts Forum. — 1987. — Vol. 4. — P. 1–4.

Fishman J. A critique of six papers on the socialization of the deaf child, conference highlights: National Research Conference on the Social Aspects of Deafness. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 1982.

Harris J. The Cultural Meaning of Deafness: Language, Identity and Power Relations. — Aldershot: Avebury, 1995. — 194 p.

Higgins P. C. Outsiders in a Hearing World: A Sociology of Deafness. — Beverly Hills: SAGE Publications, 1981. — 205 p.

Jankowski K. A. Deaf Empowerment: Emergence, Struggle, and Rhetoric. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 1997. — 197 p.

Ladd P. Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood. — Clevedon: Multilingual Matters, 2003. — 502 p.

Lane H. L. Construction of deafness // The Disability Studies Reader / ed. by L. J. Davis. — New York: Routledge, 2006. — 451 p.

Lane H. L. The Mask of Benevolence: Disabling the Deaf Community. — New York: Knopf, 1992. — 310 p.

Longmore P. K. The second phase: From disability rights to disability culture // Disability Rag & Resource. — 1995. — № 16 (5). — P. 4–11.

Meadow K. Sociolinguistics, sign language and the Deaf subculture // Psycholinguistics and Total Communication. The State of the Art. — Silver Spring: National Association of the Deaf, 1972. — P. 19–33.

Padden C. A., Humphries T. L. Deaf in America: Voices from a Culture. — Cambridge: Harvard University Press, 1988. — 134 p.

Reagan T. Cultural considerations in the education of the Deaf children // *Educational and Developmental Aspects of Deafness*. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 1990. — 451 p.

Schlesinger H., Meadow K. Sound and Sign. — Berkley: University of California Press, 1971. — 265 p.

Stokoe W. C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American Deaf // Journal of deaf studies and deaf education. — 2005. — № 10 (1). — P. 3–37.

Stokoe W. C., Casterline D. C., Croneberg G. C. A Dictionary of American Sign Languages on Linguistic Principles. — Washington, DC: Gallaudet College Press, 1965. — 346 p.

Turner G. H. How is Deaf culture? Towards a revised notion of a fundamental concept // Sign Language Studies. — 1994. — № 83. — P. 103–126.

История

Развитие исследований по истории глухих¹

Анна Комарова

История глухих — новая научная дисциплина. Ее возникновением мы обязаны многим социально-политическим факторам. Решающим в появлении новой отрасли знаний стало признание прав глухих на свой особый путь развития, свой язык, свою культуру, свое наследие. Во многих странах мира глухие и их сообщество перестают рассматриваться как группа «инвалидов по слуху». Развитие самосознания глухих, интенсивные исследования национальных жестовых языков в Европе и Америке, изменение отношения к глухим вызвали в 80-х годах острый интерес к их историческому прошлому.

За последние 10 лет появилось значительное количество работ глухих и слышащих исследователей, посвященных различным вопросам истории глухих. Как отрасль знаний, история глухих еще находится в стадии формирования, однако можно выделить основные аспекты, интересующие исследователей. Сюда относятся: проблемы методологии и теории истории глухих как научной дисциплины; социологические и философские аспекты глухоты; возникновение и развитие обществ глухих; история обучения глухих; проблемы общения, жестового языка и перевода; культура глухих; жизнь и творчество отдельных глухих. Безусловно, многие из этих вопросов трудно изучать в отрыве друг от друга, они тесно переплетены и взаимосвязаны.

В своем обзоре я постараюсь остановиться на некоторых работах зарубежных исследователей, опубликованных в сборниках «Приоткрытая история глухих» (под редакцией ван Клива, США, 1993);

1 Печатается в исходной редакции по: *Комарова А. А.* Развитие исследований по истории глухих // *Материалы Первого московского симпозиума по истории глухих.* М.: Загрой, 1997. С. 16–25. (Редакция альманаха благодарит Московскую городскую организацию ВОГ за разрешение использовать статью Анны Анатольевны.)

«Взгляд назад» (под редакцией Фишер и Лейна, Германия, 1993); «Коллаж» (под редакцией Фишер и Воллхабера, Германия, 1996); а также на материалах 2-го Международного конгресса по истории глухих (1994), Конгрессов ВФГ (1991, 1995).

Книги, так или иначе связанные с глухими, посвященные фактам из жизни «великих» глухих, биографии выдающихся сурдопедагогов были известны давно. Что же позволяет сейчас утверждать, что история глухих как наука — явление новое? Джексон, специалист по истории британских глухих, пишет: «Существует достаточное количество книг, подробно описывающих достижения слышащих и их участие в судьбе глухих... основной недостаток этих книг в том, что эти книги о слышащих людях, а глухие, которые сделали их известными, едва ли упоминаются»². Стоит напомнить о том, что первая книга, написанная глухим автором, была опубликована в 1779 году. Француз Пьер Деслог издал «Наблюдения глухонемого о начальном курсе обучения глухонемых», часть этой работы посвящена жестовому языку и его роли в жизни глухих.

Американец ван Клив сетует на то, что в знаменитом Галлодетском университете курс «История сообщества глухих Америки» был включен в учебную программу только в 1986 году, а до этого «...многие поколения глухих студентов не имели ни малейшего представления о своем прошлом... глухие и не записывали своей собственной истории, и не привлекали слышащих ученых. Глухота слишком долгое время рассматривалась с точки зрения патологии»³.

Подобно истории других социально-лингвистических меньшинств, история глухих долгое время оставалась в забвении или рассматривалась сквозь «призму мира слышащих». Немецкий ученый Пюнтер Лист говорит, что «история глухих — это история подавления», хотя «история глухих имеет полное право быть частью всеобщей истории». «Социальные проблемы глухоты и вместе с этим в значительной степени историческая судьба

2 *Gregory S., Hartley G. M. Constructing Deafness. — London, New York: Continuum, 1991. — P. 14.*

3 *Van Cleve J. V. Deaf History Unveiled. — Gallaudet University, 1993. — P. 14–15.*

глухих людей рассматриваются... через схему, созданную слышащим большинством, как парадигма, применяемая по отношению к меньшинству глухих (инвалидность, способность к обучению, к устной речи)». Однако Лист не считает, что в истории глухих не должно быть места слышащим исследователям. Он основывает свое мнение на том, что история глухих есть история меньшинства, которая не может быть понята отдельно от истории большинства, которое контролирует основные институты общества⁴.

Работ по методологии и теории истории глухих сделано еще не очень много. Среди авторов, занимающихся этими вопросами, следует отметить американцев Х. Лэйна, Дж. Ганнона, Дж. Шухмана, немца Г. Листа, Г. Л. Зайцеву.

Важным для развития истории глухих как науки является признание так называемой «устной истории», которая в последнее время стала важной частью изучения исторического наследия самых различных групп меньшинств. Этот термин, не очень подходящий для глухих и жестового языка, подразумевает то историческое наследие, те события, факты, мифы и анекдоты, которые ранее не записывались. Наследие глухих, передаваемое жестовым языком из поколения в поколение и живущее в этом языке, долгое время не признавалось частью истории и полностью игнорировалось многими историками. Фиксирование «устной истории» предполагает иные методы по сравнению с обработкой архивных и письменных документов. Методология таких исследований с использованием видеозаписи была разработана Дж. Шухманом и ряд работ был выполнен Х. Лейном, Дж. Ганноном, С. Кармелом (США).

Интересна работа, сделанная исследователями Пуллен и Саттон-Спенсер из Бристольского университета о жизни глухих во время Второй мировой войны. Были опрошены пожилые глухие юго-запада Англии, и многие из них рассказали о забавных, но важных для жизни глухих фактах. Для того, чтобы глухие могли узнать о ночной бомбежке и необходимости идти в укрытие, они привязывали к пальцу ноги веревку и спускали ее в окно. В случае налета проходивший по улице дежурный должен был дер-

4 Ibid. — P. 113–123.

нуть за веревку и разбудить глухого. Спать с веревкой на ноге было не очень приятно, поэтому члены семьи спали с веревкой по очереди⁵.

Еще один пример. Шухман беседовал с глухими актерами, снявшимися в 1926 году в американском немом фильме «Час, когда он занят» (кстати, в этом фильме были заняты только глухие актеры). Один актер вспоминает, как расстроены были глухие, когда появилось звуковое кино, — они почувствовали себя ущемленными и опять в неравных условиях со слышащими⁶.

Социологические и философские аспекты проблем глухоты во многом связаны с отношением к образованию глухих, к месту и роли жестового языка и отражают политическую ситуацию и состояние культуры в обществе. Этим вопросам были посвящены работы Сен-Лупа, Пресно (Франция, 1993), Лейна, Бейнтонна (США, 1993), Фишер (Германия, 1993), Звибеля (Израиль, 1993).

В работе Сен-Лупа о восприятии глухих в средневековой Европе говорится о том, что в V–XV веках не существовало какого-либо единого, однозначного взгляда на глухих. Общеизвестным является тот факт, что глухота воспринималась либо как божье наказание за прегрешения, либо как наказание за грехи родителей. Христианская церковь долго считала, что глухота служит серьезным препятствием к принятию в лоно церкви и объединяла глухих с еретиками, евреями и язычниками. Однако еще в V веке святой Иероним утверждал, что глухие могут понять Евангелие благодаря жестам и, хотя не слышат, воспринимают сердцем. Постепенно отношение церкви к глухим менялось, и с V века было разрешено их крещение, с XI века — церковный брак, а с XVI века глухим разрешено принимать монашеский обет. Сен-Луп проанализировал картины и скульптурные изображения этого времени. Очень многое говорит о негативном отношении к глухим.

Тем не менее Сен-Луп считает, что в средние века глухие были лучше приспособлены к жизни, чем сейчас. Такое парадоксаль-

5 *Fischer R., Vollhaber T.* Collage. — Hamburg: Signum, 1996. — P. 171–176.

6 *Ibid.* — P. 515–534.

ное, на первый взгляд, мнение он объясняет тем, что в средние века в Европе значительное большинство населения было безграмотным и занималось конкретным физическим трудом. Жестикулирование и использование рисунков было больше распространено в обществе, и глухие, безусловно, имели преимущество перед другими группами инвалидов*.

О социальном статусе глухих можно судить по отношению к законам о наследовании. Например, в Испании XVI века знаменитый учитель глухих Педро Понсе, пользовавшийся в основном письменным и дактильным методом, преувеличивал способности своих учеников владеть устной речью для того, чтобы они имели возможность вступить в права наследования⁷.

Исследователей истории глухих часто волнует тема, связанная с конфликтом между сторонниками устного и жестового метода обучения глухих. Американский историк Бейнтон (1993) пытается понять глубинные истоки этого противоречия. Он считает, что причина вытеснения в США жестового метода устным связана с восприятием философской и научной мысли 2-й половины IX века. По мнению Бейнтона, теория эволюции Дарвина была идеологически близка сторонникам устного метода. Вера в науку и эволюцию заставила американцев иначе относиться ко всему, что считалось примитивным. Возникло мнение, что жестовый язык является первичной формой, от которой позднее развился словесный язык. Бейнтон связывает орализм (устный метод обучения) с расизмом. Обе эти идеологии достигли своего расцвета и влияли на мировоззрение многих в начале XX века.

Сторонники устного метода считали, что глухие, пользующиеся жестовым языком, больше похожи на обезьян или ближе к людям третьего сорта, например к американским индейцам. Сходного мнения придерживались и французские сторонники устного метода, считавшие, что язык есть высшее выражение достижений человеческой цивилизации.

* Корректно: людей с инвалидностью. (Прим ред.)

⁷ Fischer R., Vollhaber T. Collage. — Hamburg: Signum, 1996. — P. 107–114.

Проблемам обучения глухих посвящено наибольшее число работ. В первую очередь к ним относятся написанные с любовью, благодарностью работы о жизни и деятельности первых сурдопедагогов: аббата де Л'Эпе, испанского монаха Педро Понсе, Томаса Хопкинса Галлодета. Последнее время появляется все больше работ о глухих учителях глухих: Этьене де Фей, Роберто Франсиско Прадеше, Франсисе Маджинне, Фредерике Джоне Роузе. Многие исследователи отмечают, что на заре сурдопедагогики почти во всех странах Европы и в США было очень много глухих учителей и воспитателей.

Например, в известной лондонской школе на Олд Кент Роуд в середине прошлого века 8 из 12 учителей были глухими⁸. Интересно, что директор этой школы Элиотт был одним из четырех делегатов, кто вместе с Галлодетом проголосовал на печально известном Миланском конгрессе против принятия декларации в поддержку устного метода.

Англичанин Х. Уильямс посвятил одну из своих работ русским глухим учителям (1994). Сайло отмечает, что, работая с архивами, не всегда можно понять, был ли учитель глухим или нет (1991). Она выяснила, например, что все воспитатели Маргейтской школы (Великобритания) были глухими, только благодаря одной записи в архивном документе, сообщающей, что при пожаре в школе было трудно поднять тревогу, и рекомендовалось, чтобы в школе всегда был один слышащий дежурный⁹.

Более подробно хочется остановиться на малоизвестной биографии Фредерика Джона Роуза, глухого основателя первой школы глухих в Австралии в 1860 году. Роуз родился в Оксфорде, оглох в детстве от скарлатины и в 9 лет поступил в школу глухих в Лондоне. Школа не только дала ему прекрасное образование, но и обучила ряду профессий. Вместе со слышащим братом Роуз эмигрировал в Австралию во время разгара «золотой лихорадки». Он прекрасно устроился и стал известным краснодеревщиком,

8 Ibid. — P. 74.

9 *Gregory S., Hartley G. M. Constructing Deafness.* — London, New York, Continuum, 1991. — P. 15.

однако, узнав о большом количестве глухих детей в стране, решил открыть специальную школу. В первые годы школа существовала на личные деньги Роуза, в ней обучалось 75 детей. Постепенно руководство школой перешло в руки Совета попечителей, состоявшего из слышащих. Политика школы менялась, жестовому языку оставалось все меньше и меньше места, и в 1882 году Роуз был вынужден уйти из школы. Однако работать с глухими он не перестал, став основателем «Миссии взрослых глухонемых», которая позднее переросла в общество глухих Австралии¹⁰. Следует отметить, что в 1993–1996 гг. было сделано много интересных работ глухими и слышащими исследователями Австралии по истории и образованию глухих, по жестовому языку.

Хорошо известен тот факт, что становление и развитие обществ глухих во многих странах было возможным благодаря встречам и объединению выпускников школ глухих. Наиболее ярким примером служат глухие французы, которые и по сей день боготворят основателя первой школы аббата де Л'Эпе. Его имя окружено легендами и мифами, которые глухие обязательно рассказывают посетителям клубов глухих по всей стране¹¹. Выпускники школы решили отмечать день рождения аббата, и с начала XX века такие празднования-банкеты стали традиционными. Когда в 1912 году пышно отмечалось 200-летие со дня рождения великого француза, было приглашено много глухих из зарубежных стран, что, по-видимому, стало одной из первых встреч международного сообщества глухих¹².

Объем данного обзора не позволяет подробно остановиться на истории развития и деятельности национальных обществ глухих. Но следует, наверное, рассказать о трагическом периоде в жизни немецкого общества глухих, некоторые факты и события которого стали известны широкой аудитории лишь в 1993 и 1994 гг. (Бизольд, Мюкс, Германия). Страшная информация о жизни глухих немцев в годы германского национал-социализма (1933–1945) долгое время скрывалась обществами глухих и ФРГ,

10 *Fischer R., Vollhaber T.* Collage. — Hamburg: Signum, 1996. — P. 69–80.

11 *Gregory S., Hartley G. M.* Constructing Deafness. — London, New York, Continuum, 1991. — P. 17.

12 *Fischer R., Vollhaber T.* Collage. — Hamburg: Signum, 1996. — P. 233–241.

и ГДР. После прихода Гитлера к власти небольшие разрозненные общества глухих были объединены в 2 организации — спортивную ассоциацию и общество глухих Берлина. К руководству пришли глухие, активные члены нацистской партии. Председатель Албрегхс не снимал своей коричневой рубашки со свастикой и имел при себе оружие. Борясь за чистоту и здоровье арийской нации, министерство здравоохранения издало в 1933 году указ о стерилизации всех глухих, имеющих наследственную глухоту. Общество глухих, руководство которого состояло в основном из оглохших, не только не воспротивилось, но и горячо поддержало это начинание. Шпионы общества ходили по школам, фабрикам, домам и доносили на всех, кто пытался скрыть наследственную глухоту. Газета глухих *Die Stimme* в 1934 году положительно писала о стерилизации: «За 10 месяцев подано 1504 заявления»¹³.

На глухих оказывалось колоссальное давление со стороны государства, общества глухих, школы; даже протестантская церковь Германии благословила это решение. Есть свидетельства 4-х выживших глухих евреев, которые были стерилизованы насильно (еврейская религия запрещает стерилизацию). Мать 13-летней девочки получила предупреждение от полиции, и ее дочь была подвергнута стерилизации. Некоторые глухие шли на операцию, не понимая ее сути и последствий, — с тем, чтобы оставаться законопослушными гражданами в глазах слышащих.

В том же драматическом 1933 году общество глухих Берлина издало указ об исключении из его членов всех глухих еврейской национальности. Для многих это было тяжелым ударом: были исключены и главный казначей общества, и женщина, состоявшая членом общества 57 лет. Количество исключенных было велико еще и потому, что в Берлине находилась одна из лучших школ страны, основанная в 1873 году для глухих евреев. Судьба учеников и выпускников этой школы трагична. Из тысячи учившихся в ней в конце прошлого и в начале этого века* гитлеровский режим пережило только 22 человека. Остальные погибли в гетто или сгинули в концлагерях.

¹³ Ibid. — P. 201.

* Имеются в виду конец XIX и начало XX века. (Прим. ред.)

Интервью с пожилыми глухими тем не менее свидетельствуют о том, что многие из них, несмотря на жестокую политику государства, отсутствие информации, все еще восхищаются Третьим Рейхом. Они с удовольствием вспоминают порядок, маршировку в коричневых рубашках, летние лагеря для молодежи, занятия спортом. Всегерманские спортивные игры 1937 года вызывали восторг и гордость. Даже сегодня многие глухие не верят и отказываются верить в страшные факты зверства, происходившего в те годы.

Для понимания истории глухих важными являются работы, посвященные вопросам жестового языка. Хочется кратко остановиться на работах Оллсоп и Вол (Великобритания, 1995, 1996), изучающих международные жестовые системы. Идея международного жестового общения очень стара. В конце XIX — начале XX в. появилось довольно много публикаций, буклетов и небольших словарей по этой теме. Словарик глухого художника Аша в 1922 году включал жесты, сходные в британском, французском и голландском языках. Автор пишет на обложке: «...вас легко поймут без карандаша и без переводчика».

В 50-е годы комиссией ВФГ был разработан жестуно — система жестов, призванная обслуживать международные мероприятия глухих (конференции, семинары, спортивные соревнования). Первый словарь жестуно был опубликован в 1965 году и содержал 300 жестов, 3-е издание 1975 года включало уже 1500 жестов. С использованием жестуно возникло сразу много проблем. Во-первых, ни одна из этих книг не описывала грамматическую основу системы, не показывала использование жестов в контексте. Во-вторых, были неясны искусственные принципы образования новой лексики. В-третьих, вся лексика словаря основывалась на 4 жестовых языках — британском, итальянском, американском и русском. Никаких жестов из азиатских, африканских и южно-американских национальных жестовых языков включено не было.

Все же можно говорить, что, в отличие от жестуно, международное жестовое общение появилось и развивалось естественным путем. Неформальное общение глухих из разных стран и является такой международной жестовой системой. Группой экспертов

была сделана попытка выявить стратегии общения с носителями иностранного жестового языка. Отмечалось использование естественных жестов, иконических жестов, большое количество повторений, использование рисунков и надписей, грамматических и лексических элементов национальных жестовых языков. Чем свободнее глухой владеет национальным жестовым языком, тем легче дается ему международное общение. В 1814 году француз, педагог Лоран Клерк попал в английскую школу глухих, где свободно использовался британский жестовый язык. Он увидел группу жестикулирующих школьников, «...его (Клерка) лицо оживилось, он стал радостен, как только может быть счастлив путешественник, неожиданно увидев в далекой чужой стране группу своих соотечественников... Клерк подошел к ним. Он сделал какие-то жесты, и они ответили ему жестами»¹⁴.

В начале обзора я говорила о том, что биографии «великих» глухих хорошо известны. Но открываются все новые и новые имена, которыми глухие вправе гордиться. В 1995 году Х. Лангом (США) был опубликован биографический словарь «Глухие в искусстве и в науке». Среди ученых Ланг отмечает полностью глухого Гийома Амонтонса (1663–1705), французского физика, изучавшего температуру и предложившего гидрометр; Шарля Бонне (1720–1793), швейцарского ботаника, открывшего принцип партеногенеза; знаменитого Жан-Жака Руссо (1712–1778), страдавшего тяжелой формой тугоухости с 24 лет; глухого от рождения британского астронома Джона Гудрике (1764–1786); шведского химика Андерса Экеберга (1767–1813), оглохшего в 11 лет и открывшего тантал; Лео Лескере (1806–1889), основателя американской палеоботаники; американку Анни Каннон (1863–1941), систематизировавшую 300 тысяч звезд, и многих-многих других¹⁵.

Среди людей искусства можно назвать глухого от рождения художника Римской империи Квинтуса Педиуса; глухого от рождения монаха Этьена де Фей (1669–?), реконструировавшего Амьенское аббатство; итальянца Бьяджо (1454–1513), известного под именем Пинтуриккио, изучавшего живопись вместе с Рафаэлем;

14 Fischer R., Vollhaber T. Collage. — Hamburg: Signum, 1996. — P. 28.

15 Ibid. — P. 173, 174.

испанца Наваррете* (1526–1579), работавшего при дворе Филиппа II; французских глухих скульпторов Шопена, Мартена, Десена, работавших в конце XVIII века¹⁶.

Настоящий обзор ни в коей мере не претендует на законченность и полноту. Была сделана попытка показать лишь некоторые кусочки мозаики, которые складываются в прекрасную картину под названием «Всемирная история глухих». Очень хотелось бы, чтобы эта картина увлекла российских читателей, и они дополнили ее новыми работами и исследованиями.

Библиография

Van Cleve J. V. Deaf History Unveiled. — Gallaudet University, 1993. — 293 p.

Gregory S., Hartley G. M. Constructing Deafness. — London, New York, Continuum, 1991. — 319 p.

Fischer R., Lane H. Looking Back. — Hamburg: Signum, 1993. — 558 p.

Fischer R., Vollhaber T. Collage. — Hamburg: Signum, 1996. — 304 p.

References

Van Cleve J. V. Deaf History Unveiled. Washington D. C., Gallaudet University Press, 1993. 293 p.

Gregory S., Hartley G. M. Constructing Deafness. London, New York, Continuum, 1991. 319 p.

Fischer R., Lane H. Looking Back. Hamburg, Signum, 1993. 558 p.

Fischer R., Vollhaber T. Collage. Hamburg, Signum, 1996. 304 p.

* Имеется в виду Хуан Фернандес де Наваррете по прозвищу эль-Мудо (Немой). (Прим. ред.)

¹⁶ *Fischer R., Lane H. Looking Back.* — Hamburg: Signum, 1993. — P. 75–87.

Исследования по истории глухих: 25 лет спустя

Виктор Паленный

Редакция журнала
Всероссийского общества
глухих «В едином строю»,
Москва, Россия
palenny@yandex.ru

Ключевые слова: история
глухих, идентичность
глухих, сообщество
глухих, жестовый язык,
Deaf Studies, устная
история.

В статье прослеживаются вехи становления новой исследовательской дисциплины — истории глухих — за последние 30 лет. Рассматриваются задачи исследований, основные аспекты, возможности приложения их результатов к текущему моменту.

Приводится краткий обзор институционализации *Deaf Studies* в США и этапов развития исследований в России. Показано, как с этим связано развитие социального дискурса, ставящего проблему защиты культурной специфики сообщества глухих, их равноправного доступа к благам и привилегиям.

Результаты исследований отражены в сборниках, книгах. Но перспективной сейчас представляется запись на видеоносители интервью с ветеранами сообщества глухих.

Говорить о включении *Deaf Studies* в основное русло общественного дискурса сложно. Однако развитие инклюзивных программ в таких институциях, как Музей современного искусства «Гараж» и Дом культуры «ГЭС-2», а также интерес к этой тематике в ряде университетов позволяют надеяться на легитимизацию истории глухих в научном сообществе.

12 сентября 1996 года Московская городская организация Всероссийского общества глухих (МГО ВОГ) провела в Театре Мимики и Жеста первый Московский симпозиум по истории глухих, а в 1997-м был издан сборник материалов симпозиума. Открыли его статьи профессора Галины Зайцевой («История глухих: предмет и объект») и Анны Комаровой («Развитие исследований по истории глухих»).

Зайцева, высоко оценивая методологический потенциал Школы Анналов, предлагала мысленно обратиться с вопросами к людям, жившим ранее, и «постараться расшифровать их ответы», несмотря на то, что сведений о глухих сохранилось мало.

Комарова отмечала: «Как отрасль знаний, история глухих еще находится в стадии формирования, однако можно выделить основные аспекты, интересующие исследователей. Сюда относятся: проблемы методологии и теории истории глухих как научной дисциплины; социологические и философские аспекты глухоты; возникновение и развитие обществ глухих; история обучения глухих; проблемы общения, жестового языка и перевода; культура глухих; жизнь и творчество отдельных глухих»¹. Статья Анны Анатольевны представляет собой обзор отдельных работ, опубликованных в различных сборниках материалов первых международных конференций по истории глухих, а также конгрессов Всемирной федерации глухих.

После этого симпозиума было проведено еще четыре, пятый состоялся в 2004 году. Публиковались сборники. Симпозиумы сыграли определенную роль в пробуждении интереса глухих

1 Комарова А. А. Развитие исследований по истории глухих // Материалы Первого московского симпозиума по истории глухих. — Москва: Загрей, 1997. — С. 12—14.

к своему прошлому. И на волне этого интереса автору этих строк удалось подготовить трехтомник «История Всероссийского общества глухих».

Что было в более чем 25-летний период после первого Московского симпозиума? Много чего. Было осмысление самого предмета, целей исследования истории глухих, возможностей приложения его результатов к текущему моменту... К этому вернемся ниже, а пока обрисуем ситуацию с этим направлением исследований.

История глухих — это научная дисциплина, здесь глухой человек изучается как действующий субъект. Это принципиально! Дело в том, что в разнообразной литературе прошлых лет, посвященной вроде бы глухим, они — объекты. По мнению немецкого исследователя Гюнтера Листа, «история глухих — это история подавления», хотя «история глухих имеет право быть частью всеобщей истории. <...> Социальные проблемы глухоты и вместе с этим в значительной степени историческая судьба глухих людей рассматриваются... через схему, созданную слышащим большинством, как парадигма, применяемая по отношению к меньшинству глухих (инвалидность, способность к обучению, к устной речи)»². Откроем любую «Историю сурдопедагогики» — здесь сплошь имена выдающихся учителей глухих детей. А где сами глухие? Разве что в рассказе про монаха Педро Понсе де Леона, который воспитывал глухих представителей знатного семейства Веласко. Как-то не было принято писать про судьбы воспитанников специальных заведений. Авторам важнее рассказать про успешность того или иного метода в обучении произношению, нежели про успешные карьеры глухих выпускников школ. Глухие — и дети, и взрослые — с их мыслями и чувствами попросту выводились за скобки.

Задача исследователей истории глухих — возвращение истории глухих. Для этого нужно, чтобы прозвучали их «голоса». Они — не только «фон» для истории сурдопедагогики. У них свое мнение о педагогах, окружающих, мире вокруг. Своя оценка событий.

2 Там же. — С. 16–17.

Отсюда и новая акцентировка событий, связанных с образованием глухих, переоценка явлений, рассматриваемых сурдопедагогами как «прогрессивные». Изменим «оптику» — и вместо истории методов обучения глухих мы получим историю дискриминации глухих, или историю развития жестового языка, и т.д. Историки же подходят к документам с разными вопросами, изучают их под разными углами зрения, и у них получаются разные истории.

Но история глухих — не «уход в раковину». Сообщества глухих можно изучать не только изнутри, но и извне, тогда объектом выступает «большое» общество, отношение к «аномальным», обусловленное менталитетом. Историк изучает символы и образы, характеризующие глухоту и глухого человека; нормы, принятые в обществе по отношению к глухим людям; семейные, трудовые отношения, проблему идентичности глухого. И то, какие роли, нормы общество через системы социализации, культурные ценности и символы предписывает исполнять глухим.

Согласно теории стигмы социолога Ирвинга Гофмана, процесс стигматизации посредством использования вербальных ярлыков означает, что жизнь стигматизированных индивидов становится определенной в терминах бытия, принятых доминантным большинством. «Стигматизированные люди стремятся положить конец своей дискриминации. Для этого они применяют различные техники поведения. Можно скрывать свою инвалидность, но можно, наоборот, выставлять ее напоказ, так что она становится нормальным условием нормального поведения»³. Если стигматизированных индивидов достаточно, то они могут развить социальную идентичность, которая становится культурной нормой для стигматизированной группы. В 1970-е гг. в ряде западных стран начался рост числа глухих, подчеркивавших свою особость, инакость; в США они, определяя себя как социокультурное или лингвистическое меньшинство, стали писать слово *Deaf* с заглавной буквы, как, например, *Russian, American*. Появились первые представители визуальной поэзии, художники, темой творчества которых стал мир глухих, жестовый язык. Началось конструирование

3 Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. — СПб: Алетейя, 1999. — С. 209.

Deaf-идентичности... В 1980-х гг. в некоторых университетах США для студентов начали действовать программы *Deaf Studies* (примерный перевод: «Изучение проблем глухоты и глухих людей»).

В 1990-х гг. получили распространение концепция «культуры многообразия» и идеи отсутствия «вертикали ценностей», заговорили о равнозначности исследовательских проблем. Появились «другие истории». В историческом знании возникли новые направления, в том числе «устная история». «Вместо утилитарного подхода к источникам личного происхождения (из которых ранее брались лишь общезначимые факты социально-политической истории) стал практиковаться «биографический метод», где во главу угла оказалась поставлена реконструкция одной или нескольких судеб и влияние на них социально-экономических и политических катаклизмов»⁴.

Устная история глухих — это запись на видеоносители интервью, устных рассказов глухих, их воспоминаний о переживаниях событий и состояний *Deaf Body**. Обращение к жизненному опыту конкретных глухих людей позволяет деконструировать распространенную интерпретацию глухоты как патологии и персональной трагедии. В Галлодетском университете (США), где в 1994 г. была основана первая в США кафедра *Deaf Studies*, возникло направление «устная история». Кстати, в университете появился отдельный курс: «История сообщества глухих Америки». С начала 1990-х регулярно проходили конференции по *Deaf Studies*, после которых издавались сборники докладов.

Исследователи в последнее десятилетие XX века попытались показать, в какой мере взаимодействие глухих и слышащих формировало культурные стереотипы, нормы и идентичности. В своей критике «патологизации» глухих они отталкивались от идей Мишеля Фуко. Отличие от канона не обусловлено «естественным» образом, а сконструировано обществом, то есть имеет социокультурные предпосылки. «Давая оценки, называя, мы воспроиз-

4 Пушкарева Н. Л. Гендерная методология в истории // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / под общей редакцией М. М. Малышевой. — М.: Academia, 2001. — С. 69.

* Глухого тела. (Прим. ред.)

водим в своих словах, идентичности, действиях некий социальный порядок, который кажется нам естественным, неизменным, универсальным»⁵.

Харлан Лэйн рассматривает историю глухих как историю их социального, культурного и психологического угнетения, а отношения общества с сообществом глухих уподобляет отношениям колонизаторов (характерная черта неокOLONиального дискурса — патернализм) и колонизируемых. Американский профессор раскрывает негативные стороны «медикализации» глухоты. Но следует заметить, что это не только история «угнетения» и «борьбы против дискриминации», но и форма подсознательного согласия глухих людей со своим подчиненным статусом: «...глухие сами ответственны за распространенное истолкование глухоты как неполноценности и имеют мало сил, чтобы расширить сферу истолкования глухих как меньшинства»⁶.

Обычно новое направление исследований проходит в своем развитии четыре этапа: 1) просветительский этап внедрения новой научной парадигмы; 2) этап институционализации исследований, когда официально регистрируются научные коллективы и организации, занимающиеся новой тематикой; 3) этап консолидации ученых и преподавателей; 4) этап активизации работы, нацеленной на легитимацию и распространение нового образования⁷. Вспомним замечание Томаса Куна: «С первым принятием парадигмы связаны создание специальных журналов, организация научных обществ, требования о выделении курса в академическом образовании»⁸.

Институционализация *Deaf Studies* — это формирование исследовательской парадигмы (глухие — культурное меньшинство, глухой — субъект истории) и сообщества исследователей. В США развитие этого направления шло в общем согласно вышеприве-

5 Ярская-Смирнова Е. П. Мужество инвалидности // О муже(N)ственности: Сборник статей / сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — С. 108.

6 Lane H. Construction of deafness // Deafness: 1993–2013 / A Deaf American Monograph. — 1993. — Vol. 43. — P. 79.

7 Хоткина З. А. Гендерным исследованиям в России — десять лет // Общественные науки и современность. — 2000. — № 4. — С. 21–26.

8 Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977. — С. 40.

денному делению: от роста исследований сообщества глухих как лингвистического меньшинства до внедрения *Deaf Studies* в программы ряда школ для глухих, а также университетов. Побочным результатом рождения *Deaf Studies* стало пробуждение особого *Deaf*-самосознания и прежде всего у самих исследователей жестовых языков и сообществ глухих.

В 1991 г. на первой Международной конференции по истории глухих в Вашингтоне было избрано бюро *DHI (Deaf History International)* — Международного клуба истории глухих. С тех пор провели еще 10 международных конференций — последняя, 11-я по счету, состоялась 7–13 августа 2022 г. в Любляне и Загребе.

Итак, сообщество исследователей жестового языка, истории и культуры глухих постепенно вырабатывало собственный предмет исследования, создавало систему академической коммуникации. Члены этого сообщества приглашают друг друга для чтения лекций, участия в семинарах или каких-нибудь совместных проектах. Они организуют тематические конференции, издают сборники. Но в целом это малое сообщество не имеет признания со стороны «большого» научного сообщества, а кроме того, склонно к самоизоляции. Это ограничивает социальный эффект исследований, ведет к снижению исследовательских стандартов и отсутствию острых дискуссий в рамках сообщества исследователей.

Мы отстаем от американцев в распространении новой парадигмы. Но характер развития схожий, пусть и не такой четко выраженный. О Первом московском симпозиуме по истории глухих (1996) мы уже говорили. 1998-й год ознаменовался открытием Центра образования глухих и жестового языка (ЦОГиЖЯ); включением факультатива «История и культура глухих» в программу школы для глухих и слабослышащих «на Новослободской». В 2002 г. состоялась защита кандидатской диссертации Виктора Паленного в Московском педагогическом государственном университете, вышла в свет в издательстве «Академкнига» книга Владимира Базоева и Виктора Паленного «Человек из мира тишины».

Начальный этап характеризовался дискуссией о предмете исследования, о понятиях, был связан с изучением западных концеп-

ций. Особую роль в продвижении новой тематики играл личный фактор: без высокой научной репутации профессора Галины Зайцевой развитие нового направления было бы крайне затруднено.

Что касается легитимизации нового знания, то его признаками являлись: внедрение курсов по жестовому языку, истории и культуре глухих (последняя — с 2002 г.) в программы Московского городского педагогического университета, Московского педагогического колледжа № 4. (Эти курсы спустя несколько лет были выведены из программ МГПУ и колледжа в силу разных причин. Но в 2021 году курс истории и культуры глухих был включен в программу подготовки переводчиков РЖЯ в Московском государственном лингвистическом университете.) Как начало признания новой дисциплины в рамках научного сообщества можно расценивать защиту диссертации Виктора Паленного 11 сентября 2002 г. в Московском педагогическом государственном университете. В диссертации были рассмотрены концепты «история глухих», «культура глухих».

После первых московских симпозиумов по истории глухих сформировалось немногочисленное содружество исследователей. Историки просматривали архивные дела, документы, литературу, встречались с ветеранами Общества. Они начали издавать сборники, ездить на международные конференции *DHI*, делать на них доклады. На конференциях приобретались издания (в первую очередь, американские и британские), которые поступали в библиотеки при Московской городской организации ВОГ и редакции журнала «В едином строю». Кстати, в архиве музея истории ВОГ старейшие издания на английском языке относятся к первой половине XIX века — эти книги были подарены архивом Галлодетского университета Московскому клубу истории глухих. Англоязычная литература находится, так сказать, в обороте: тексты читают, они переводятся на русский силами студентов МГЛУ в периоды их учебных практик.

В 2002 г. кандидат педагогических наук Татьяна Мамонтова организовала в Центре образования № 1406 («на Павелецкой») музей истории постшкольного образования глухих (в 2023 году музей закрыли, но его экспонаты были оперативно вывезены в помещение Московской городской организации ВОГ). Соби-

рала свидетельства героизма глухих граждан СССР в годы Великой Отечественной войны Мария Евсеева, она же подготовила книгу по истории ветеранского движения в ВОГ. Благодаря Лиру Муратову стало меньше «белых пятен» в истории спортивного и шахматного движения глухих России. Подробно описал историю большого трудового коллектива глухих Государственного подшипникового завода № 1 Виктор Фридекс. Подготовил к публикации историю глухих Астраханской области исследователь Владимир Гусев (Астрахань). Много материалов по истории Нижегородской организации глухих собрала Надежда Бобова (Нижний Новгород). К сожалению, в последние годы многие ушли из жизни, и среди них исследователи русского жестового языка Галина Зайцева, Анна Комарова, Татьяна Давиденко (ее воспоминания про мать-блокадницу Екатерину Лепешкину-Давиденко хорошо известны глухим в западных странах), Александр Мартьянов и др. Эта «брешь» невосполнима, хотя пришли новые исследователи. В первую очередь нужно выделить глухого историка-архивиста Дмитрия Долгова, который успел опубликовать несколько сборников по истории глухих в XIX — первой трети XX века, и слышащего исследователя из Санкт-Петербурга Дениса Заварицкого, автора уникальных книг по истории образования глухих. Продолжает свои изыскания Владимир Базоев, особое внимание уделяя истории дактилологии и проблеме подготовки переводческих кадров.

На страницах журнала «В едином строю» публикуются материалы исследований по истории глухих. Анна Комарова в течение примерно 20 лет делала развернутые обзоры сборников международных конференций *DHI* и других книг на английском языке. Это важная часть просветительской работы. Многие публикации были потом объединены в сборниках «За жестовый язык!», «За жестовый язык-2».

Редакция журнала стабильно готовит к изданию книги по истории и культуре глухих России, в том числе книги, посвященные Театру Мимики и Жеста, вкладу глухих в Победу в Великой Отечественной войне, выдающимся личностям (среди них актер Геннадий Митрофанов, историк и журналист Алла Славина, основатель Ленинградского восстановительного центра ВОГ Иосиф Гейльман, архитектор Юрий Соколов и др.).

Автор этих строк Виктор Паленный после работы над трехтомником «История ВОГ» (2007–2011) принял участие в подготовке книги «Из истории Башкирской организации глухих» (2010, автор Геннадий Шаталов), составил книги «Люди и дела Подмоскovie. История организации глухих Московской области» (2019), «...И дела говорят за нас. История организации глухих Смоленщины» (совместно с Татьяной Семченковой, 2022), в настоящее время занимается составлением книги по истории глухих Нижегородской области. И побуждает председателей региональных отделений ВОГ заняться подготовкой изданий по истории своих организаций. Начата работа (вместе с Андреем Поповым) по подготовке трехтомника «История спорта глухих России», заказчиком выступила Общероссийская спортивная федерация спорта глухих (ОСФСГ). На момент подготовки этой статьи в печать сдается книга «История ВОГ. Время Савельева: 1926–1949 гг.»; ее особенностью является наличие многочисленных QR-кодов, при активации которых читатели смогут «прослушать» рассказы на жестовом языке об ярких представителях той эпохи. С 2013 года Виктор Паленный ведет в МГЛУ курс «История и критика перевода жестового языка», а с 2021 года — также курс по истории и культуре глухих.

Кстати, раз уж был упомянут МГЛУ, стоит отметить такой парадокс: в текущее время «переменных» идентичностей глухота как «болезнь» не является предметом выбора, но в социокультурном смысле идентичность носителя русского жестового языка некоторым студенткам МГЛУ представляется привлекательной, они «внедряются» в сообщество глухих, участвуя в его мероприятиях, их владение жестовым языком просто удивительно.

И вообще численность носителей жестового языка и интересующихся культурой глухих растет за счет слышащих, в то время как сообщество глухих «усыхает» из-за технологических новшеств и расширения инклюзивного образования. Никакого отношения к нему не имеет большая часть тех, кому сделали кохлеарную имплантацию в детстве. И это ставит новые вопросы перед исследователями сообщества глухих.

Исследователь ищет свидетельства статуса глухих, их карьеры, идентичностей. К сожалению, литературные источники отрывоч-

ны, тексты, написанные самими глухими, весьма редки. Поэтому продуктивно обращение к устному фольклору глухих. В устных байках глухой герой побеждает вопреки обстоятельствам. В глазах рассказчиков–жестовиков их частный жизненный опыт обладает определенной ценностью и заслуживает распространения. «Называя, давая характеристики событиям, люди с инвалидностью оформляют свою идентичность и определяют реальность своей жизни через гибкость и сопротивление»⁹. Слышащие становятся мишенью для шуток глухих. Рассказы на жестовом языке — исторический опыт, который передается другим поколениям глухих, утверждая позитивность культурных традиций глухих, а также ценность жестового языка.

В 1999 г. автор этих строк, работая в школе «на Новослободской», записал на видео байки учителя физики Леонида Камышева, потомственного глухого¹⁰. Резонанс этой съемки оказался огромным. Глухие осознали, что, помимо «официальной» истории, имеется и «их» история. История, рассказанная и пережитая глухими. Именно устные рассказы дали возможность оценить масштабы специфического бизнеса глухих (продажа самодельных открыток), узнать невероятные случаи обхода запрета на вождение машины.

К сообществу глухих в полной мере относятся слова: «В каждой из субкультурных общностей развита своеобразная ретроспективно–ценностная ориентация, избирательно выделяющая особенно интересные события прошлого. Ценности людей каждой субкультурной общности становятся понятными лишь тогда, когда они рассматриваются в историческом контексте»¹¹. Поэтому важна работа по записи на видеоносители устных биографий ветеранов. Пока были живы свидетели войны, индустриализации, те, кто записывали их рассказы, акцентировали внимание именно

9 Ярская–Смирнова Е. Р. Мужество инвалидности // О муже(Н)ственности: Сборник статей / сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — С. 124.

10 См. байки Леонида Камышева «Один глухой...», записанные на видео и размещенные на *YouTube*.

11 Дуков В. Е., Жидков В. С., Осокин Ю. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Введение в социологию искусства: Учебное пособие для гуманитарных вузов. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 94.

на переживании глухими таких важнейших событий. «Биографический метод», изучение жизненных траекторий глухих позволяет выявить общий опыт людей, а также определить, как и почему им удастся реализовать те или иные социальные возможности. Этот метод предоставляет возможность выявить, как жизненные события оформляли идентичность респондента. Ряд опрошенных сделал хорошую карьеру в системе ВОГ — для их воспоминаний характерны некоторые «инварианты», как правило, связанные с оценкой ключевых событий XX века. Всех объединяла гордость за свою роль в строительстве системы ВОГ, за культурно-просветительную работу с глухими, для них было важно чувство причастности к делу строительства социализма. Иная модель характерна для представителей теневой экономики. Их способы самоутверждения и даже не совсем законные способы заработка выступают как формы сопротивления дисциплинарным моделям государства. Но всем респондентам было присуще чувство принадлежности к сообществу глухих с его уникальными характеристиками. Весной 2012 года в Театре Мимики и Жеста прошел первый фестиваль мастеров жестового рассказа, задавший формат этого жанра.

Автор этих строк часто делает видеointервью с бывшими спортсменами, пытаюсь проследить, как занятия спортом меняли жизни глухих: спорт для них — средство социального самоутверждения, самоактуализации, а для многих также важный ресурс идентичности, помогающий преобразовать чувство неполноценности в уверенность и самоуважение. Кроме того, вместе с Романом Парфеновым автор создает видеоролики для серий «Знаменитые глухие» и «История ВОГ в лицах».

Если исследования жестового языка постепенно становятся частью общих лингвистических исследований (ЖЯ изучают в НГТУ, НИУ ВШЭ, МГЛУ), то о включении *Deaf Studies* в основное русло общественного дискурса говорить сложно. Важно публиковаться не только в изданиях ВОГ, но и в специализированных журналах. Только в последнее время, спустя 25 лет после первого симпозиума, появилась возможность публиковаться в сборниках, издаваемых Домом культуры «ГЭС-2». История глухих, исследования культуры сообщества глухих могут получить признание научного

сообщества не сами по себе, а как исследования в рамках культурологических или социологических теорий.

Приходится сожалеть, что отсутствует, к примеру, крайне необходимый профессиональный социолог, который нужен для детального изучения конкретных тем, таких как, например, резкое сокращение трудовых коллективов глухих в 1990-е годы, развитие «теневой» экономики глухих, уменьшение роли клубов в последний период. Хотя обнадеживает появление в сообществе исследователей Никиты Большакова, кандидата социологических наук, заместителя руководителя Департамента социологии НИУ ВШЭ. Он уже публиковался с интересными статьями по концепциям глухоты. Рядом с ним могут появиться другие специалисты, которые обратят внимание на неосвещенные «границы» сообщества глухих.

Сначала Музей современного искусства «Гараж», а теперь также и Дом культуры «ГЭС-2» являются «местами силы», точками притяжения глухих и слабослышающих москвичей. 21 мая 2023 года в Доме культуры «ГЭС-2» прошла конференция «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества». Она стала «пионерской» в силу междисциплинарного охвата тем и проблем сообщества глухих. Доклады были посвящены последним исследованиям лингвистики, антропологии и социологии по проблемам сообщества глухих. Специалисты Дома культуры объединились с Международной лабораторией исследований социальной интеграции НИУ «Высшая школа экономики» — та задействовала целый отряд кандидатов социологических наук во главе с доктором наук Еленой Ярской-Смирновой.

В России научная база по изучению лингвистики жестового языка, антропологии, социологии сообщества глухих создается усилиями Института социальных технологий НГТУ (Новосибирск), НИУ ВШЭ, Дома культуры «ГЭС-2», Музея современного искусства «Гараж», МГЛУ, Учебно-методического центра ВОГ, ЦОГиЖА. Конференция в «ГЭС-2» — своего рода первая попытка зафиксировать то, что уже сделано в этом направлении, собрав в одном месте исследователей и практиков, и в то же время она задала векторы дальнейших исследований с учетом имеющихся зарабо-

ток. В «ГЭС-2» действует постоянная программа «Глухие и звонкие», в ее рамках реализуются проекты, направленные на развитие культуры глухих и осмысление ее особенностей. Основой программы конференции стали результаты собственных исследований Дома культуры «ГЭС-2», реализованных в рамках проекта ИСГ — «Исследуя сообщество глухих» (ребятам читались лекции по истории глухих!).

Как отметила Елена Ярская-Смирнова, профессор Департамента социологии ВШЭ: «Сообщество глухих быстро развивает само-рефлексию, вырачивает своих экспертов, свою новую молодую элиту. В том числе благодаря таким форумам-конференциям общество узнает для себя и о себе что-то совершенно новое»¹².

Собственно «исторических» докладов на конференции не было, но важно другое, а именно — наличие подобного дискуссионного поля, своего рода «фона», создающего запрос на дальнейшие исследования по истории глухих.

В Музее «Гараж» в 2023 году организовали курс «Устная история». После первого опыта курс расширили. Его цель — дать опыт взаимодействия с наследием сообщества глухих посредством творческой интерпретации реальных эпизодов из истории глухих. Участники должны получить навыки для дальнейшего производства культурного продукта.

В библиотеки Дома культуры «ГЭС-2» и Музея современного искусства «Гараж» из библиотеки при редакции «ВЕС» были переданы десятки книг и журналов, чтобы посетители или участники семинаров могли читать их.

Учебно-методический центр Всероссийского общества глухих запланировал подготовку «Истории глухих для детей». Руководитель Московского объединения глухих учителей Людмила Жадан предпринимает усилия, нацеленные на внедрение в программу школ для глухих детей факультатива, в рамках которого

12 Аврина М. Быть глухим — это не что-то одно // В едином строю. — 2023. — № 6. — С. 11.

учащиеся получали бы сведения о жестовом языке, истории и культуре глухих. Учебным пособием может служить книга Анны Комаровой «Сообщество глухих и жестовый язык» (2020 год — 1-е издание, 2022 — 2-е). Личностный пример, ролевые модели играют важнейшую роль для мотивации подрастающего поколения. Но дирекция, педагоги школ недооценивают этот аспект. Те, кто определяет политику образования людей с инвалидностью, не желают признавать наш опыт глухоты, хотя глухие педагоги убеждены, что их экспертное знание не менее значимо, чем компетентность слышащих педагогов. Специалисты Института коррекционной педагогики РАО говорят, что, мол, нет достоверных экспериментальных данных об эффективности использования ЖЯ на занятиях, и всячески уходят от решения этого вопроса. И Жадан ставит в повестку дня подготовку и издание книги о глухих педагогах, обобщающую их опыт, — здесь без историков не обойтись. Уже сейчас для учащихся школ проводятся экскурсии в Центральном музее истории ВОГ, воссозданном в 2021 году на ул. 1905 года, д. 10А (при музее в настоящее время формируется исторический архив).

Кстати, Московская городская организация ВОГ ведет работу по созданию музея истории глухих Москвы, в последние годы стали открываться уголки-экспозиции по истории местных организаций глухих в офисах региональных отделений ВОГ (Смоленск, Йошкар-Ола, Омск...). Проведена серьезная работа по реконструкции музея в Санкт-Петербурге. Зачастую инициаторами выступают молодые председатели, недавно принимавшие участие во Всероссийских молодежных форумах, организуемых руководством ВОГ каждые два года с целью воспитания лидерских качеств. Эффект от этих мероприятий превысил ожидания организаторов. Здесь отметим только то, что лекции по истории глухих стали пользоваться большим спросом — для молодых людей, занимающих активную жизненную позицию, они не просто источник вдохновения: в деятельности предшественников они находят мотивацию для своих действий. Уважение к жестовому языку, своей культуре неотделимо от общей исторической памяти.

Движение глухих ориентировано не на власть, а на культуру. Цель — сохранение культурной идентичности.

Исследователь истории глухих добывает знания, которые будут востребованы в борьбе за социальные изменения и смогут работать на изменение отношения общества к социокультурному меньшинству. Социокультурный дискурс ставит проблему защиты культурной специфики сообщества глухих, их доступа к тем благам и привилегиям, которыми пользуются слышащие. Но, хотя за 25 последних лет многое изменилось, все же для общества до сих пор характерно медикалистское понимание глухоты как патологии, противоположной «нормальности». Биолого-медицинский дискурс ставит проблему излечения глухого, приведения его в норму.

Общественные институты определяют нас как «глухонемых», «людей с недостатком слуха», навязывая нам идентичности. Требуется более активная борьба против этой монополии социальных институтов. Глухим следует не просто требовать обеспечения равных возможностей в сфере образования и занятости, доступа к информации, но и «права на самоопределение, (пере)формулирование понятия нормальности, власти называть само различие»¹³. Иначе они обрекают себя на социальную неполноценность. Только определяя свою идентичность, исходя из своего внутреннего опыта, «мы можем постепенно приучать общество, сначала через органы социальной защиты, социальных работников, студентов социальных университетов, к мысли, что сообщество глухих — это не «сумма инвалидов», а культурное меньшинство, своеобразный квази-этнос, имеющий свои особые социальные и культурные интересы»¹⁴.

Продвигаемая ныне социальная модель инвалидности признает людей с инвалидностью не жертвами обстоятельств, а социальной группой в обществе, в котором царят стереотипы, обуславливающие дискриминирующие предрассудки. То есть инвалидность — не естественный атрибут человека-инвалида, а общественный конструкт. Приведем пример...

- 13 Ярская-Смирнова Е. П. Мужество инвалидности // О муже(Н)ственности: Сборник статей / сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — С. 110.
- 14 Паленный В. А. История глухих: настоящее и будущее // Материалы Четвертого московского симпозиума по истории глухих. — М.: Загрой, 2003. — С. 224.

Люди склонны преувеличивать значение слуха, и в последние годы глухие сталкиваются с отказами принять их на работу именно в связи с глухотой. Работодатели говорят: «А как буду с вами говорить?! Вы не сможете услышать то и се». Несколько лет назад министерства пытались лишить глухих прав работать на «движущихся механизмах». ВОГ с трудом, но отстаивало права глухих токарей и фрезеровщиков (и попутно — глухих водителей). Одним из аргументов послужили исторические свидетельства о героическом труде глухих в тылу на крупнейших заводах Урала, факты о низком проценте аварий по вине глухих водителей.

Популяризация материалов исторических исследований может помочь подвести представителей власти к пониманию того, что глухие как особое меньшинство нуждаются в пространстве для общения и «подтверждения своей идентичности», а значит, нужно дотировать культурные учреждения этого меньшинства. Важно, чтобы социальные работники поняли, что «рядом с системой норм обычной культуры стоит не культурная аномалия, а другая система норм отличающейся культуры. <...> Нельзя отменой одной системы норм устранить другую, от нее отличающуюся. Противоположность одной из систем является не стигматизацией, а нормальным отклонением»¹⁵. Социальные учреждения, будем надеяться, придут к пониманию необходимости академических исследований сообщества глухих. Кстати, уже несколько лет осенью в Театре Мимики и Жеста при поддержке государства проводится фестиваль «Территория жеста». А в Российском государственном социальном университете уже лет 20 студенты, будущие социальные работники, так или иначе знакомятся с историей и культурой глухих, читают книгу «Человек из мира тишины», выполняют дипломные работы, насыщенные ссылками на последние исследования мира глухих.

Становление этой научной дисциплины — истории и культуры глухих — отражает рост самосознания глухих. Можно сказать, что она отвечает на определенный «социальный заказ»: глухие не желают более терпеть пренебрежительное отношение к же-

15 Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. — М.: Республика, 1997. — С. 200.

стовому языку, нарушения их прав на беспрепятственное получение информации... Соответственно, анализ прошлого имеет четкую ориентацию на решение конкретных задач. Исследователь истории глухих вносит свой вклад в обсуждение актуальных вопросов.

В 2026 году будет отмечаться 100-летие Всероссийского общества глухих. Этот юбилей образует своеобразный полюс — к нему стягиваются «силовые» линии, вдоль которых выстраиваются мероприятия по популяризации истории глухих. Это и создание музеев или экспозиций в регионах, подготовка и издание книг, сборников по истории региональных организаций глухих, лекции в клубах. Но важно не только создавать новое научное знание, следует еще добиться признания истории глухих в историческом дискурсе. Легитимизировать его в научном сообществе можно, как теперь представляется, при помощи Дома культуры «ГЭС-2», МСИ «Гараж» и наших союзников из ряда престижных университетов.

Библиография

Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. — СПб: Алетейя, 1999. — 261 с.

Аврину М. Быть глухим — это не что-то одно // В едином строю. — 2023. — № 6. — С. 11–12.

Дуков В. Е., Жидков В. С., Осокин Ю. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Введение в социологию искусства: Учебное пособие для гуманитарных вузов. — СПб.: Алетейя, 2001. — 255 с.

Зайцева Г. Л. История глухих: предмет и объект // Материалы Первого московского симпозиума по истории глухих. — М.: Загрой, 1997. — С. 6–12.

Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. — М.: Республика, 1997. — 238 с.

Комарова А. А. Развитие исследований по истории глухих // Материалы Первого московского симпозиума по истории глухих. — М.: Загрой, 1997. — С. 16–25.

Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с.

Паленный В. А. История глухих: настоящее и будущее // Материалы Четвертого московского симпозиума по истории глухих. — М.: Загрой, 2003. — С. 206–229.

Пушкарева Н. Л. Гендерная методология в истории // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под общей ред. М. М. Малышевой. — М.: Academia, 2001. — С. 52–75.

Хоткина З. А. Гендерным исследованиям в России — десять лет // Общественные науки и современность. — 2000. — № 4. — С. 21–26.

Ярская-Смирнова Е. Р. Мужество инвалидности // О муже(N)ственности: Сборник статей / сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — С. 106–125.

Lane H. Construction of deafness // Deafness: 1993–2013 / A Deaf American Monograph. — 1993. — Vol. 43. — P. 73–81.

**Deaf History Research:
Twenty-five Years Later****Victor Palenny**

Member of the editorial board of All-Russian Society of the Deaf's *Together* magazine, Moscow, Russia
palenny@yandex.ru

Keywords: Deaf history, Deaf identity, Deaf community, sign language, Deaf Studies, oral history.

This article traces the milestones in the development of a new research discipline, Deaf history, over the last thirty years. It addresses the discipline's research objectives, its main aspects, and possible applications of its findings to the current moment.

The article also provides a brief overview of the institutionalisation of Deaf Studies in the United States and the stages of development Deaf Studies have passed through in Russia. It shows how Deaf Studies have influenced the development of social discourse through advocating for the recognition of the cultural specificity of the Deaf community and its right to equal access to benefits and privileges.

The results of much research have been published in books and journals. But the most promising area in Deaf Studies at present is work with filmed interviews with d/Deaf people.

One would be hard pressed to say that Deaf Studies form part of mainstream public discourse. However, the development of inclusive programmes at institutions such as Garage Museum of Contemporary Art and GES-2 House of Culture, alongside a rise in interest in this subject from a number of universities gives us hope that Deaf history will be legitimised in the academic community.

References

- Abel's Kh. *Interaktsiya, identifikatsiya, prezentatsiya. Vvedenie v interpretativnuyu sotsiologiyu* [Interaction, Identification, Presentation. Introduction to Interpretive Sociology]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 1999. 261 p.
- Avrina M. Being deaf is not just one thing. *V edinom stroyu* [Together], 2023, no. 6, pp. 11–12. (In Russian).
- Dukov V. E., Zhidkov V. S., Osokin Yu. V., Sokolov K. B., Khrenov N. A. *Vvedenie v sotsiologiyu iskusstva: Uchebnoe posobie dlya gumanitarnykh vuzov* [Introduction to the Sociology of Art: A textbook for humanitarian universities]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2001. 255 p.
- Khotkina Z. A. Gender research in Russia is ten years old. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2000, no. 4, pp. 21–26. (In Russian).

Komarova A. A. Development of research on the history of the Deaf. *Materialy Pervogo moskovskogo simpoziuma po istorii glukhikh* [Materials of the First Moscow Symposium on the History of the Deaf]. Moscow, Zagrey Publ., 1997, pp. 16–25. (In Russian).

Kozlovski P. *Kul'tura postmoderna: Obshchestvenno-kul'turnye posledstviya tekhnicheskogo razvitiya* [Postmodern Culture: Socio-cultural Consequences of Technical Development]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 238 p.

Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1977. 300 p.

Lane H. Construction of Deafness. *Deafness: 1993–2013 / A Deaf American Monograph*, 1993, vol. 43, pp. 73–81.

Palenny V. A. History of the Deaf: present and future. *Materialy Chetvertogo moskovskogo simpoziuma po istorii glukhikh* [Materials of the Fourth Moscow Symposium on the History of the Deaf]. Moscow, Zagrey Publ., 2003, pp. 206–229. (In Russian).

Pushkareva N. L. Gender methodology in history. *Gendernyy kaleydoskop. Kurs lektsiy. Pod obshchey red. M. M. Malyshevoy*. [Gender Kaleidoscope. Lecture Course. Gen. ed. by M. M. Malysheva]. Moscow, Academia Publ., 2001, pp. 52–75. (In Russian).

Yarskaya-Smirnova E. R. Courage of disability. *O muzhe(N) stvennosti: Sbornik statey. Sost. S. Ushakin* [About Masculinity: Collection of Articles. Comp. by S. Ushakin]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, pp. 106–125. (In Russian).

Zaytseva G. L. History of the Deaf: subject and object. *Materialy Pervogo moskovskogo simpoziuma po istorii glukhikh* [Materials of the First Moscow Symposium on the History of the Deaf]. Moscow, Zagrey Publ., 1997, pp. 6–12. (In Russian).

Сообщество

Результаты опроса глухих и слабослышащих в рамках социокультурного анализа сообщества глухих

Ольга Варинова

Новосибирский
государственный
технический университет
(НГТУ), Новосибирск,
Россия
varinova@list.ru

Ключевые слова:

культура глухих, глухие,
сообщество глухих,
Deaf community, Deaf,
русский жестовый язык,
лица с инвалидностью
по слуху, слабослышащие,
тугоухость.

В статье представлены результаты опроса глухих и слабослышащих людей, проведенного в рамках социокультурного анализа сообщества глухих. Опрос направлен на изучение не всех, а только некоторых критериев культуры сообщества глухих — таких как язык, традиции, ценности и мировоззрение. Эмпирическую основу исследования составили результаты социологического опроса глухих и слабослышащих, проживающих на территории России. Опрос проводился с помощью интернет-анкеты, состоящей из формализованных вопросов по критериям культуры сообщества глухих. С учетом двуязычия глухих (русский язык и русский жестовый язык, РЖЯ) каждый вопрос дублировался переводом на РЖЯ. Одним из ключевых результатов опроса стал вывод о том, что процентное соотношение глухих из семей глухих может быть в несколько раз выше, чем ранее было принято считать. Полученные результаты опроса можно применять для дальнейших исследований феномена сообщества глухих и формирования социокультурных практик в инклюзивном пространстве.

В связи с тем, что в последнее время социологи отмечают изменения социальной структуры общества, которое становится все более дифференцированным и одновременно гуманным¹, особо пристальное внимание получают люди с особыми социальными и культурными характеристиками, в частности глухие. В последнее время термин «глухие» применяется ко всем людям с инвалидностью по слуху, вне зависимости от особенностей слухового восприятия, что подчеркивает внимание к их самоидентификации.

При наличии собственного языка, внутренней культуры и устойчивых социальных связей глухие выделяются в уникальную социальную группу не только по признаку инвалидности по слуху, но и как сообщество. С 70-х годов XX века глухих начали рассматривать как субкультуру, но чуть позже сформировался термин *Deaf community* (сообщество глухих), который является на сегодняшний день исторически устоявшимся как за рубежом, так и на территории России².

В ратифицированной в 2012 году Конвенции ООН о правах инвалидов³ указано, что «инвалиды имеют право наравне с другими на признание и поддержку их особой культурной и языковой самобытности, включая жестовые языки и культуру глухих», но при этом определение понятия «культура глухих» отсутствует, а исследования такого феномена встречаются крайне редко. Отсутствие представлений о культуре глухих поддерживается ее замкнутостью, что сохраняет пропасть между «миром глухих» и «миром слышащих». Между тем речь идет о не менее чем 70 млн глухих, насчитывающихся во всем мире. Другими словами, это достаточно большая группа, которая делится территориально на множество сообществ и сама как целостность обладает сетевыми признаками, поскольку стремится к объединению и органи-

- 1 Субботина Н. Д. Идея гуманизма как фактор общественного развития // Вопросы философии. — 2018. — № 8. — С. 5–15.
- 2 Большаков Н. В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174.
- 3 Конвенция ООН о правах инвалидов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.

зации через ассоциации. Качественные изменения в организации глухих, развитие их культуры, с одной стороны, и инклюзивная политика государств, с другой, актуализируют проблему исследования сообществ глухих. Использование социокультурного подхода⁴ в таком случае обосновано рассмотрением сообщества глухих как единства культуры и социальности, связанной с деятельностью глухого человека внутри своего сообщества.

Актуальность социокультурного анализа сообщества глухих, его теоретическая и практическая значимость, недостаточная разработанность социокультурного подхода к феномену сообщества глухих в социологической теории и эмпирической социологии позволили сформулировать проблему исследования, которая состоит в отсутствии социологического знания о феномене сообщества глухих. Большая часть существующих исследований в России проводится в рамках дефектологии и сурдопедагогики, где глухие и слабослышащие рассматриваются как люди с инвалидностью, а в рамках социологии пока небольшое количество научных исследований рассматривает сообщество глухих как элемент социальной структуры общества.

Методология исследования

Эмпирическую основу исследования составили результаты социологического опроса глухих и слабослышащих, проживающих на территории России. Анкета включала в себя 20 форматизованных вопросов. С учетом двуязычия глухих (русский язык и русский жестовый язык, РЖЯ) каждый вопрос дублировался переводом на РЖЯ профессиональным переводчиком РЖЯ. Выборка определялась исходя из генеральной совокупности в 76164 человек (по данным Всероссийского общества глухих — ВОГ⁵) и составила 382 респондента. Анкета была составлена в *Google*-форме и разослана по региональным отделениям ВОГ. По итогам опроса были собраны ответы от 533 респондентов, что превысило предварительно рассчитанную выборку на 39%.

4 Сибгатуллин И. Ш. К вопросу о понятии «социокультурное» // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. — № 3–5. — С. 93–97.

5 О ВОГ. URL: <https://voginfo.ru/about/>.

В рамках социокультурного анализа оценивается культура сообщества глухих, которая включает в себя такие критерии, как язык, символы, традиции, ценности, мировоззрение, ритуалы и другие. Мы рассмотрим в рамках эмпирического исследования некоторые из критериев: ценности, мировоззрение, язык и традиции. Определение критериев было раскрыто через показатели, которые легли в основу разработки анкеты. Далее представлены результаты частотного анализа и описательные статистики без выводов.

Результаты исследования

Из респондентов 75% ответов дали женщины, что, возможно, характеризует их высокую социальную активность. Среди опрошенных определили себя как глухие 54%, как слабослышащие — 39% и как слышащие — 7%. Самая большая возрастная группа респондентов — от 31 до 50 лет — составила 57%, наименьшее количество респондентов (по 2%) вошло в возрастные группы до 18 лет и после 66 лет.

Отдельный блок анкеты был посвящен наследственным факторам глухоты. Вопрос о том, насколько часто в семьях слышащих рождаются глухие дети или большинство из них рождается в семьях глухих, ранее уже рассматривался в работах слышащих и глухих исследователей⁶. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, Всемирной федерации глухих и разных исследований утверждается, что только 10% глухих рождаются в семьях глухих, остальные 90% глухих — в семьях слышащих, что говорит о невысокой вероятности наследственной передачи глухоты. В рамках нашего анализа мы не ставили задачу подтвердить или опровергнуть это соотношение, однако важно учитывать, что получившаяся у нас доля респондентов из глухих семей в несколько раз отклоняется от указанной выше и достигает 30% (илл. 1).

Из 533 респондентов 70% определили своих родителей как слышащих, а 30% — как глухих. Даже если из числа респондентов

6 Посух О. Л., Бады-Хоо М. С., Зыцарь М. В. и др. Роль социально-демографической структуры сообществ глухих людей в распространенности наследуемых форм потери слуха // Вавиловский журнал генетики и селекции. — 2016. — Т. 20. — № 1. — С. 7–15.

исключить те 7%, что отметили себя как слышащих, процентное соотношение не меняется.

Критерий «Ценности»

Вопросы, раскрывающие понятие «ценности сообщества», содержали в себе аспекты важности принадлежности к сообществу, связующих критериев внутри сообщества и гордости быть членом сообщества.

Оценивая, насколько для них важна принадлежность к сообществу глухих и горды ли они быть его членами, 47% респондентов ответили положительно, при этом еще 25% оценили больше положительно, чем отрицательно, что говорит о высоком уровне (72%) важности принадлежать к сообществу глухих и гордости ввиду данной принадлежности. При этом доля ответов «Не знаю» равняется 17%, что говорит об определенном непонимании и трудности оценить эту важность.

Солидарность в сообществе глухих оценена респондентами по-разному, но 81% оценили ее по 9-балльной шкале от 5 и выше, что говорит о высоком уровне солидарности внутри сообщества. При этом 1,7% респондентов оценили сообщество глухих как совершенно не солидарное.

Для определения связующих критериев внутри сообщества глухих в анкете был предложен их список, а также дана возможность респондентам дополнить предложенный список (илл. 2).

Лидирующее место в списке критериев занял русский жестовый язык (85%), что позволяет делать вывод об оценке сообщества глухих как некой национальности со своим языком⁷. Далее по убывающей связующими критериями сообщества стали клубы глухих — в рамках деятельности Всероссийского общества глухих (64%) и как место сосредоточения для общения и социализации.

7 *Евсеева Л. Н.* Роль языка в формировании национальной идентичности // Автореферат диссертации кандидата философских наук. — Архангельск, 2009. — 21 с.

зации; спорт глухих (52%); творчество — жестовое пение, театры глухих, байки на РЖЯ, что составило 80%; совместный исторический опыт (67%); браки между глухими и слабослышащими (42%); поведенческие нормы (40%); схожие мировоззренческие оценки (39%) и идентичность (35%). Как дополнительный критерий, два респондента отметили «нарушение слуха», что по итогам опроса не определяется как связующий критерий сообщества глухих. При этом выявились такие ответы, как «связывает, но не знаю что» и «ничего не связывает», в количестве 10%.

Критерий «Мировоззрение»

Вопросы, раскрывающие понятие «мировоззрение сообщества», содержали в себе аспекты взглядов глухих на структуру сообщества, на субъективную оценку сообщества, а также их мнение о взглядах слышащих, в том числе на инклюзивное образование и технологические нововведения по коррекции слуха.

Определение признака, по которому человек может идентифицироваться как входящий в состав сообщества глухих, тоже было всегда затруднительной задачей для самого сообщества. При опросе был предложен список признаков людей, входящих в состав сообщества глухих, а также дана возможность респондентам дополнить предложенный список (илл. 3).

Представление о составе сообщества глухих получилось весьма разнообразным (по убыванию), что демонстрирует его гетерогенность, — это глухие из семей слышащих (58%); владеющие РЖЯ независимо от уровня слуха (54%); глухие из семей глухих (49%); ученики и выпускники школ для глухих (49%); люди со статусом «инвалид по слуху» (45%); ученики и выпускники школ слабослышащих (39%); слабослышащие и глухие с детства до 18 лет (37%); люди любого возраста с инвалидностью по слуху (35%); слабослышащие и глухие взрослые от 18 лет (31%); слышащие дети глухих родителей, владеющие русским жестовым языком (24%); с кохлеарными имплантами с детства (15%); позднооглохшие в любом возрасте (12%); люди, потерявшие слух во взрослом возрасте (11%); слышащие дети глухих родителей, не знающие РЖЯ (5%) и не владеющие РЖЯ (3%). Около 50% от общего количества

ответов занимают признаки, которые помогают сформировать «портрет» члена сообщества глухих в России, — глухой из семьи слышащих или глухих, владеющий РЖЯ, при этом являющийся учеником или выпускником школы для глухих или слабослышащих, имеющий статус «инвалида по слуху».

Интересной для детального анализа и дополнительных исследований является точка зрения сообщества глухих при оценке принятия их слышащим большинством. 51% опрошенных считает, что слышащее большинство принимает сообщество глухих лишь отчасти, при этом 25% опрошенных считают, что слышащие принимают сообщество глухих таким, какое оно есть. Также 8% считают, что слышащие совсем не принимают глухих, а 12% говорят о том, что слышащие мечтают изменить мир глухих и сделать его похожим на мир слышащих. Наиболее крайних взглядов придерживаются 3% опрошенных, которые указали, что мир слышащих мечтает уничтожить мир глухих, что говорит о негативном отношении к слышащему большинству.

При оценке инклюзивного образования 57% опрошенных указали, что глухие и слышащие должны учиться отдельно, а 38% — что должны учиться вместе (илл. 4).

Некоторыми представителями сообщества глухих высказывались предположения о том, что сообщество может исчезнуть из-за развития технических средств реабилитации, например таких как кохлеарная имплантация, при этом 82% респондентов ответили, что это не приведет к исчезновению сообщества глухих, но 16% высказали опасения, что такое может произойти.

Критерий «Язык»

С учетом того, что глухие, воспитанные в семьях глухих или слышащих, могут владеть как национальным языком страны, так и национальным жестовым языком, вопросы про то, какой язык является родным — русский или русский жестовый, — были заданы отдельно. Предполагалось, что процент ответов про РЖЯ окажется выше, но 85% респондентов определили русский жестовый язык своим родным языком и из числа тех же 533 ре-

спондентов 93% определили своим родным и русский язык. Это подтверждает, что сообщество глухих является билингвистическим⁸ (илл. 5, 6).

Можно вывести следующую обобщенную точку зрения в сообществе глухих: только 18% опрошенных отметили положительное отношение слышащего большинства к РЖЯ; по мнению 39%, отношение является больше положительным, чем отрицательным; при этом 26% респондентов определяют отношение слышащих к РЖЯ как нейтральное; а 13% отметили больше отрицательное, чем положительное отношение.

Дискуссионной⁹ темой для специалистов, работающих с детьми с кохлеарной имплантацией, является вопрос применения или неприменения РЖЯ как языка общения и средства коммуникации для развития и воспитания такого ребенка. Усредненное мнение сообщества глухих, как целевой аудитории данных специалистов, распределяется так: 53% респондентов считают, что обучать ребенка с кохлеарным имплантом русскому жестовому языку нужно обязательно, и 37% считают, что это нужно, если ребенок плохо слышит звучащую речь с имплантом, так как это поможет ему общаться.

Критерий «Традиции»

Открытый вопрос на определение культурных традиций с целью выявить структуру и компоненты культуры в сообществе глухих вызвал больше всего затруднений у респондентов. 63% прокомментировали, что культурные традиции в сообществе глухих присутствуют, но не все респонденты смогли назвать, какие именно. При этом 11% ответили, что культурные традиции в сообществе глухих отсутствуют, остальные же затруднились с ответом. Учитывая, что на протяжении долгого времени сообщество глухих

8 Буркова С. И., Киммельман В. И. Введение в лингвистику жестовых языков // Русский жестовый язык: учебник. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. — 356 с.

9 Богданова Т. Г. Жестовая речь и психическое развитие глухих детей: современное состояние вопроса (обзор зарубежных исследований) // Клиническая и специальная психология. — 2021. — Т. 10. — № 2. — С. 3–22.

подвергалось дискриминации и отрицанию их особой культуры¹⁰ и частично это наблюдается до сих пор в логике медицинского подхода к пониманию глухоты, можно выдвинуть гипотезу о том, что члены сообщества глухих не осознают в полной мере, что обладают какими-либо культурными традициями, поэтому объяснение подобных ответов требует дополнительного изучения. Часть респондентов из ответивших утвердительно все же смогла выделить определенные культурные традиции сообщества глухих, которые мы объединили в группы. Это, в порядке убывания: паттерны поведения внутри сообщества (23%), праздники и мероприятия (23%), русский жестовый язык (17%), творчество в формах сторителлинга, баек, жестового пения (16%), общение как культурная традиция (12%), клубы глухих и региональные отделения ВОГ (8%), спорт (7%), совместный исторический опыт (6%) и особое, свойственное сообществу глухих, восприятие мира (2%).

Заключение

Итак, актуальность заявленного исследования не вызывает сомнений в том, что на территории России формируются социальная модель принятия инвалидности и условия для появления социологических исследований групп и сообществ людей с инвалидностью. Полученные результаты исследования можно применять для разработки программ по взаимодействию сообщества слышащих и сообщества глухих между собой, для дальнейших исследований феномена сообщества глухих и формирования социокультурных практик в инклюзивном пространстве, а также в учебном процессе колледжей и вузов при подготовке специалистов социального профиля, в том числе переводчиков русского жестового языка.

10 Базоев В. З., Паленный В. А. Человек из мира тишины. — М.: Академкнига, 2002. — 814 с.

Библиография

Богданова Т. Г. Жестовая речь и психическое развитие глухих детей: современное состояние вопроса (обзор зарубежных исследований) // Клиническая и специальная психология. — 2021. — Т. 10. — № 2. — С. 3–22.

Базоев В. З., Паленный В. А. Человек из мира тишины. — М.: Академкнига, 2002. — 814 с.

Большаков Н. В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174.

Буркова С. И., Киммельман В. И. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. — 356 с.

Посух О. Л., Бады-Хоо М. С., Зыцарь М. В. и др. Роль социально-демографической структуры сообществ глухих людей в распространенности наследуемых форм потери слуха // Вавиловский журнал генетики и селекции. — 2016. — Т. 20. — № 1. — С. 7–15.

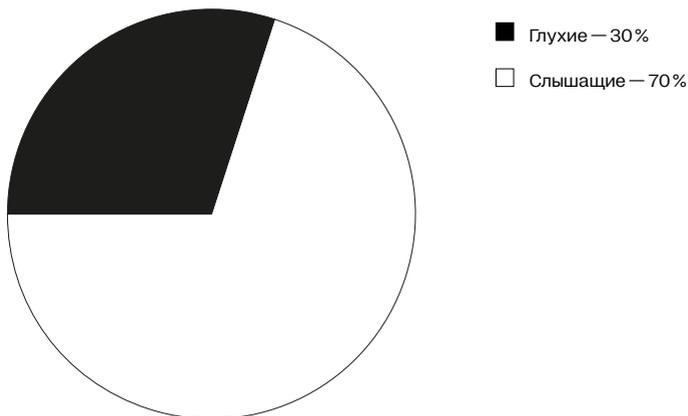
Евсеева Л. Н. Роль языка в формировании национальной идентичности // Автореферат диссертации кандидата философских наук. — Архангельск, 2009. — 21 с.

Сибгатуллин И. Ш. К вопросу о понятии «социокультурное» // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. — № 3–5. — С. 93–97.

Субботина Н. Д. Идея гуманизма как фактор общественного развития // Вопросы философии. — 2018. — № 8. — С. 5–15.

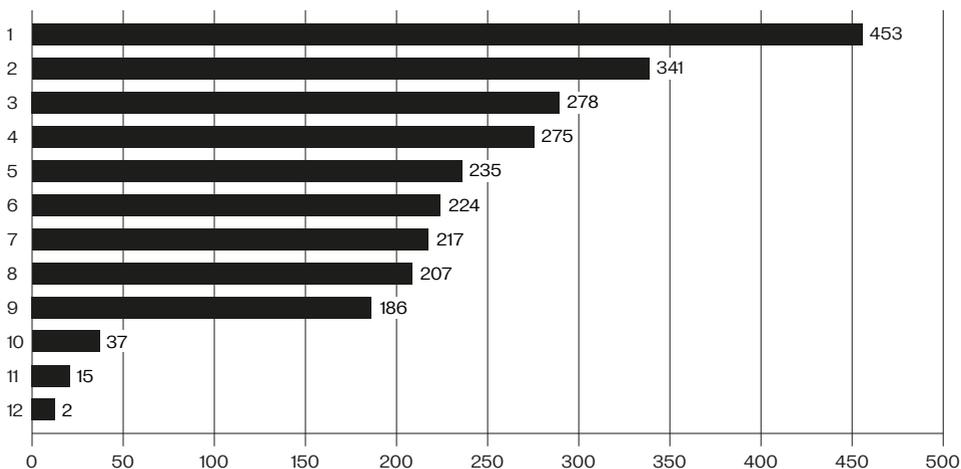
Илл. 1

Вопрос. Ваши родители:

Илл. 2

Вопрос. Что связывает глухих и слабослышащих в сообщество глухих (мир глухих)?

1 Русский жестовый язык

2 ВОГ, клубы глухих

3 Спорт глухих

4 Жестовое пение, театр глухих...

5 Совместный исторический
опыт жизни6 Брак между глухими/
слабослышащими

7 Поведенческие нормы глухих

8 Восприятие мира,
мировоззрение9 Идентичность «я глухой
и ты глухой»

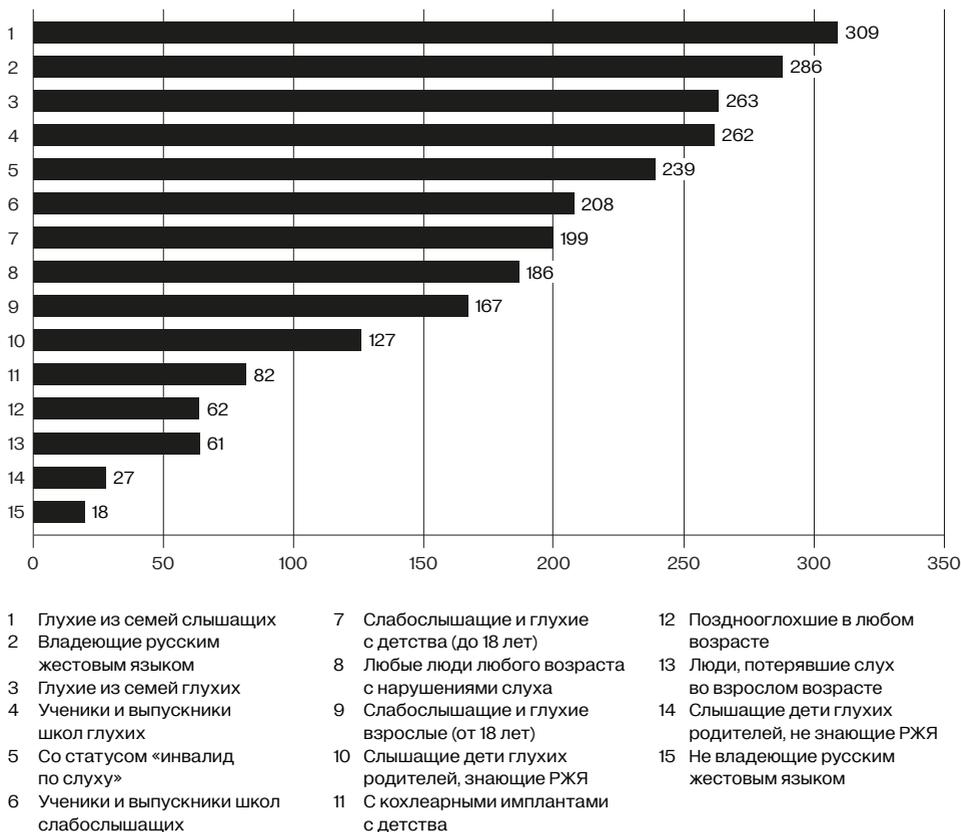
10 Связывает, но не знаю, что

11 Ничего не связывает

12 Нарушения слуха

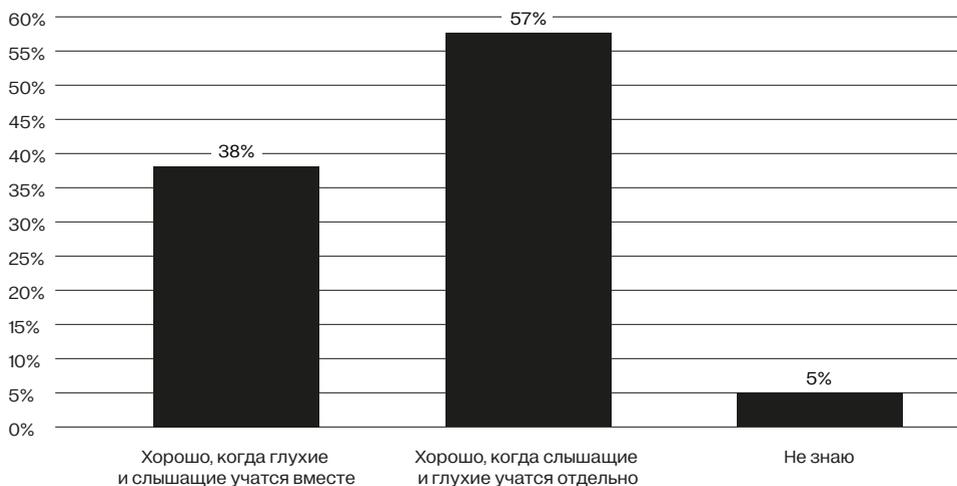
Илл. 3

Вопрос. Кто входит в сообщество глухих (мир глухих)?

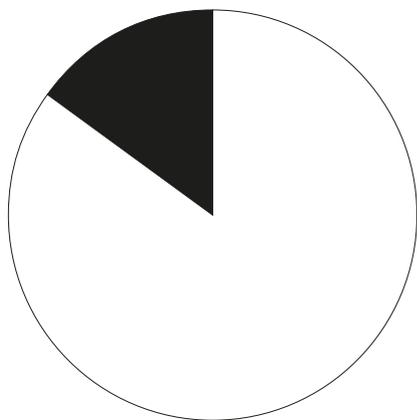
Илл. 4

Вопрос. Как вы относитесь к инклюзивному образованию для глухих и слышащих?

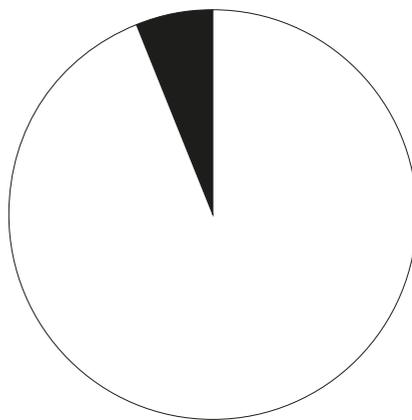
Илл. 5

Вопрос. Русский язык —
Ваш родной язык?

□ Да — 85%   ■ Нет — 15%

Вопрос. Русский жестовый язык —
Ваш родной язык?

□ Да — 94%   ■ Нет — 6%

Results of a Survey of Deaf and Hard of Hearing People as Part of a Socio-Cultural Analysis of the Deaf Community**Olga Varinova**Novosibirsk State Technical University (NSTU),
Novosibirsk, Russia
varinova@list.ru**Keywords:** Deaf culture, the d/Deaf, Deaf community, Russian Sign Language (RSL), people with hearing impairment, hard of hearing, hearing loss.

This article presents the results of a survey of d/Deaf and hard of hearing people conducted as part of a socio-cultural analysis of the Deaf community. The survey posed questions that sought to explore the language, traditions, values, and worldview of the Deaf community. It was conducted through an online questionnaire that consisted of formalised questions about various aspects of the Deaf community's culture. Since d/Deaf people are bilingual in Russian and Russian Sign Language (RSL), interpretations of each question in RSL were provided. Analysis of the results of the survey allowed the identifications of trends and patterns alongside the acquisition of new data. For example, the percentage of d/Deaf people from deaf families in the survey turned out to be three times higher than it had previously been assumed. It is hoped that the results of this survey will be useful for further research into the Deaf community and the shaping of its socio-cultural practices in an inclusive space.

References

Bazoev V. Z., Palennyy V. A. *Chelovek iz mira tishiny* [Man from the World of Silence]. Moscow, Akademkniga Publ., 2002. 814 p.

Bogdanova T. G. Sign speech and mental development of deaf children: the current state of the issue (review of foreign studies). *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical and Special Psychology], 2021, vol. 10, no. 2, pp. 3–22. (In Russian).

Bol'shakov N. V. From deviation to identity: transformation of scientific approaches to understanding deafness. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2016, vol. XIX, no. 2 (85), pp. 160–174. (In Russian).

Burkova S. I., Kimmel'man V. I. *Vvedenie v lingvistiku zhestovyykh yazykov. Russkiy zhestovyy yazyk: uchebnik* [Introduction to the Linguistics of Sign Languages. Russian Sign Language: A textbook]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2021. 356 p.

Evseeva L. N. *Rol' yazyka v formirovanii natsional'noy identichnosti. Avtoreferat dissertatsii kandidata filosofskikh nauk* [The Role of Language in the Formation of National Identity. Cand. Diss abstract]. Arkhangelsk, 2009. 21 p.

Posukh O. L., Bady-Khoo M. S., Zytsar' M. V. et al. The role of the socio-demographic structure of communities of deaf people in the prevalence of inherited forms of hearing loss. *Vavilovskiy zhurnal genetiki i selektsii* [Vavilov Journal of Genetics and Selection], 2016, vol. 20, no. 1, pp. 7–15. (In Russian).

Sibgatullin I. Sh. On the issue of the concept of “sociocultural”. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern Trends in the Development of Science and Technology], 2016, no. 3–5, pp. 93–97. (In Russian).

Subbotina N. D. The idea of humanism as a factor in social development. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2018, no. 8, pp. 5–15. (In Russian).

Элита сообщества глухих: критерии принадлежности, внутригрупповые связи и социокультурный профиль

Полина Врублевская

Православный
Свято-Тихоновский
государственный
университет
(ПСТГУ), научно-
исследовательская
лаборатория «Социология
религии», Москва, Россия
pvrublevskaya@socrel.ru

Анна Григорян

Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
grigoran204@mail.ru

Варвара Дзюба

Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
varja-imunel@mail.ru

Данила Четвериков

Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
danichetverikov@gmail.com

Ника Чупятова

Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
nika0212chupiatova
@gmail.com

Ключевые слова:

сообщество глухих,
элита, групповая
принадлежность.

Тема элиты сообщества глухих остается малоосвещенной в научно-исследовательской литературе. Эта статья фокусируется на элите сообщества глухих в России как отдельной группе. По данным эмпирического исследования, выполненного в смешанном дизайне с применением опроса и интервью, рассматриваются критерии принадлежности к элите, социальные связи внутри этой группы, а также социокультурный профиль ее представителей. Согласно результатам настоящего исследования, представители элиты, как правило, идентифицируют себя как членов сообщества глухих, при этом оставаясь открытыми ко взаимодействиям со слышащей частью общества, что подтверждается их трудоустройством в разных социальных сферах, помимо Всероссийского общества глухих (ВОГ) и подобных организаций. Одновременно представители элиты демонстрируют тесные связи внутри своей группы, чем подтверждают собственный особый социальный статус.

Введение

Тематика выявления элиты как отдельной группы внутри сообщества глухих, определения критериев принадлежности к элите и описания социокультурного профиля ее представителей мало разработана исследователями в целом и конкретно в России, что оставляет открытыми ряд вопросов. Например, распознают ли в принципе глухие элиту внутри своего сообщества как отдельную группу? По каким критериям представители сообщества глухих причисляют других к элите? Коррелирует ли элитарная принадлежность среди глухих с пониманием элитарности среди слышащих?

На уровне обыденного употребления термин «элита» вызывает множественные интерпретации. Нередко случается, что люди воспринимают понятие «элита» в негативном ключе, ассоциируя его с неравенством, несправедливым распределением благ и привилегий в обществе. В такой интерпретации элита состоит из людей, которые используют свой статус и привилегии исключительно в собственных эгоистических интересах. В то же время бытует и альтернативная точка зрения на элиту как на группу людей, обладающих определенными знаниями, опытом и способностями, которые могут послужить во благо и на пользу обществу в целом. Согласно этому видению, элита функциональна и играет важную роль в устройстве общественной жизни.

В русскоязычной литературе до сих пор не была осмыслена концепция понятия «элита» и функций этой группы в контексте сообщества глухих. Поэтому основной исследовательский вопрос для нас заключается в том, выделяют ли представители сообщества элиту как отдельную группу и как описывают ее.

Настоящее исследование носит разведывательный характер. В его рамках предлагается допустить, что элита — это особая группа в сообществе, которая выше по социальному статусу в сравнении с другими его представителями. Элита выделяется тем, что имеет престиж и влияние на сообщество, к тому же зани-

мается его активным, деятельным развитием¹. Таким образом, в первую очередь необходимо исследовать, кого глухие причисляют к элите своего сообщества и по каким критериям выделяют их в отдельную группу. Гипотетически можно предположить, что для причисления к элите сообщества глухих требуется обладать определенными навыками на достаточно высоком (возможно, выше среднего) уровне, такими как умение коммуницировать и с глухими, и со слышащими, умение находить и транслировать информацию, которая принесет пользу другим, и т.д.

Что такое элита сообщества глухих?

К настоящему времени существует достаточное количество исследований и публикаций в области *Deaf Studies*, в частности про жестовый язык², лингвистику³, сообщество⁴, культуру⁵ и паттерны культурного потребления глухих⁶, однако до сих пор практически не изучалось то, как в сообществе глухих устроена элитарность и каковы критерии принадлежности к элите. Мы считаем важным

- 1 *Лопухов А. М.* Словарь терминов и понятий по обществознанию. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Айрис-пресс, 2013. — С. 395.
- 2 *Комарова А. А.* Русский жестовый язык: основные проблемы изучения лексики // Ученые записки Казанского университета. — 2022. — Т. 164. — № 1–2. — С. 116–134.
- 3 *Харитонов В. Д.* Средства усиления в русском жестовом языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — Вып. 2 (857). — С. 142–148; *Stokoe W. C.* Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American Deaf // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2005. — № 10 (1). — P. 3–37; *Кибрик А. А.* О важности лингвистического изучения русского жестового языка // Русский жестовый язык. Первая лингвистическая конференция: сборник статей под ред. О. В. Федоровой. — М.: Буки Веди, 2012. — С. 5–13; *Буркова С. И., Киммельман В. И.* Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. — 356 с.
- 4 *Варинова О. А.* Особенности описания социального сообщества глухих людей // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7. — С. 44–48.
- 5 *Большаков Н. В.* От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174; *Erting C. J., Johnson R. C., Smith D. L. & Snider B. D.* The Deaf Way: Perspectives from the International Conference on Deaf Culture. — Washington, DC: Gallaudet University Press. 1994. — 907 p.
- 6 *Большаков Н. В., Астахова Н. В.* Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // Журнал исследований социальной политики. — 2017. — Т. 15. — № 1. — С. 51–66.

компенсировать этот пробел, поскольку в самом сообществе эта тема нередко становится почвой для обсуждений и даже горячих споров, в частности во многих видео и тредах, которые можно встретить на различных интернет-платформах⁷. Особое внимание, например, феномену элиты и его влиянию на становление и жизнь глухих и слабослышащих учащихся Галлодетского университета уделяется в американском сериале *Deaf U*⁸. Интерес людей, а также репрезентация опыта элиты и ее сферы влияния в массовой культуре показывают важность данного явления для всех. Это свидетельствует о том, что элита в сообществе глухих не только играет важную роль внутри него, но и привлекает внимание широкой аудитории.

Итальянский социолог и основоположник теории элит Гаэтано Моска⁹ определяет элиту как правящее меньшинство, которое обладает политической властью и контролирует ключевые ресурсы общества. Он выделил элиту как особый объект исследования и провел анализ ее структуры, основных законов функционирования и механизмов, которые обеспечивают приход «политического класса» к власти. И, хотя в данном случае элита рассматривалась на уровне общества как национального государства, другие исследователи распространили понимание элиты на более низкие уровни социальной организации. Любое сообщество многослойно и разнообразно и, несмотря на наличие общих черт, которые объединяют их представителей, в нем можно выделить отдельные группы, отличающиеся своим статусом и достижениями.

Так, исследуя культуру глухих в США, Томас Холкомб рассматривает среди прочих групп элиту и описывает ее следующим образом: это люди среднего класса, которые имеют высшее образо-

7 *Deaf U* series. Episode 10: Elitism. URL: <https://youtu.be/2vzldCl4Qq4?si=BU1cAnLLESQgKR7K>; *The "Deaf Elite" Spectrum*. URL: <https://youtu.be/nSHll8akg6U?si=U1yVslJZUejpQr4X>.

8 *Sippell M.* Netflix's "Deaf U": Who Are "The Elite," and Why Is Everybody Talking About Them? URL: <https://www.thewrap.com/who-are-the-elite-netflix-deaf-u-nyle-dimarco/>; *Raga P.* A Lot Has Changed for Cheyenna Since Filming "Deaf U." URL: <https://www.distractify.com/p/cheyenna-clearbrook-deaf-u>.

9 *Mosca G.* *The Ruling Class*. — New York: McGraw-Hill, 1939. — 519 p.

вание, занимают высокие должности, требующие квалификации, и имеют комфортный уровень жизни¹⁰. Они часто являются политическими лидерами в сообществе и работают над тем, чтобы жизнь будущих поколений глухих людей менялась к лучшему. Таким образом, они активно участвуют в государственных и гражданских ассоциациях глухих, выступают за улучшение качества жизни всех глухих людей и возможностей получения образования глухими детьми. Также в более крупных городах, осознавая свое положение и уровень, представители элиты объединяются друг с другом, проводят мероприятия, где могут расширить круг знакомств и связей, при этом еще и уделяют внимание своему развитию и самосовершенствованию, устраивая, например, книжные клубы.

В другом исследовании элиты глухих Уильям Стоуки, Рассел Бернارد и Кэрол Пэдден¹¹ сосредоточились на критериях принадлежности к элитарной группе сообщества глухих. Важной составляющей этого исследования является пристальное внимание к тесной взаимосвязи между представителями элиты. На основании полученных данных была составлена схема связей, демонстрирующая, как именно они взаимодействуют между собой и как устроена иерархия внутри конкретной группы. Отсюда авторы предлагают выделять несколько подгрупп, связанных между собой по определенным признакам или функциям. Например, значимым признаком является общее место учебы — Галлодетский университет. В целом по результатам анализа критериев принадлежности к элите исследователи заключают, что высшее образование является безусловно одним из таковых. Среди других критериев: владение жестовым языком, хорошая письменная речь, лидерская роль внутри сообщества и широкая известность в нем, знакомство друг с другом, то есть наличие множества контактов, сфер влияния — взаимодействие со слышащим сообществом, работа в ассоциациях глухих, организация мероприятий для глухих, происхождение из семей глухих.

10 *Holcomb T. K.* Introduction to American Deaf Culture. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 173.

11 *Stokoe W. C., Bernard H. R., Padden C.* An elite group in Deaf society // Sign Language Studies. — 1976. — № 12. — P. 189–210.

В вышеперечисленных исследованиях не раз делается акцент на том, что сообщество глухих неоднородно, так как среди его представителей есть лица с разным культурным и жизненным опытом, который так или иначе влияет на их восприятие и позиционирование себя. Из-за того, что все процессы происходят не только внутри сообщества, но также находятся под влиянием извне, со стороны слышащих, его представители так или иначе вынуждены становиться носителями двух культур. Соответственно, только в зависимости от их самоопределения они могут в большей, меньшей или равной степени быть включенными в то и другое сообщество. В этом ключе можно сказать, что элита служит посредником или проводником между мирами слышащих и глухих, как следует из исследования Стоуки и его коллег.

Чтобы уточнить, из чего складывается идентичность и каким может быть самоопределение глухих людей, была разработана шкала самоидентификации *DIDS (The Deaf Identity Development Scale)*¹². Она выделяет 4 вида культурной самоидентификации глухих: «культурно слышащие», «погруженные в мир глухих», «маргинализованные», «бикультурализм».

«Культурно слышащие» — это люди, которые ценят развитие речи, считывание с губ и использование остаточного слуха. Эти люди пренебрегают использованием жестового языка, им свойственно восприятие глухоты как болезни и патологии. К типу «погруженные в мир глухих» относятся глухие люди, которые уважают жестовый язык (ЖЯ). Они не признают помощь от слышащих людей, действуют только внутри сообщества глухих и помогают только глухим. Для них важно знать ЖЯ в совершенстве. «Маргинализованные» — это люди, которые не знают, к какому сообществу себя причислить — глухих или слышащих. И там, и там им некомфортно или их не признают своими, поэтому, как правило, эти люди являются, грубо говоря, изгоями. Представители четвертого типа «бикультурализм» — это люди,

12 Glickman N., Carey J. Measuring Deaf cultural identities: A preliminary investigation // Rehabilitation Psychology. — 1993. — № 38 (4). — P. 275–283.

которые фактически живут в двух мирах — слышащих и глухих — и одинаково уважают связь с теми и другими.

Относительно именно российского контекста нигде не описаны критерии принадлежности к элите как отдельной группе сообщества глухих и не фигурирует описание ее социокультурного профиля. В то же время идентичность глухих людей в России попадала в фокус внимания социологов, психологов, педагогов. Например, в своем исследовательском проекте Надежда Михайлова и соавторы¹³ изучили факторы, связанные с глухотой, и сравнили типы идентичностей, а также¹⁴ более подробно рассмотрели и адаптировали под российские реалии шкалу самоидентификации *DIDS*, которая первоначально опирается на модели развития культурной идентичности. Вслед за российскими коллегами мы использовали адаптированный перечень из 40 утверждений для уточнения типа идентичности людей, принадлежащих к элите сообщества глухих. Так, с опорой на шкалу *DIDS* мы предполагаем описать социокультурный профиль элиты глухих в российском контексте. Мы исходим из того, что характер и особенности элитной группы допустимо описывать в тех же понятиях, какие используются в предложенной типологии, применяемой к отдельным представителям этой группы.

Благодаря уже имеющимся исследованиям о критериях определения элиты глухих людей в США мы, по меньшей мере, можем проверить, обстоит ли дело так же в России или нет. Например, является ли высшее образование важным критерием для вхождения в элитную группу, играет ли роль превосходное знание русского языка и русского жестового языка во взаимодействии элиты с представителями сообщества слышащих и глухих, существует ли классификация представителей элиты в разных

13 Михайлова Н. Ф., Краско А. С., Вячеславова Е. В., Фаттахова М. Э., Миронова М. А., Красильникова О. А. Влияние средовых и личностных факторов на формирование идентичности у глухих и слабослышащих студентов // Мир науки. Педагогика и психология. — 2021. — № 6 (9). — С. 2–3, 7–11, 13–14, 16–17.

14 Михайлова Н. Ф., Краско А. С., Фаттахова М. Э., Миронова М. А., Вячеславова Е. В. Адаптация Шкалы самоидентификации глухих и слабослышащих людей (*DIDS*) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2022. — Т. 12. — Вып. 3. — С. 309–314, 322, 324–325, 328–330.

сферах жизнедеятельности (спорт, культура, бизнес, образование и др.) и т.д.

Поскольку мы взяли за основу социологическое определение элиты как отдельной группы, нам представляется важным найти этому подтверждения в эмпирических данных. Исходя из этого, мы ставим перед собой задачу описать систему социальных связей внутри элиты сообщества глухих и понять, насколько она консистентна, то есть отличается ли плотностью внутригрупповых взаимодействий.

Дизайн исследования

Дизайн исследования включает в себя несколько этапов. Прежде всего было необходимо определить, кого представители сообщества глухих в России считают элитой, для чего был разработан опрос. Далее требовалось выявить факторы принадлежности к элите по мнению представителей сообщества глухих, а значит, провести анализ причин упоминания определенных персон по данным опроса. Третья задача заключалась в том, чтобы описать социокультурный профиль представителей элиты. Эта задача была решена с помощью анкетирования людей, включенных в элитную группу по результатам опроса. В анкете был использован упомянутый выше методический инструмент — шкала самоидентификации глухих *DIDS* — для того, чтобы уточнить идентичность представителей элиты и конкретно степень выраженности глухой/слышащей идентичности. Наконец, последняя задача состояла в описании системы социальных связей между представителями элиты в сообществе глухих. Проще говоря, в получении ответа на вопрос о том, насколько элита — консистентная группа внутри сообщества глухих.

Таким образом, эмпирическая часть исследования включала в себя опрос глухих (100 человек), анкетирование представителей элиты (17 человек) и групповое интервью (4 человека). Сбор данных проводился поэтапно: в первую очередь был проведен опрос представителей сообщества глухих и слабослышащих о том, кого они считают элитой, исходя из предложенного в нашем исследовании определения элиты как особой группы с более высоким

статусом, выраженным престижем и влиянием, а также отличающейся активным, деятельным вкладом в развитие сообщества глухих.

На этапе создания анкеты мы столкнулись со сложностями, связанными с отсутствием жеста «элита» и, соответственно, единого понимания этого термина носителями русского жестового языка (РЖЯ). Хотя варианты жеста для термина «элита» существуют, они, как правило, используются переводчиками и более образованными представителями сообщества, которые осведомлены о процессах в мире слышащих. Так или иначе, эти варианты жеста не передают полного значения понятия. Соответственно, в РЖЯ данный термин не в ходу и в основном может быть воспринят носителями только описательно и пояснительно. В нашем случае было важно понять, есть ли вообще представление о группе элиты среди глухих и слабослышащих. Для большей точности восприятия мы решили дать вариант на русском языке в письменном виде и на русском жестовом языке в формате видео. В ролике мы перевели наше определение, сохраняя грамматику РЖЯ, а чтобы ввести понятие, мы применили дактилирование термина «элита», в том числе использовали пояснительные жесты, которые можно перевести как «высокий статус», «уважение», «престиж». Формулировка открытого вопроса для респондентов была следующая: *«Пожалуйста, перечислите не более трех человек, которых можно, по вашему мнению, назвать элитой внутри сообщества глухих в России. И напишите, почему вы выбрали этих людей».*

Опрос публиковался в онлайн-формате и распространялся внутри сообщества глухих, а кроме того, были вживую опрошены 28 человек. Всего мы собрали более 100 ответов, в которых были названы 104 уникальных имени (каждый респондент мог назвать до трех имен). Из них 42 человека упоминаются как минимум дважды, при этом больше трех раз упоминается всего 18 человек: 7 из них — 4 раза, 11 человек — пять и более раз. Результаты опроса частично подтвердили наши предположения об отсутствии единого понимания термина «элита», однако предложенная формулировка вопроса позволила нивелировать риски множественности интерпретаций данного понятия респон-

дентами за счет дополнительных пояснений. Люди принимали участие в опросе анонимно. В ходе анализа полученных ответов мы составили рейтинг по частоте упоминаний тех или иных персон в качестве представителей элиты. Первые 18 человек в этом списке упоминались не менее 4 раз — именно эти люди, лидеры по частоте упоминаний в качестве «элиты», и были включены нами в итоговый список.

Далее каждому из этих 18 человек в личном порядке было предложено заполнить анкету из 15 вопросов про степень слуха, семейную историю, идентичность, образование, профессиональную деятельность. Один из вопросов был направлен на измерение идентичности респондентов. Он состоял из 40 утверждений, с которыми предлагалось согласиться или не согласиться — по шкале от 0 до 4. В логике гипотезы об элите как отдельной группе внутри сообщества мы стремились установить, как представители элиты связаны между собой внутри сообщества глухих, поэтому в анкету включены были вопросы о факте знакомства и возможности обращения к кому-то с личной просьбой. Мы также гарантировали участникам исследования полную анонимность и конфиденциальность, поэтому в данной статье нигде не будут указаны конкретные имена представителей элиты, которые вошли в сформированный по результатам опроса рейтинг.

После того, как в анкетировании приняли участие представители элиты (17 из 18 человек), последовал третий этап эмпирической части исследования — групповое интервью с теми из них, кто откликнулся на приглашение (4 человека). Групповое интервью позволило раскрыть вопросы межпоколенческой преемственности «элитарности», социальной ответственности за сообщество глухих, роли элиты между двумя мирами — слышащих и глухих. Участники группового интервью сошлись во мнении, что каждый представитель элиты действует во благо сообщества и чувствует ответственность в том, чтобы поддерживать, продвигать, развивать сообщество глухих.

Критерии определения элиты сообщества глухих

Данные опроса глухих относительно того, кого и почему они готовы причислить к элите, позволяют классифицировать критерии отнесения к элите. Так, наши респонденты, объясняя, почему того или иного человека можно назвать «элитой», выделяли следующие характеристики:

- действия, улучшающие жизнь глухих, вклад в развитие сообщества: обучение глухих гидов, развитие молодежного движения глухих, развитие доступной среды, внедрение новых проектов, связанных с сообществом глухих;
- личностные качества: харизма, находчивость, справедливость, чувство такта, железная воля, интеллигентность, честность, отзывчивость, ответственность, *«не делит (член/не член ВОГ)», «не шагает по головам»;*
- родственные связи: *«Жена достаточно известного человека в сообществе глухих»;*
- популяризация культуры, истории глухих/делает глухих видимыми: *«Популяризует культуру глухих и жестовый язык, он известен всем глухим в Москве», «<...> сделал наибольший вклад в популяризацию различных полезных проектов для общества глухих. В некоторых проектах был первопроходцем. Он — однозначно интересный человек, за которым стоит последовать»;*
- образованность, начитанность: *«...в первую очередь образованность! И активная деятельность просветительская и развивающая, то есть главный критерий — развитие себя и передача знаний/опыта другим, способствуя их развитию и образованности»;*
- хорошее владение как жестовым языком, так и письменной речью: *«Человек из элиты сообщества глухих, на мой взгляд, — тот, кто в совершенстве владеет РЖЯ. <...> Дружит с письменным и устным русским языком»;*

- пример для других: «<...> мотивирует свернуть горы. Это дает остальным понять, что глухие могут все», «Всегда мотивирует и продюсирует талантливых глухих <...> в массы, чтобы себя показать миру глухих».

При этом, несмотря на то, что внутри исследовательской группы было принято единое определение элиты, которое неизменно транслировалось участникам опроса, последние нередко воспринимали это понятие по-своему и не все из них были согласны с предложенной формулировкой или вовсе имели негативно окрашенное восприятие понятия «элита». Как уже говорилось выше, это во многом связано с отсутствием конвенционального жеста на РЖЯ, означающего «элита». Стоит подчеркнуть также, что в глазах респондентов «элитарность» не всегда равносильна респектабельности или лояльности; кроме того, представитель элиты не обязательно означает «лидер». Исходя из полученных данных, представителями элиты чаще всего являются медийные личности.

Таким образом, можно сказать, что понятие элиты еще не установилось в сообществе, и в его восприятии есть разночтения вплоть до полного отрицания такого понятия. В то же время внутри сообщества элита играет роль для его развития и поддержки. По словам одного из информантов, *«обычные люди обращаются [к элите] с просьбой о помощи, разъяснить что-то. Человек может что-то сделать для сообщества. У него может быть талант делать то, что не могут другие. Есть большое количество функций и возможностей»*. Таким образом, в элиту включают тех, кто неравнодушен к проблемам сообщества, готов помочь и может донести нужную информацию до его представителей.

Представители элиты глухих

В рамках предварительной работы с опорой на описанные выше исследования¹⁵ мы выделили ряд критериев, описывающих лич-

15 Михайлова Н. Ф., Краско А. С., Фаттахова М. Э., Миронова М. А., Вячеславова Е. В. Адаптация Шкалы самоидентификации глухих и слабослышащих людей (DIDS) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2022. — Т. 12. — Вып. 3. — С. 309–330; Stokoe W. C., Bernard H. R., Padden C. An elite group in Deaf society // Sign Language Studies. — 1976. — № 12. — P. 189–210.

ности конкретных людей, которых респонденты чаще остальных относили к элите. Среди них: место рождения и проживания, семейное происхождение, образование, идентичность (глухая/слышащая), профессия и род деятельности, владение русским жестовым языком (РЖЯ).

Место рождения и проживания

В число элиты респонденты на первом этапе зачастую включали людей из регионов (Тула, Новосибирск и др.), но немногие из них смогли выйти в лидеры по числу голосов. Так, среди 17 наиболее популярных представителей элиты, которых мы опросили, 11 человек родились в Москве, 5 человек — в других городах, 1 человек родом из Беларуси. Однако сегодня 16 человек живут в Москве и 1 человек — в Подмосковье.

Можно заключить, что, хотя в сообществе высоко ценят вклад тех, кто живет и работает в регионах, тем не менее наиболее влиятельными в масштабе всего сообщества в целом являются те, кто проживает в столице.

Семейное происхождение

По результатам анкеты выяснилось, что 10 представителей элиты являются глухими, а 7 — слабослышащими. Несмотря на то, что, как правило, глухие дети рождаются в слышащих семьях¹⁶, из 17 представителей элиты в нашем исследовании 13 человек родились в семьях глухих и/или слабослышащих родителей и только 4 человека родились в семьях слышащих. При этом из них двое указали, что в их семьях есть другие глухие/слабослышащие родственники.

Встречаются такие случаи, когда родители входят в элиту, но не их дети. Однако такие дети все равно воспринимаются как гейткиперы, через которых можно взаимодействовать с элитой

16 Mitchell R. E., Karchmer M. A. Chasing the mythical ten percent: Parental hearing status of deaf and hard of hearing students in the United States // Sign Language Studies. — 2004. — № 4 (2). — P. 138–163; Quick Statistics About Hearing. URL: <https://www.nidcd.nih.gov/health/statistics/quick-statistics-hearing#6>.

(родителями). Можно сказать, что статус родителей с наибольшей вероятностью даст возможность быть замеченным и включенным в элиту: так, *«если семья глухая и родители лидеры, то, скорее всего, да — [человек станет элитой]. А если семья глухая, но они не лидеры, то, пожалуй, нет, ты не будешь элитой»* (групповое интервью).

Среди представителей элиты, как мы упомянули выше, были те, кто родился и вырос в семье глухих, имеющих вес в сообществе, — это так или иначе повлияло на их становление как личностей за счет отношения к ним окружающих: с самого детства они ощущали ответственность, которая была на них из-за происхождения: *«Была в центре внимания еще в детском саду среди слабослышащих. Но они из семей слышащих, а я росла в семье глухих. В школе была в центре внимания. Одноклассники были из семей слышащих и не знали жестов. Я была лидером благодаря родителям. Если они добились успехов, то почему я не смогу?»* (групповое интервью).

Отсюда следует, что в основном статус элиты передается внутри глухих родословных, однако среди представителей элиты есть и те, кто, родившись в семьях слышащих, смог добиться высокого признания в сообществе глухих.

Возраст

По результатам анкетирования представителей элиты разброс по возрасту составляет от 29 до 70 лет. Большая часть опрошенных (12 человек) оказались в возрасте от 37 до 54 лет. Можно сделать вывод, что внутри сообщества глухих люди начинают проявляться в качестве представителей элиты чаще после 30 лет.

Образование

Из ответивших на вопросы анкеты 16 человек учились в школах для глухих/слабослышащих, из них 12 человек — в Москве (№ 52, № 30, № 10, № 37), только один человек обучался в обычной общеобразовательной школе. У 16 человек есть высшее образование,

у 3 из них — ученая степень, один человек учился в колледже, и все они учились в университетах и колледжах Москвы.

При этом, хотя сами глухие и слабослышащие не делают акцент на высшем образовании как необходимом критерии включения в число элиты, указывая, что *«в советское время не все учились в вузах, но среди таких много представителей элиты»* (групповое интервью), результаты свидетельствуют о том, что в действительности элита сообщества состоит из высокообразованных людей.

Профессия и род деятельности

Всего 8 человек из опрошенных представителей элиты работают в ВОГ, а остальные — в других организациях, не связанных с ВОГ. При этом в ВОГ работают поровну как глухие, так и слабослышащие представители элиты, однако последние занимают более высокие посты. Это справедливо и в других организациях — слабослышащие чаще занимают руководящие должности. Можно предположить, что слабослышащие занимают такое положение из-за своей включенности в более широкий контекст мира слышащих, и, судя по данным нашего исследования, эти критерии оказываются немаловажными для включения в элиту. При этом и глухие, и слабослышащие профессионально заняты в разных сферах: искусстве, волонтерстве, среднем и высшем образовании, политике и других. Это может означать, что элитная группа негомогенна и что для разных социальных сфер можно выделить сугубо свою профессиональную элиту. Например, в качестве элиты опрошенные упоминали большое число спортсменов, но ни один из них не набрал больше трех голосов. При этом обращает на себя внимание тот факт, что представители элиты по роду своей трудовой деятельности, как правило, взаимодействуют со слышащими — как внутри сообщества глухих, так и вне его, — а некоторые работают на безвозмездной основе во благо общества глухих.

В ходе группового интервью информанты из числа элиты указывали, что, в отличие от советского времени, когда элита *«давала людям работу»*, задача представителей элиты сообщества глухих сегодня сводится к тому, чтобы *«давать ресурсы и знания»*

(групповое интервью). Например, раньше в элиту могли входить «шефы», которые набирали группу «брелочников», отдавали им партию мелкого товара, а «брелочники» занимались продажей, зарабатывая себе на хлеб. В настоящее время элита все более склонна к образованию, саморазвитию, получению знаний и вносит свой вклад в развитие сообщества глухих: *«Активная деятельность просветительская и развивающая, то есть главный критерий — развитие себя и передача знаний/опыта другим, способствуя их развитию и образованности»* (групповое интервью).

Сегодня в число элиты входят, например, глухие экскурсоводы, которые помогают изучать культуру и искусство и делают возможным посещение культурных мероприятий, музейных выставок. Имея соответствующие ресурсы и признание, элита может решать вопросы сообщества через слышащих, обеспечивая глухим комфортное существование. Таким образом, элита сообщества глухих совершенно не ограничивается работой в ВОГ или других формальных организациях, связанных с сообществом. В число элиты попадают люди разных социально значимых направлений, например, экскурсоводы, педагоги, бизнесмены, самозанятые, музейные сотрудники и другие.

Владение РЖЯ

Все 17 информантов владеют РЖЯ и сходятся во мнении, что *«в сообществе, где все глухие, без жестового языка существовать невозможно»* (групповое интервью). При этом 8 человек знают его с рождения, а остальные выучили жестовый язык позднее (в детском саду, в школе, после окончания школы). 10 человек оценили свой уровень знания РЖЯ по десятибалльной шкале как 10 из 10, другие 6 человек на 8–9 баллов, и лишь один человек ограничился оценкой в 4 балла. Кроме того, только у одного человека из 17 представителей элиты отсутствует жестовое имя. (В целом внутри сообщества глухих ЖИ нет у 1/4 респондентов по результатам исследования ЖИ)¹⁷. Следовательно, владение РЖЯ на высоком уровне, а также подтверждение принадлежности к культуре

17 Апанасенко Ю., Бабаева А., Белов Т., Жадан И., Лосихина Т. Жестовые имена глухих в России // Наст. изд. С. 210.

глухих (выраженное, в частности, наличием жестового имени) являются характерными чертами представителей элиты.

Идентичность представителей элиты: бикультурализм

Анкета включала в себя также блок вопросов Шкалы самоидентификации глухих и слабослышащих *DIDS*¹⁸ в адаптации Михайловой и коллег¹⁹. Всем респондентам было предложено выразить степень своего согласия с рядом суждений, среди которых были как нейтральные по отношению к глухим, например «Я не знаю, вызывают у меня глухие люди уважение или негативные чувства», так и резко негативные, например «Когда я вижу, что глухие люди используют жестовый язык, я ухожу, стараюсь отстраниться», или крайне позитивные, например «Мои слышащие друзья будут бороться за права глухих людей».

Далее по каждому респонденту была высчитана выраженность каждой из идентичностей. На иллюстрации ниже представлено распределение по средней выраженности каждой идентичности, где за 100% берется максимально доступная степень выраженности идентичности, получаемая при суммировании всех ответов. Как можно видеть по графику, наиболее выражена у представителей элиты бикультурная идентичность, которая делает возможным понимание двух сообществ и помогает лучше налаживать коммуникацию между слышащими и глухими.

Сами представители элиты признают, что *«без связей со слышащими как я могу помочь решить любой вопрос?»* (групповое интервью) и что вся информация представителями элиты *«получается от слышащих и таким образом передается глухим, поэтому без коммуникации со слышащими ничего не получится»* (групповое интервью). Умение коммуницировать и знание специфики двух

18 *Glickman N., Carey J. Measuring Deaf cultural identities: A preliminary investigation // Rehabilitation Psychology. — 1993. — № 38 (4). — P. 275–283.*

19 *Михайлова Н. Ф., Краско А. С., Фаттахова М. Э., Миронова М. А., Вячеславова Е. В. Адаптация Шкалы самоидентификации глухих и слабослышащих людей (DIDS) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2022. — Т. 12. — Вып. 3. — С. 309–330.*

культур дают возможность находить компромиссные варианты и становятся проводниками между двумя мирами.

Таким образом, вхождение в число элиты сообщества глухих подразумевает обязательное взаимодействие со слышащими, что характеризуется наибольшей выраженностью бикультурной идентичности, то есть особого положения между двумя мирами — слышащих и глухих. При этом никто из представителей элиты не обладал ярко выраженной слышащей идентичностью. Бикультурализм — наиболее весомый признак элиты глухих, хоть и не обязательно столь значительный критерий включения в нее другими людьми. Это остается открытым вопросом для будущих исследований.

Элита как отдельная группа внутри сообщества глухих

Последней из задач нашего исследования было описание системы социальных связей внутри элиты сообщества глухих. Мы предположили, что элита формирует некую отдельную группу, которая явно выделяется на общем фоне в том числе благодаря тесным внутригрупповым связям. В основу анализа социальных связей внутри элитной группы легли вопросы анкеты для представителей элиты (18 человек) о факте знакомства друг с другом, близком знакомстве и возможности обратиться с просьбой. *С кем из этого списка вы знакомы? С кем из этого списка вы близко знакомы? К кому из списка вы можете обратиться с личной просьбой в случае необходимости?*

В рамках исследования нам было важно не только определить, связаны ли респонденты между собой, но и то, насколько тесный характер носит эта связь. Соответственно, если два представителя элиты говорили, что они просто знакомы между собой, эта связь помечалась как не тесная, а если, в противоположность, оба отмечали, что могут обратиться друг к другу с личной просьбой, то такая связь маркировалась как наиболее тесная.

Для построения и визуализации сети взаимных связей использовалась программа *Geophy*. При построении данной сети учитываются все типы выборов (знакомы, знакомы близко и могу

обратиться). Цифры в центре каждого круга отражают анонимизированный номер респондента, а размер круга соответствует взвешенной мощности, рассчитываемой как отношение выборов человека к общему количеству выборов. То есть чем крупнее круг, тем чаще другие респонденты указывают на связь с данным человеком. В свою очередь, чем жирнее стрелка, тем плотнее связь между двумя конкретными людьми. Респонденты должны были ответить на вопросы о связях друг с другом, то есть с каждым из представителей элиты, вошедших в список из 18 человек.

Цвет круга обозначает условное отнесение к подгруппам в рамках наблюдаемых связей. Поскольку модулярность всех построенных сетей, то есть мера разделения группировки и выявлений подгрупп связанных элементов в сети, является очень низкой, подгруппы, обозначаемые различными цветами кругов, носят условный характер. Это означает, что, хотя и существуют подгруппы в сети, их образование не является четким. Скорее допустимо заключить, что сеть представителей элиты российского сообщества глухих, по данным анкетирования 17 ее участников, достаточно плотная и равномерная.

Основной вывод, который можно сделать по итогам анализа, заключается в том, что все представители элиты, как правило, тесно связаны между собой. Число нереализованных связей (то есть незнакомых между собой людей) очень низкое, а плотность связей по всем вопросам (то есть доля возможных связей, реализованных на практике) очень высокая. Выяснилось, что даже при условии отсутствия близкой дружбы внутри элитной группы принято обращаться друг к другу в случае необходимости. Отсюда можно заключить, что представители элиты осознают свою общность по особому статусу. При этом, как обнаружилось, ключевыми узлами в сети (то есть теми, к кому чаще всего могут обратиться) становятся, как правило, люди, тесно связанные с ВОГ. В свою очередь, владение РЖЯ или степень глухоты не оказывают влияния на позицию в сети.

По материалам группового интервью относительно природы социальных связей внутри элитной группы можно добавить следующее: представители элиты пользуются явными социальными

привилегиями. Например, получают приглашения на крупные мероприятия, выступают гарантами обращений в ВОГ (жалобы, заявки), что, по меньшей мере, свидетельствует о публичном признании их социальной значимости. Очевидно, что, имея высокие, влиятельные позиции в сообществе, усиливая социальные связи между собой и с другими слоями сообщества, представители элиты укрепляют свое положение, в том числе деятельно вовлекаясь в решение насущных вопросов общего значения. Так, в ходе группового интервью был приведен следующий пример: представитель элиты, который работает редактором и видеооператором в новостном портале для глухих и слабослышащих, отметил: *«Благодаря сайту могу решать вопросы доступности из-за своей должности и положения»*. Так, от этого портала было подано много обращений по поводу субтитров на телевизионных каналах. Поскольку не на всех каналах было обеспечено субтитрование, то через этого мужчину и новостной портал на эту насущную проблему сообщества смогли обратить внимание и впоследствии решить ее. А именно — принять изменения в законе о субтитрах и о минимальной адаптации фильмов, записанных программ для глухих и слабослышащих. Эта ситуация наглядно демонстрирует, как представители элиты могут оказать влияние не только внутри сообщества, но и вовне, действуя в общих интересах глухих и слабослышащих.

Заключение

В конечном итоге мы можем заключить, что в российском сообществе глухих выделяется элитная группа, чьи представители разделяют общий, доминирующий тип бикультурной идентичности и внутри своей группы демонстрируют плотные социальные связи. Основываясь на полученных результатах настоящего исследования, мы можем дать более конкретное определение элите сообщества глухих в России. В настоящее время это группа людей, вызывающая доверие со стороны большого количества представителей сообщества. Важными критериями включения в число элитной группы становятся значительные действия в интересах сообщества глухих. Элита отличается тем, что способна концентрировать важные ресурсы и качественно распоряжаться ими: вносить вклад в развитие сообщества глухих, при

этом тесно взаимодействуя со слышащими. Представители элиты обладают знаниями двух культур и служат проводниками для сообщества глухих, опосредуя ресурсы, которыми располагают слышащие. Безусловно, существенным показателем является знание жестового языка всеми опрошенными представителями элиты. В ситуации, когда не весь поток информации доступен сообществу глухих, элита, знающая РЖЯ, выступает посредником, транслируя и разъясняя все на языке, понятном для представителей сообщества. Эта функция, взятая на себя элитой, увеличивает адаптивность сообщества в целом, делает его более приспособленным к реалиям современной общественной жизни и позволяет своими силами решать насущные проблемы. Это еще раз доказывает важность сохранения языка в сообществе глухих и его общепризнанную значимость.

Библиография

Большаков Н. В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174.

Большаков Н. В., Астахова Н. В. Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // Журнал исследований социальной политики. — 2017. — Т. 15. — № 1. — С. 51–66.

Буркова С. И., Киммельман В. И. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. — 356 с.

Варинова О. А. Особенности описания социального сообщества глухих людей // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7. — С. 44–48.

Кибрик А. А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка // Русский жестовый язык. Первая лингвистическая конференция: сборник статей / под ред. О. В. Федоровой. — М.: Буки Веди, 2012. — С. 5–13.

Комарова А. А. Русский жестовый язык: основные проблемы изучения лексики // Ученые записки Казанского университета. — 2022. — Т. 164. — № 1–2. — С. 116–134.

Лопухов А. М. Словарь терминов и понятий по обществузнанию. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Айрис-пресс, 2013. — С. 395.

Михайлова Н. Ф., Краско А. С., Вячеславова Е. В., Фаттахова М. Э., Миронова М. А., Красильникова О. А. Влияние средовых и личностных факторов на формирование идентичности у глухих и слабослышащих студентов // Мир науки. Педагогика и психология. — 2021. — № 6 (9). — С. 1–21.

Михайлова Н. Ф., Краско А. С., Фаттахова М. Э., Миронова М. А., Вячеславова Е. В. Адаптация Шкалы самоидентификации глухих и слабослышащих людей (DIDS) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2022. — Т. 12. — Вып. 3. — С. 309–330.

Харитонов В. Д. Средства усиления в русском жестовом языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — Вып. 2 (857). — С. 142–148.

Erting C. J., Johnson R. C., Smith D. L., Snider B. D. The Deaf Way: Perspectives from the International Conference on Deaf Culture. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 1994. — 907 p.

Glickman N., Carey J. Measuring Deaf cultural identities: A preliminary investigation // Rehabilitation Psychology. — 1993. — № 38 (4). — P. 275–283.

Holcomb T. K. Introduction to American Deaf Culture. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — 370 p.

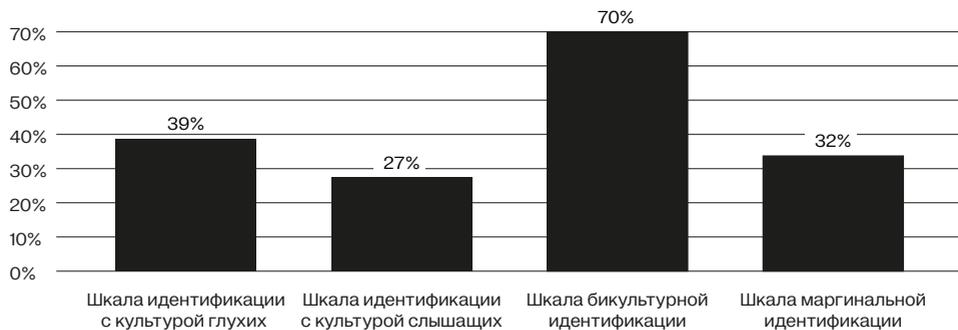
Mitchell R. E., Karchmer M. A. Chasing the mythical ten percent: parental hearing status of deaf and hard of hearing students in the United States // Sign Language Studies. — 2004. — № 4 (2). — P. 138–163.

Mosca G. The Ruling Class. — New York: McGraw-Hill, 1939. — 519 p.

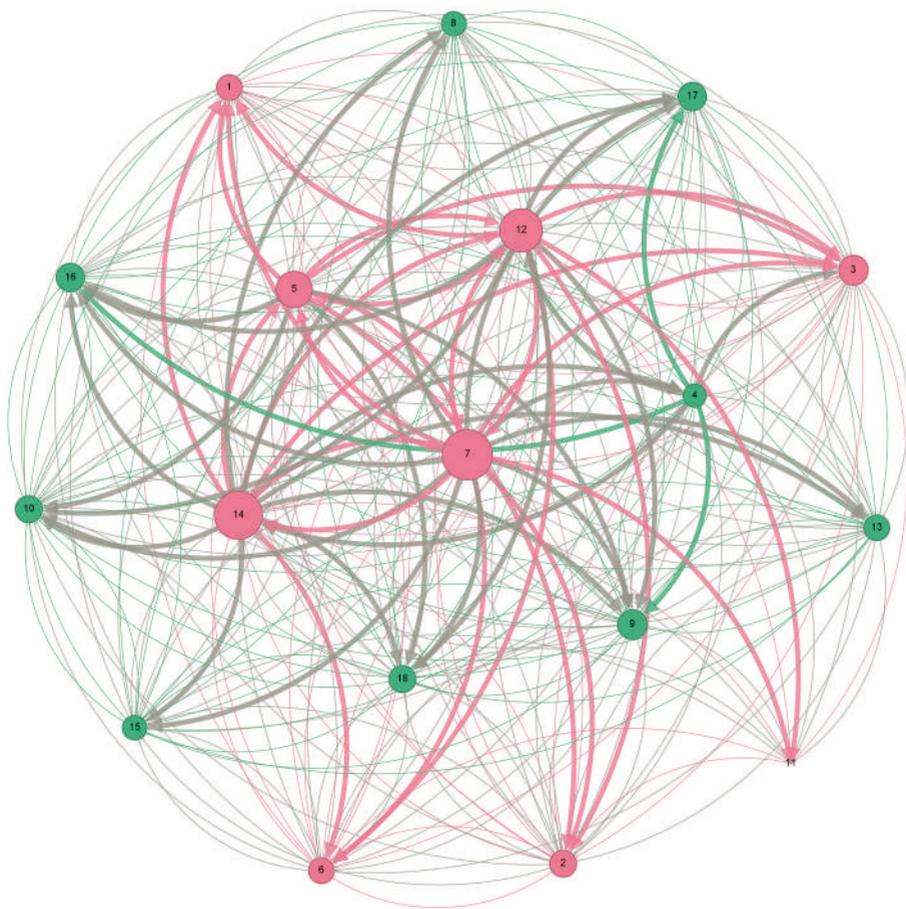
Stokoe W. C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American Deaf // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2005. — № 10 (1). — P. 3–37.

Stokoe W. C., Bernard H. R., Padden C. An elite group in Deaf society // Sign Language Studies. — 1976. — № 12. — P. 189–210.

Илл. 1

Илл. 2

The Deaf Community Elite: Attributes, Intra-Group Relations, and Socio-Cultural Profiles

Danila Chetverikov

GES-2 House of Culture,
Moscow, Russia
danichetverikov@gmail.com

Nika Chupiatova

GES-2 House of Culture,
Moscow, Russia
nika0212chupiatova@gmail.com

Varvara Dzyuba

GES-2 House of Culture,
Moscow, Russia
varja-imunel@mail.ru

Anna Grigoryan

GES-2 House of Culture,
Moscow, Russia
grigoran204@mail.ru

Polina Vrublevskaya

St. Tikhon's Orthodox
University, Sociology
of Religion Research
Laboratory,
Moscow, Russia
pvrublevskaya@socrel.ru

Keywords: Deaf community, elite, belonging to a group.

The subject of the Deaf community elite remains under-explored in academic literature. This article focuses on the Russian Deaf community elite as a distinct social group. Through a n analysis of the results of a mixed-design empirical study that included a survey and interviews, this paper identifies criteria for belonging to the Deaf community elite, the social ties within this group, and the socio-cultural profiles of its representatives. The results of this study suggest that members of the Deaf community elite usually identify themselves as members of the Deaf community while remaining open to interactions with the hearing part of society, and that this identification is often reinforced by their being employed in various social fields beyond the All-Russian Society of the Deaf and similar organisations. This study also shows that close ties run within the Deaf elite community, affirming their own special social status.

References

- Bol'shakov N. V. From deviation to identity: transformation of scientific approaches to understanding deafness. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2016, vol. XIX, no. 2(85), pp. 160–174. (In Russian).
- Bol'shakov N. V., Astakhova N. V. Patterns of cultural consumption of the Deaf and hard of hearing: inclusion or isolation? *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2017, vol. 15, no. 1, pp. 51–66. (In Russian).
- Burkova S. I., Kimmel'man V. I. *Vvedenie v lingvistiku zhestovykh yazykov. Russkiy zhestovyy yazyk: uchebnik* [Introduction to the Linguistics of Sign Languages. Russian Sign Language: A textbook]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2021. 356 p.
- Erting C. J., Johnson R. C., Smith D. L., Snider B. D. *The Deaf Way: Perspectives from the International Conference on Deaf Culture*. Washington D. C., Gallaudet University Press, 1994. 907 p.
- Glickman N., Carey J. Measuring Deaf cultural identities: A preliminary investigation. *Rehabilitation Psychology*, 1993, no. 38 (4), pp. 275–283.

Holcomb T. K. *Introduction to American Deaf Culture*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 370 p.

Kharitonova V. D. Means of reinforcement in Russian Sign Language. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 2022, issue 2 (857), pp. 142–148. (In Russian).

Kibrik A. A. On the importance of linguistic study of Russian Sign Language. *Russkiy zhestovyy yazyk. Pervaya lingvisticheskaya konferentsiya: sbornik statey. Pod red. O. V. Fedorovoy* [Russian Sign Language. First Linguistic Conference: Collection of articles. Ed. by O. V. Fedorova]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2012, pp. 5–13. (In Russian).

Komarova A. A. Russian Sign Language: the main problems of studying vocabulary. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 2022, vol. 164, no. 1–2, pp. 116–134. (In Russian).

Lopukhov A. M. *Slovar' terminov i ponyatiy po obshchestvoznaniyu. Sed'moye izdaniye, pererabotannoye i dopolnennoe* [Dictionary of terms and concepts in social science. Seventh edition, revised and augmented]. Moscow, Ayris–press Publ., 2013. 395 p.

Mikhaylova N. F., Krasko A. S., Fattakhova M. E., Mironova M. A., Vyacheslavova E. V. Adaptation of the self-identification scale for deaf and hard of hearing people (DIDS). *Vestnik Sankt–Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology], 2022, vol. 12, issue 3, pp. 309–330. (In Russian).

Mikhaylova N. F., Krasko A. S., Vyacheslavova E. V., Fattakhova M. E., Mironova M. A., Krasil'nikova O. A. The influence of environmental and personal factors on the formation of identity in deaf and hard of hearing students. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2021, no. 6 (9), pp. 1–21. (In Russian).

Mitchell R. E., Karchmer M. A. Chasing the mythical ten percent: parental hearing status of deaf and hard of hearing students in the United States. *Sign Language Studies*, 2004, no. 4 (2), pp. 138–163.

Mosca G. *The Ruling Class*. New York, McGraw-Hill, 1939. 519 p.

Stokoe W. C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American Deaf. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 2005, no. 10 (1), pp. 3–37.

Stokoe W. C., Bernard H. R., Padden C. An elite group in Deaf society. *Sign Language Studies*, 1976, no. 12, pp. 189–210.

Varinova O. A. Features of the description of the social community of deaf people. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2020, no. 7, pp. 44–48. (In Russian).

Проблемы взаимодействия глухой, слабослышащей и слышащей молодежи в образовательном и социальном пространстве

Инна Жданова

Новосибирский
государственный
технический университет
(НГТУ), Новосибирск,
Россия
ivzhdanova@mail.ru

Александр Шец

Новосибирский
государственный
технический университет
(НГТУ), Новосибирск,
Россия
sashashec@mail.ru

Ключевые слова:

глухие, слабослышащие,
билингвизм, инклюзия,
инклюзивное
образование, русский
жестовый язык,
взаимодействие.

Статья написана на основании результатов анкетного опроса глухих, слабослышащих и слышащих студентов, обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования в российских вузах. Целью исследования было выявление их представлений о взаимодействии друг с другом в образовательном и социальном пространстве. Исходя из этой цели, к задачам исследования авторы отнесли: выявление отношения глухих, слабослышащих и слышащих студентов к инклюзивному образованию; определение наличия или отсутствия стереотипных представлений о глухих людях у слышащих студентов, а также — в случае наличия — характеристика их содержания; анализ и характеристика уровня знаний по РЖЯ среди глухих, слабослышащих и слышащих представителей студенческой молодежи, а также анализ их потребностей в организации совместных мероприятий в процессе получения ими инклюзивного образования. Результаты исследования показывают, что далеко не все глухие, слабослышащие и слышащие представители студенческой молодежи разделяют концепцию образовательной и социальной инклюзии, подчеркивая наличие сложностей в организации образовательной деятельности при обучении глухих, слабослышащих и слышащих в одной студенческой группе. В результате исследования были определены проблемы социального взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих студентов, а также получены данные о высокой степени сформированности потребностей в интенсификации их взаимодействия путем изучения РЖЯ и культуры глухих, а кроме того — организации совместных мероприятий в процессе получения ими инклюзивного образования и взаимодействия в образовательном и социальном пространстве.

Введение

Проблематика исследования, посвященная взаимодействию глухих, слабослышащих и слышащих представителей молодежи, является достаточно актуальной, поскольку количество глухих и слабослышащих людей в мире и России значительно (при этом данные различных источников весьма отличаются): так, согласно отчету Всемирной федерации глухих, на 2018 г. в России насчитывалось около 13 млн людей с нарушениями слуха¹, а по данным Всероссийского общества глухих таких людей около 8 млн. По результатам переписи населения РФ 2020 года косвенно можно судить о количестве владеющих русским жестовым языком (РЖЯ) как преимущественным языком общения глухих. Так, 239930 человек указали на владение РЖЯ, при этом только 157354 человека указали его как преимущественный язык общения в повседневной жизни². Актуальность темы исследования также подтверждает и социально-политическая повестка, поскольку в России в последнее время много внимания уделяется проблемам формирования доступной среды для людей с инвалидностью и развитию принципов инклюзии в образовании и социальной жизни в целом. Это, например, находит отражение в принятии и реализации государственной программы РФ «Доступная среда», в которой отмечается, что повышение уровня образования людей с инвалидностью, в том числе в условиях инклюзивного образования, позволит сделать их экономически более активными, что в свою очередь будет способствовать более высокому уровню занятости этой категории граждан и приведет к их относительной независимости³. Если говорить о количестве и структуре людей

- 1 *Варинова О. А.* Особенности описания социального сообщества глухих людей // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7 (149).
- 2 Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami; Сайт Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество глухих». URL: <https://voinfo.ru/zhestovyj-jazyk/>.
- 3 Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 363 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2019, № 15, ст. 1746; 2021, № 14, ст. 2327.

с особенностями слухового восприятия, обучающихся в образовательных организациях среднего профессионального образования, то, по данным мониторинга Министерства образования и науки РФ за 2022 год, общее их число составляет 1505 человек (4,44% от общего числа обучающихся в вузах людей с инвалидностью и людей с ОВЗ). Они обучаются в 342 вузах Российской Федерации, при этом последние четыре года снижается доля глухих и слабослышащих в общем количестве обучающихся с инвалидностью и ОВЗ. По данным Министерства просвещения РФ на 2022 год, по программам среднего профессионального образования обучалось 2625 студентов с особенностями слухового восприятия. При этом на протяжении последних четырех лет лидером по числу глухих и слабослышащих обучающихся является Центральный федеральный округ: в 2022 г. в вузах этого округа обучались 575 студентов с особенностями слухового восприятия, что составляет 38,21% от общего числа обучающихся с данной нозологией. Однако при этом можно говорить о том, что система инклюзивного образования, предполагающая, особенно на этапе получения профессионального образования, совместное обучение глухих, слабослышащих и слышащих, еще не в полной мере готова отвечать на вызовы политики доступности, поскольку ряд проблем как в организации образовательного процесса, так и в социальной адаптации глухих в процессе получения высшего и среднего профессионального образования в условиях инклюзивных групп еще не решены. К числу таковых можно отнести в том числе и проблемы коммуникации между глухими и слышащими в учебной и внеучебной среде.

Такое положение дел находит отражение в научно-исследовательской повестке. В отечественной социологии, психологии и педагогике можно выделить целый ряд исследований, посвященных изучению как проблем людей с инвалидностью в общем (например, работы Павла Романова и Елены Ярославской-Смирновой⁴), так и представителей отдельных нозологических групп — таких как глухие и слабослышащие, — в том числе в контексте сферы

4 Романов П. В., Ярославская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. — Саратов: Научная книга, 2006. — 260 с.

образования. Так, например, Мирослав Ясин в своей работе⁵ рассматривает проблемы получения глухими высшего образования и в качестве основного барьера на пути к интеграции в общество для глухих и слабослышащих отмечает коммуникативный барьер, который наиболее четко проявляется в сфере межличностной коммуникации и доступа к информации. Также проблемами культуры глухих и возможностей их адаптации в обществе активно занимается Никита Большаков, который в своих работах делает акцент на изучении культурных практик глухих⁶. Большаков подчеркивает, что «трансформации, происходящие с профессиональной подготовкой глухих и слабослышащих (в т.ч. введение инклюзивного образования, расширение перечня доступных профессий, принятие новых стандартов, изменение правил приема и обучения глухих и слабослышащих), с одной стороны, открывают перед людьми с инвалидностью по слуху новые возможности, а с другой — становятся барьером на пути профессиональной адаптации и вызовом, в том числе в условиях пересмотра подходов к работе с глухими и слабослышащими»⁷.

В большинстве существующих исследований акцент делается на изучении самих глухих и слабослышащих и/или экспертов, но довольно мало внимания уделяется вопросам восприятия слышащими студентами глухих и слабослышащих людей, а также их мнению по вопросам инклюзивного образования, предпочтительных форм и методов коммуникации, наличия и сформированности взаимных стереотипных представлений.

Целью исследования было выявление представлений глухих, слабослышащих и слышащих студентов о взаимодействии друг с другом в образовательном и социальном пространстве путем проведения анкетного опроса студентов, обучающихся в обра-

- 5 Ясин М. И. Глухие и слабослышащие студенты в системе инклюзивного высшего образования: возможности и барьеры // Журнал исследований социальной политики. — 2019. — № 17 (4). — С. 601–614.
- 6 Большаков Н. В. Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих и слабослышащих // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 38.
- 7 Большаков Н. В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // Журнал исследования социальной политики. — 2019. — № 4.

зовательных организациях РФ. Для достижения поставленной цели авторам необходимо было: выявить отношение глухих, слабослышащих и слышащих студентов к инклюзивному образованию; определить наличие или отсутствие стереотипов и составить характеристику содержания стереотипных представлений слышащих студентов о глухих людях; определить наличие или отсутствие стереотипов и составить характеристику содержания стереотипных представлений глухих и слабослышащих студентов о глухих людях и слышащих людях; осуществить анализ содержания и дать характеристику уровня знаний по РЖЯ среди глухих, слабослышащих и слышащих студентов, а также произвести анализ их потребностей в организации совместных мероприятий в процессе получения инклюзивного образования. Для реализации поставленных задач авторы сформулировали исследовательский вопрос: «Случается ли глухим, слабослышащим и слышащим представителям студенческой молодежи сталкиваться с проблемами и ограничениями в коммуникации, обусловленными взаимными стереотипами в процессе социального взаимодействия в образовательном и социальном пространстве, и каковы частота, характер и содержание этих проблем и ограничений?»

В соответствии с этим исследовательским вопросом в качестве гипотез исследования авторами определены следующие положения:

- представители студенческой молодежи из числа глухих, слабослышащих и слышащих сталкиваются с проблемами и ограничениями в коммуникации, обусловленными слабой развитостью инклюзивной культуры в образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования;
- проблемы в коммуникации между слышащими, слабослышащими и глухими студентами связаны с наличием стереотипов, обоюдных возникающих в процессе социального взаимодействия;
- концепция социальной и образовательной инклюзии не поддерживается единогласно представителями студенческой молодежи из числа глухих, слабослышащих и слышащих;

— у глухих, слабослышащих и слышащих студентов сформированы потребности в интенсификации взаимодействия путем изучения РЖЯ и культуры глухих, а также организации совместных мероприятий в процессе получения инклюзивного образования и взаимодействия в общем образовательном и социальном пространстве.

Категория взаимодействия и коммуникации между глухими, слабослышащими и слышащими слабо представлена в современной исследовательской традиции. Одним из первых исследований по постановке этой проблемы можно назвать опубликованную в 2012 году работу Елены Кошелевой⁸, в которой в контексте психологического подхода говорится о проблемах общения глухих и слабослышащих со слышащими и подчеркивается наличие ограниченности социальных контактов и взаимодействия, а также выдвигается тезис о прямой связи между уровнем развития речи у людей с «нарушениями слуха» и их стремлением к общению со слышащими, что связывается с уровнем социальной адаптации. При этом сложности в коммуникации и общении глухих и слабослышащих со слышащими связываются как с «нарушениями речевой коммуникации», так и с наличием стереотипов у слышащих в отношении глухих. В 2016 году на основе контент-анализа эссе, написанных глухими и слабослышащими студентами и выпускниками МГТУ им Н. Э. Баумана, Анна Авдеева и Юлия Сафонова типологизировали группы социально-психологических барьеров в общении таких студентов⁹.

В целом можно сказать, что на протяжении нескольких лет в отечественных исследованиях, посвященных общению и коммуникации глухих и слабослышащих студентов, доминировал психологический и даже скорее «дефектологический» дискурс, в соответствии с которым гипотезы и исследовательские вопросы

8 *Кошелева Е. А.* Оптимизация межличностного общения в интегрированных группах // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2012. — № 2. — С. 22–27.

9 *Авдеева А. П., Сафонова Ю. А.* Социально-психологические барьеры общения студентов с ограниченным слухом в инклюзивной образовательной среде вуза // Машиностроение и компьютерные технологии. — 2016. — № 7. — С. 345–351.

были связаны с предположениями об изначальной «недостаточности», «неразвитости», «проблемности» взаимодействия, коммуникации и общения «людей с нарушениями слуха» по сравнению со «слышащими» (например, в работе Ольги Чиж в качестве выводов значителен то, что глухие юноши отстают от слышащих в развитии способности к межличностному познанию, при этом преобладание невербальных каналов коммуникации у глухих приводит к затруднению оценки чувств, намерений и состояний людей и в целом «наблюдается отставание глухих от слышащих в понимании логики развития ситуации взаимодействия, значения поведения людей в ней»¹⁰, а в работе Любви Нагорной приводится утверждение, что глухота резко ограничивает возможности общения, а вместе с тем и нормального личностного развития, при этом также подчеркивается, что в современном российском обществе весьма актуальна проблема неумения и нежелания многих слышащих адекватно взаимодействовать с глухими людьми¹¹). В последние годы появляются социологические работы, посвященные коммуникации глухих в виртуальной среде и социальных медиа (Юлия Шамсутдинова)¹².

При этом большинство авторов признают, что одним из наиболее значимых агентов социализации и социальной адаптации глухих и слабослышащих является система образования, а снятие коммуникативных барьеров между глухими и слышащими возможно только при получении образования в билингвистической инклюзивной образовательной среде, предполагающей интенсивное взаимодействие в повседневной жизни и при получении образования глухими и слышащими представителями молодежи на основе словесно-жестового двуязычия, причем важно изучать мнения не только глухих и слабослышащих, но и слышащих представителей студенческой молодежи относительно

10 Чиж О. А. Особенности понимания другого человека неслышащими юношеского возраста // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — № 62—3.

11 Нагорная Л. А., Нагорный Н. Н. Популяризация русского жестового языка как одно из условий инклюзии глухих людей в современном российском обществе // Философия и культура. — 2020. — № 6.

12 Шамсутдинова Ю. Ф. Коммуникация с участием слышащих и глухих/ слабослышащих людей: потенциал социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2020. — № 5. — С. 51—66.

проблем взаимодействия друг с другом. Таким образом, приведенные выше данные подтверждают актуальность проведения эмпирических социологических исследований по проблематике, посвященной изучению социального взаимодействия глухой, слабослышащей и слышащей студенческой молодежи в образовательном и социальном пространстве.

В ходе проведения операционализации основных концептов авторами исследования рассмотрены теоретические подходы к категории «социальное взаимодействие», а также определены социальные индикаторы взаимодействия слабослышащих и слышащих студентов и их качественно-количественные изменения. Категория социального взаимодействия в отечественной науке имеет многообразные смыслы и подходы к определению¹³. В проведенном авторами исследовании за основу понятия «социальное взаимодействие» берется следующая интерпретация: это процесс обмена социальными действиями, форма социальной коммуникации и результат взаимных действий социальных акторов, проявляющийся в репертуаре межличностных поведенческих реакций, выражающих определенное отношение и обеспечивающих действие в различных социальных ситуациях. Под социальными индикаторами мы понимаем количественные показатели изменения социально значимых величин, имеющих особое значение для анализа социального развития, проведения социальной политики и оценки ее результатов. В качестве индикаторов социального взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих студентов определены такие качественно-количественные значения, как: формы (форматы) коммуникации, интенсивность (частота и глубина) социальных контактов; статусно-ролевая связь между взаимодействующими; готовность и характер мотивации к взаимодействию между глухими и слышащими представителями студенческой молодежи; проблемы, ограничения, барьеры коммуникации; наличие/отсутствие и распространенность стереотипных представлений глухих о слышащих и наоборот.

13 Врублевская О. А. О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский аэрокосмический журнал. — 2006. — № 5 (12).

Дизайн исследования

При проведении эмпирического исследования был использован метод анкетного опроса, для реализации которого разработали инструментарий в виде двух анкет (первая — для глухих и слабослышащих студентов и вторая — для слышащих студентов). Анкета для глухих и слабослышащих студентов содержала 36 открытых и закрытых вопросов, а для удобства респондентов была произведена их адаптация путем интегрирования в использованный для анкетирования сервис *Google* записанных видеороликов с переводом вопросов на РЖЯ. Для слышащих в анкету включили 28 открытых и закрытых вопросов. Частично предполагались «зеркальные» вопросы (у глухих и слабослышащих в отношении слышащих и наоборот). Также присутствовали вопросы, составленные с использованием модифицированной шкалы социальной дистанции Эмори Богардуса для измерения этой дистанции между представителями «сообщества глухих» и «слышащих», — она рассматривается как степень отчуждения или близости между двумя этими группами. Вопросы анкеты включали в себя следующие блоки: социально-демографический (пол, возраст, курс обучения, форма обучения, направление подготовки); вопросы об отношении респондентов к инклюзивному среднему образованию людей с инвалидностью по слуху; вопросы о представлениях слышащих и людей с инвалидностью по слуху друг о друге; вопросы об отношении к РЖЯ; вопросы, направленные на выяснение мнения респондентов о проблемах коммуникации глухих и слышащих в условиях образовательного процесса и социальной жизни; вопросы о потребностях, мотивации и предпочтительных формах взаимодействия представителей учащейся молодежи с инвалидностью по слуху со слышащими.

Опрос проводился в два этапа: в марте-апреле 2022 и марте-апреле 2023 гг. среди студентов, обучающихся в образовательных организациях Российской Федерации по программам среднего профессионального и высшего образования, путем заполнения *Google*-формы и раздаточной анкеты. Всего в исследовании приняли участие 1608 респондентов, из них слышащих — 1432 человека и людей с инвалидностью по слуху — 176 человек.

При определении выборочной совокупности был задан ограничительный признак для слышащих респондентов — условие наличия в вузе, в котором они обучаются, обучающихся с инвалидностью по слуху. При определении выборочной совокупности было учтено, что данные о генеральной совокупности обучающихся с инвалидностью по слуху доступны, — генеральная совокупность составила 1505 человек, обучающихся по программам высшего образования, и 2625 человек, обучающихся по программам среднего профессионального образования.

Однако данные о количестве учащихся без инвалидности по слуху, обучающихся в вузах и образовательных организациях среднего профессионального образования, в которых есть также обучающиеся с инвалидностью по слуху, невозможно получить в связи с отсутствием списка таких образовательных организаций и, соответственно, количества обучающихся в них студентов, в силу чего невозможно говорить и о репрезентативности опроса.

При составлении выборки применялись: метод снежного кома (поскольку один из авторов исследования сам является глухим и интегрирован в сообщество глухих, то первоначальная рассылка анкеты осуществлялась через контакты друзей, коллег, знакомых, которые подходили под условия отбора и могли принять участие в исследовании. Таким образом, выборка формировалась с участием самих объектов исследования), а также стихийная выборка, когда опрашивались все наиболее доступные респонденты (для этого делались рассылки информационных писем в образовательные организации с приглашением к участию в исследовании).

Наибольшее количество респондентов было из Новосибирской, Кемеровской, Московской областей и Москвы, а также республик Тыва и Саха (Якутия). В целом в опросе приняли участие респонденты из 27 регионов РФ. Специфика условий проведения опроса связана с отсутствием точных данных о генеральной совокупности — количестве слышащих студентов, обучающихся в образовательных организациях, в которых обучаются люди с инвалидностью по слуху, результатом чего становится невоз-

можным построение репрезентативной выборки. Это стало ключевым ограничением проведенного исследования.

Результаты

В данной работе мы приведем лишь наиболее значимые результаты нашего исследования. Исходя из приведенных выше индикаторов и показателей социального взаимодействия, определивших логику эмпирической части исследования, представим полученные в ходе опроса респондентов данные.

При ответе на вопросы о частоте и интенсивности социальных контактов в коммуникации между глухими и слышащими более половины опрошенных слышащих ответили, что не имеют знакомых и близких глухих и слабослышащих (54%), в то время как среди глухих и слабослышащих такие ответы дали только 7% опрошенных, что свидетельствует о неравномерной интенсивности социальных контактов среди слышащих респондентов и респондентов с инвалидностью по слуху.

Так, одним из важнейших показателей готовности к коммуникации можно назвать отношение к обучению глухих и слабослышащих студентов совместно со слышащими в условиях инклюзивного образования. По результатам опроса было зафиксировано, что 15% слышащих и 19% глухих и слабослышащих респондентов не поддерживают идею совместного обучения и образовательной инклюзии в целом и только 17% слышащих и 35% глухих считают, что глухим и слышащим лучше учиться вместе, поскольку совместное обучение помогает лучше понять друг друга.

Также интерес представляют ответы на вопросы, направленные на выявление взаимных стереотипных представлений глухих, слабослышащих и слышащих друг о друге (илл. 1–4). Респондентам были заданы вопросы о том, верны ли утверждения о людях с инвалидностью по слуху, предложенные авторами исследования, и далее был сформирован список утверждений. Респондентам предложили отметить, верно или неверно предложенное утверждение. Результаты анализа ответов на сформированные утверждения показали, что практически половина опрошенных слыша-

щих ответили, что слуховой аппарат «делает глухого слышащим», что является безусловным заблуждением (это подтверждается в работах Ольги Вариновой¹⁴) и свидетельствует о слабой осведомленности слышащих о проблемах глухих людей.

Также более двух третей опрошенных слышащих считают, что глухие и слабослышащие люди все в совершенстве владеют РЖЯ, а при обращении к ним нужно говорить как можно громче, что также не соответствует действительности¹⁵. Что касается глухих, то большинство глухих и слабослышащих респондентов (74% опрошенных) считают, что они менее успешны в жизни, а слышащие по сравнению с ними имеют больше возможностей добиться успеха в жизни. Также примерно половина глухих (46%) считает, что слышащие более интеллектуально развиты, чем глухие (что также не соответствует истине — см. работы Тамары Богдановой, Марины Сутыриной¹⁶). Далее, больше половины глухих и слабослышащих (52%) считают, что им лучше работать и заводить семьи скорее с другими глухими и слабослышащими, чем со слышащими. При этом об отсутствии проблем в коммуникации со слышащими заявляют также более половины глухих и слабослышащих (54,8%), однако они все же указывают на наличие проблем, поскольку зачастую чувствуют себя неуверенно, неловко или даже испытывают чувство страха, либо чувствуют себя уверенно только в присутствии переводчика РЖЯ (илл. 2).

В качестве причин основных трудностей в коммуникации слышащие называют отсутствие знания РЖЯ (69%), а глухие — боязнь непонимания со стороны слышащих (39%) и стеснение (30%). Коэффициент корреляции Спирмена, равный 0,77, подтвердил наличие прямой связи между опытом обучения и наличием проблем в коммуникации со слышащими. Прямая положительная корреля-

14 *Варинова О. А., Елфимова С. В.* Что вы хотели узнать о глухих. Учебное пособие. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. — 32 с.

15 *Зайцева Г. Л.* Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. — М.: ВЛАДОС, 2000.

16 *Богданова Т. Г.* Компаративный анализ подходов к изучению интеллекта лиц с нарушениями слуха в зарубежной и отечественной психологии // Пермский педагогический журнал. — 2014. — № 6. — С. 17–22; *Сутырина М. П.* Интеллектуальные характеристики студентов с нарушениями слуха // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 1. — С. 244–247.

ляция существует между опытом обучения в массовой или специализированной школе и наличием проблем с коммуникацией: то есть обучение в специализированной, а не общеобразовательной школе определяет большую вероятность наличия проблем в коммуникации со слышащими людьми во взрослом возрасте.

Также в ходе исследования были определены взаимные установки респондентов по модифицированной шкале социальной дистанции Богардуса. Респондентам без особенностей слухового восприятия было предложено ответить на вопрос в следующей формулировке: *«Укажите единственно верное для Вас утверждение, которое может стать завершением следующей фразы: „Для меня лично возможно и желательно принять представителя группы глухих и слабослышащих людей в качестве...“»* — и далее предложены варианты ответов: *«близкого родственника (наприме- р супруг); близкого друга; одноклассника; коллеги по работе, начальника или подчиненного; соседа»*. Респондентам с инвалидностью по слуху было предложено ответить на такой же вопрос в отношении слышащих людей. Чаще всего глухие указывали, что готовы видеть слышащих в качестве: близкого родственника или партнера в браке на втором месте по количеству ответов указан «близкий друг», на третьем месте «одноклассник». Слышащие респонденты, напротив, в меньшей степени (только 8,4% опрошен- ных) готовы видеть в качестве близкого родственника и партнера в браке глухого или слабослышащего человека, а большинство готовы принимать людей с инвалидностью по слуху в качестве одноклассника (35,6%) или близкого друга (30,8%). Подробное распределение ответов на указанные вопросы представлено на илл. 3 и илл. 4. Результаты использования шкалы социальной дистанции Богардуса показывают, что установки слышащих отражают большую степень дистанцированности, чем установки глухих и слабослышащих. Так, только 8% слышащих готовы представить глухого в качестве своего близкого родственника, в про- тивовес 45% глухих, готовых принимать слышащих в ближайшем социальном окружении.

В ходе исследования также были выявлены предпочтительные каналы коммуникации между слышащими и глухими. Так, слыша- щие в качестве предпочтительного способа коммуникации видят

прежде всего переписку на бумаге (41% опрошенных) и общение с помощью переводчика (26% опрошенных), а для глухих предпочтительным является чтение по губам и разговор с выраженной артикуляцией (37%), а переписка на бумаге находится на втором месте (20%).

Что касается готовности глухих, слабослышащих и слышащих к интенсификации взаимодействия, то по результатам опроса можно утверждать, что многие слышащие (57% опрошенных) готовы и хотят больше взаимодействовать с глухими в совместных мероприятиях, поскольку считают, что это поможет им лучше понять культуру глухих и расширить круг своих социальных контактов. Так же отвечали и глухие и слабослышащие (77% опрошенных готовы к более тесному взаимодействию). При этом в качестве одной из предпочтительных форм взаимодействия глухих и слышащих в процессе совместной коммуникации был определен клуб неформального общения на РЖЯ. Исходя из данных опроса видно, что большинство глухих и слабослышащих (78% опрошенных) и более половины слышащих (64,5% опрошенных) готовы посещать клуб, где глухие и слышащие вместе будут неформально общаться, смотреть фильмы с переводом на РЖЯ, читать и обсуждать книги, обсуждать текущие события, играть в настольные игры, при этом самым предпочтительным вариантом совместных занятий являются настольные игры.

Также, отвечая на вопросы о распределении ситуаций взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих, многие указывали в качестве «локаций», пространств для взаимодействия общежитие, рабочие места или территории учебных заведений. Наличие проблем во взаимодействии и барьеров в коммуникации отмечают как глухие и слабослышащие, так и слышащие, при этом последние в большей степени отмечают их наличие, связывая это с речевыми барьерами или отсутствием в своем круге общения глухих и слабослышащих. Причины проблем, трудностей и барьеров в коммуникации для глухих и слабослышащих также связаны с навыками владения устной речью и РЖЯ, однако они также указывают на наличие психологических барьеров (страх, неуверенность, неловкость, ожидание агрессии со стороны слышащих).

При этом глухие в ситуации взаимодействия могут испытывать даже некоторую «зависть» к слышащим (цитата из ответа глухого респондента: «...*Вау, он слышит без слухового аппарата, я тоже так хочу*»), о чем свидетельствует эмоциональность ответа и использование сравнения себя со слышащими, вдобавок в качестве превосходной степени рассматривается состояние глухого как «не глухого». Однако чаще всего они испытывают нейтральные чувства при взаимодействии со слышащими и подчеркивают, что комфортность взаимодействия — не главное, поскольку ситуации взаимодействия неизбежны.

Также возможно, что наличие проблем во взаимодействии глухих, слабослышащих и слышащих определяется присутствием у некоторой части слышащих участников опроса искаженных, неверных представлений о глухих и слабослышащих, сформированных в процессе усвоения социальных и культурных норм в обществе, где инвалидность до сих пор может рассматриваться как «стигма»¹⁷, и такие представления, в свою очередь, способны затруднять взаимодействие, поскольку могут быть истолкованы глухими и слабослышащими как пренебрежение. Это проявляется в сленговых «прозвищах» представителей глухих и слабослышащих, которые употребляют некоторые слышащие («*глухонемой*», «*безушник*»).

Результаты исследования также показали, что далеко не все глухие, слабослышащие и слышащие представители студенческой молодежи разделяют концепцию образовательной и социальной инклюзии, подчеркивая наличие сложностей в организации образовательной деятельности при обучении глухих, слабослышащих и слышащих в одной студенческой группе. Очень многие отмечают, что для совместного обучения нужно соблюдение многих условий (согласие всех участников образовательного процесса; его особая организация, например совместное изучение лекций, но разделение на практических и лабораторных занятиях — или обучение в разных группах, но совместное участие во внеучебной деятельности; наличие перевода на РЖЯ. Отношение к соци-

17 Раузе М., Лапхам К. Долгий путь навстречу инклюзии // Журнал исследований социальной политики. — 2013. — № 11 (4). — С. 439–456.

альной инклюзии также неоднозначное, что зафиксировано в мнении одного из участников опроса (из числа глухих) о том, что близкие взаимоотношения (семья, дружба) между глухими и слышащими нежелательны, поскольку это может разрушать культуру сообщества глухих.

Самыми распространенными способами коммуникации, которые преимущественно используются глухими, слабослышащими и слышащими представителями студенческой молодежи в процессе взаимодействия в условиях единого социального и образовательного пространства, участники опроса назвали письменное взаимодействие (социальные сети, телефон, записки), а также устную и письменную речь, дополнительно отмечая необходимость выполнения особых условий (например *«артикулирование, внятная речь, использование РЖЯ»*). Также, по мнению глухих и слабослышащих (81,8% опрошенных), желательно, чтобы, при наличии потребности и мотивации, в случае интенсивного взаимодействия глухих и слышащих по работе или учебе последние приобретали базовые навыки общения на РЖЯ. В свою очередь, многие слышащие респонденты (55,9%) отмечали, что хотели бы изучить РЖЯ или уже находятся в процессе обучения РЖЯ, и указывают, что в основном обучились или обучаются РЖЯ в процессе получения образования в вузе или на работе. Также было некоторое количество респондентов из числа слышащих (4,2%), которые в качестве источников знания РЖЯ указали неформальное общение или посещение мероприятий в различных организациях (музей, молодежный центр). Характеризуя потребности глухих, слабослышащих и слышащих студентов в организации совместных мероприятий в процессе получения ими инклюзивного образования и взаимодействия в образовательном и социальном пространстве, многие респонденты (57,4% слышащих и 77% глухих и слабослышащих) отметили, что готовы к различным видам активности, в том числе, например, к общению в рамках неформального коммуникативного клуба. На собраниях клуба неформального общения на русском и русском жестовом языках им интересны любые формы взаимодействия, даже совместные спортивные игры, при этом многие (21,4% слышащих и 27,5% глухих и слабослышащих) готовы встречаться очень часто, по мере необходимо-

сти, если это не мешает основной деятельности (учебе и/или работе).

Таким образом, интерпретация полученных результатов исследования позволила осуществить проверку гипотез. Было подтверждено, что представители студенческой молодежи из числа глухих, слабослышащих и слышащих сталкиваются с проблемами и ограничениями в коммуникации и наряду с этим существует связь между опытом обучения в массовой или специализированной школе и наличием проблем с коммуникацией. Фактически обучение в специализированной, а не общеобразовательной школе определяло большую вероятность наличия проблем в коммуникации со слышащими людьми во взрослом возрасте. Также подтверждение нашла гипотеза о наличии взаимных стереотипов у глухих и слышащих, возникающих в процессе социального взаимодействия. Так, стереотипы слышащих относительно глухих и слабослышащих в основном связаны с особенностями их здоровья, а также предпочтительными способами коммуникации с ними, тогда как стереотипы глухих и слабослышащих связаны с их представлениями о большей успешности слышащих и собственной «уязвимости» и социальной неуспешности. Что касается поддержки концепции инклюзивного образования, когда глухие, слабослышащие и слышащие обучаются в рамках одной студенческой группы, то здесь результаты опроса показали, что примерно пятая часть самих глухих и слабослышащих не разделяет мнения о необходимости такого формата инклюзивного образования, а среди слышащих такого же мнения придерживаются приблизительно 15% опрошенных, — так что гипотеза о том, что концепция социальной и образовательной инклюзии не поддерживается единогласно представителями студенческой молодежи из числа глухих, слабослышащих и слышащих, не нашла подтверждения.

Заключение

Полученные авторами исследования результаты позволили определить характер и проблемы взаимодействия представителей глухих, слабослышащих и слышащих студентов, обучающихся в образовательных организациях современной России. Но необ-

ходимо отметить, что логика проведения исследования требует проверки еще ряда гипотез, связанных с наличием связи между направлениями подготовки студентов (социально-гуманитарное, техническое, естественнонаучное) и наличием и степенью интенсивности проблем во взаимодействии, а также опытом обучения в инклюзивной, реабилитационной (специализированной) или неинклюзивной студенческой группе. Кроме того, в результате анализа ответов респондентов были выделены чувствительные вопросы, которые эмоционально «вовлекают» и очень «задевают» респондентов и по которым им хочется высказаться свободно (например, вопрос об отношении к обучению глухих и слабослышащих в студенческих группах совместно со слышащими в условиях инклюзивного образования), что позволяет спроектировать дальнейшую стратегию исследования проблем взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих с использованием метода фокус-групп или полуструктурированных интервью, где у респондентов появится возможность подробнее изложить свои размышления и мнения по поводу волнующих их тем и проблем. Также перспективы дальнейших исследований по теме могут быть связаны с проведением сплошного и/или репрезентативного опроса по скорректированному инструментарию среди слышащих, слабослышащих и глухих студентов, обучающихся в образовательных организациях во всех регионах России, проведением корреляционного анализа (сравнение ответов трех групп респондентов: глухих и слабослышащих; слышащих, обучающихся в одной студенческой группе с глухими и слабослышащими; слышащих, не обучающихся совместно с глухими и слабослышащими).

В ходе исследования также была определена высокая степень сформированности потребностей в интенсификации взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих студентов путем изучения русского жестового языка и культуры глухих, а также организации совместных мероприятий в процессе получения ими инклюзивного образования и взаимодействия в образовательном и социальном пространстве.

Проведение исследований, использующих в качестве эмпирического объекта одновременно две социальные общности (глухих

и слабослышащих, слышащих), позволяет определить проблемы коммуникации и социального взаимодействия не только с точки зрения представителей эксклюзивированных социальных групп, но и с точки зрения лиц, не имеющих ограничений по состоянию здоровья, что в конечном итоге задает новый дискурс в исследованиях проблем инвалидности в современной отечественной социологической науке. Также перспективным представляется расширение методов исследования и проведение фокусированных групповых и экспертных интервью по рассматриваемым проблемам.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что полученные данные могут стать основой для разработки моделей инклюзивной образовательной и воспитательной политики в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования в современной России, а материалы и результаты исследования могут быть использованы в процессе профессиональной деятельности специалистов, работающих с людьми с инвалидностью, а также специалистами, работающими в сфере инклюзивного образования.

Библиография

Авдеева А. П., Сафонова Ю. А. Социально-психологические барьеры общения студентов с ограниченным слухом в инклюзивной образовательной среде вуза // *Машиностроение и компьютерные технологии.* — 2016. — № 7. — С. 345–351.

Богданова Т. Г. Компаративный анализ подходов к изучению интеллекта лиц с нарушениями слуха в зарубежной и отечественной психологии // *Пермский педагогический журнал.* — 2014. — № 6. — С. 17–22.

Большаков Н. В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // *Журнал исследований социальной политики.* — 2019. — № 4. — С. 571–584.

Большаков Н. В. Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих

и слабослышащих // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 38. — С. 154–165.

Варинова О. А. Особенности описания социального сообщества глухих людей // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7 (149). — С. 44–48.

Варинова О. А., Елфимова С. В. Что вы хотели узнать о глухих: Учебное пособие. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. — 32 с.

Врублевская О. А. О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский аэрокосмический журнал. — 2006. — № 5 (12). — С. 60–65.

Гришаева С. А. Профессиональная диагностика и трудоустройство студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вестник ГУУ. — 2018. — № 12. — С. 155–162.

Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. — М.: ВЛАДОС, 2000. — 192 с.

Кошелева Е. А. Оптимизация межличностного общения в интегрированных группах // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2012. — № 2. — С. 22–27.

Нагорная Л. А., Нагорный Н. Н. Популяризация русского жестового языка как одно из условий инклюзии глухих людей в современном российском обществе // Философия и культура. — 2020. — № 6. — С. 9–32.

Раузе М., Лапхам К. Долгий путь навстречу инклюзии // Журнал исследований социальной политики. — 2013. — № 11 (4). — С. 439–456.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. — Саратов: Научная книга, 2006. — 260 с.

Сутырина М. П. Интеллектуальные характеристики студентов с нарушениями слуха // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 1. — С. 244–247.

Чиж О. А. Особенности понимания другого человека неслышащими юношеского возраста // Проблемы

современного педагогического образования. — 2019. — № 62–3. — С. 262–266.

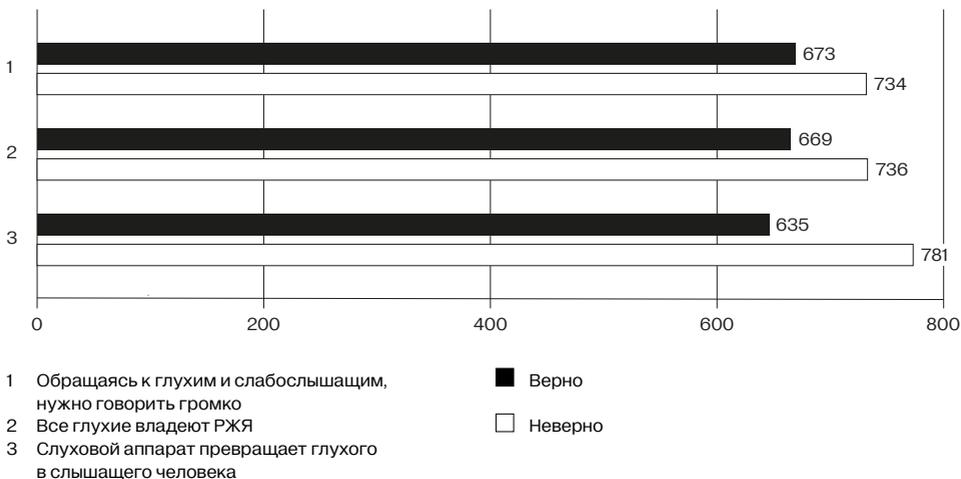
Шамсутдинова Ю. Ф. Коммуникация с участием слышащих и глухих/слабослышащих людей: потенциал социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2020. — № 5. — С. 51–66.

Щец А. А. Представления глухих, слабослышащих и слышащих студентов о взаимодействии в образовательном и социальном пространстве // Социальная работа и молодежная политика: роль в сохранении устойчивости общества и актуальные вызовы: сб. ст. участников всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. — М.: Издательство РГСУ, 2022. — С. 83–90.

Ясин М. И. Глухие и слабослышащие студенты в системе инклюзивного высшего образования: возможности и барьеры // Журнал исследований социальной политики. — 2019. — № 17 (4). — С. 601–614.

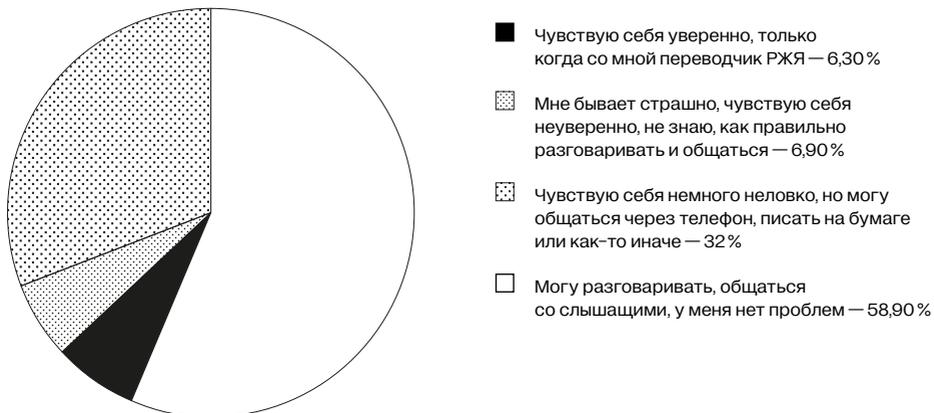
Илл. 1. Распределение ответов слышащих респондентов на вопросы о достоверности утверждений (количество человек)

Ответы от слышащих

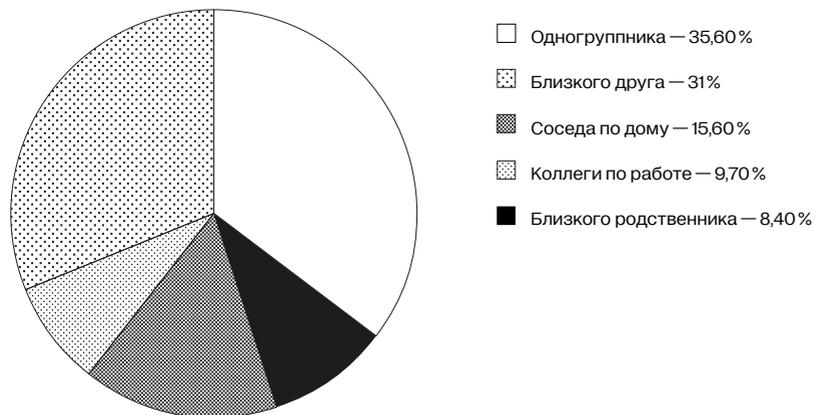
Илл. 2. Распределение ответов на вопрос о том, как глухие и слабослышащие чувствуют себя, когда встречаются и общаются со слышащими

Как Вы чувствуете себя, когда встречаетесь и общаетесь со слышащими?

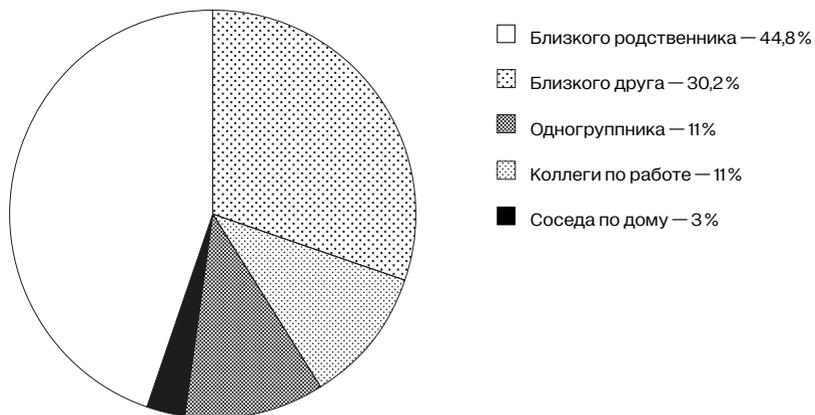

Илл. 3. Распределение ответов на вопрос о том, в качестве кого готовы видеть глухих и слабослышащих слышащие.

Ответы от слышащих

Ответы от глухих

**Issues of Interaction
between Deaf, Hard of
Hearing, and Hearing Young
People in Educational and
Social Spaces****Aleksandr Shets**

Novosibirsk State Technical
University (NSTU),
Novosibirsk, Russia
sashashec@mail.ru

Inna Zhdanova

Novosibirsk State Technical
University (NSTU),
Novosibirsk, Russia
ivzhdanova@mail.ru

Keywords: d/Deaf, hard
of hearing, bilingualism,
inclusion, inclusive
education, Russian Sign
Language (RSL), interaction.

This paper is based on the results of a survey of d/Deaf, hard of hearing, and hearing students pursuing higher and secondary vocational education programmes at Russian universities. The purpose of the study was to determine their feelings about their interactions with one another in educational and social spaces. The study had the following aims: to identify the attitude of d/Deaf, hard of hearing, and hearing students towards inclusive education; to determine the presence or absence of stereotypical notions about d/Deaf people among hearing students, and, if such notions were found to be present, to describe their content; to analyse and describing Russian Sign Language proficiency level among d/Deaf, hard of hearing, and hearing young students; and to analyse the need for joint events in the process of receiving inclusive education. The results of the study indicated that not all d/Deaf, hard of hearing, and hearing young students share a single concept of educational and social inclusion, and highlighted the difficulties in organising educational activities while teaching d/Deaf, hard of hearing, and hearing students in a single student group. The study identified problems of social interaction between d/Deaf, hard of hearing, and hearing students, and the data obtained indicated a strong need to intensify these interactions through encouraging the study of Russian Sign Language and Deaf culture and through the organisation of joint events over the course of inclusive education processes in order to foster interaction in educational and social spaces.

References

Avdeeva A. P., Safonova Yu. A. Social and psychological barriers to communication among students with hearing impairments in an inclusive educational environment at a university. *Mashinostroenie i komp'yuternye tekhnologii* [Mechanical Engineering and Computer Technologies], 2016, no. 7, pp. 345–351. (In Russian).

Bogdanova T. G. Comparative analysis of approaches to studying the intelligence of persons with hearing impairments in foreign and domestic psychology. *Permskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Perm Pedagogical Journal], 2014, no. 6, pp. 17–22. (In Russian).

Bol'shakov N. V. "Hearing people have more opportunities for life": problems of secondary vocational education of the Deaf and hard of hearing. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy*

politiki [Journal of Social Policy Research], 2019, no. 4, pp. 571–584. (In Russian).

Bol'shakov N. V. Possibilities of using the strategy of mixing methods when studying the community of the Deaf and hard of hearing. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology], 2017, no. 38, pp.154–165. (In Russian).

Chizh O. A. Peculiarities of understanding another person by deaf youth. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2019, no. 62–3, pp. 262–266. (In Russian).

Grishaeva S. A. Professional diagnostics and employment of students with disabilities. *Vestnik GUU* [Bulletin of the State University of Education], 2018, no. 12, pp. 155–162. (In Russian).

Kosheleva E. A. Optimization of interpersonal communication in integrated groups. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2012, no. 2, pp. 22–27. (In Russian).

Nagornaya L. A., Nagornyy N. N. Popularization of Russian Sign Language as one of the conditions for the inclusion of deaf people in modern Russian society. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2020, no. 6, pp. 9–32. (In Russian).

Rauze M., Lapkham K. A long path towards inclusion. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2013, no. 11 (4), pp. 439–456. (In Russian).

Romanov P. V., Yarskaya–Smirnova E. R. *Politika invalidnosti: sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii* [Disability Policy: Social Citizenship of Disabled People in Modern Russia]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2006. 260 p.

Shamsutdinova Yu. F. Communication with the participation of hearing and deaf/hard of hearing people: the potential of social media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2020, no. 5, pp. 51–66. (In Russian).

Shets A. A. Representations of deaf, hard of hearing and hearing students about interaction in the educational and social space. *Sotsial'naya rabota i molodezhnaya politika: rol' v sokhranении ustoychivosti obshchestva i aktual'nye vyzovy: sb. st. uchastnikov vserossiyskogo konkursa nauchno-issledovatel'skikh rabot* [Social Work and Youth Policy: The Role in Maintaining the Sustainability of Society and Current Challenges: A collection of articles by the participants of the All-Russian research projects competition]. Moscow, RGSU Publ., 2022, pp. 83–90. (In Russian).

Sutyryna M. P. Intellectual characteristics of students with hearing impairments. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, and Education], 2010, no. 1, pp. 244–247. (In Russian).

Varinova O. A. Features of the description of the social community of deaf people. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2020, no. 7 (149), pp. 44–48. (In Russian).

Varinova O. A., Elfimova S. V. *Chto vy khoteli uznat' o glukhikh: Uchebnoe posobie* [What You Wanted to Know about the Deaf: A textbook]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2014. 32 p.

Vrublevskaya O. A. On the essence of the concept of "Social interaction" in scientific research. *Sibirskiy aerokosmicheskiy zhurnal* [Siberian Aerospace Journal], 2006, no. 5 (12), pp. 60–65. (In Russian).

Yasin M. I. Deaf and hard of hearing students in the system of inclusive higher education: opportunities and barriers. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2019, no. 17 (4), pp. 601–614. (In Russian).

Zaytseva G. L. *Zhestovaya rech'. Daktilologiya: Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Sign Language. Dactylogy: A textbook for students of higher education establishments]. Moscow, VLADOS Publ., 2000. 192 p.

Социализация и переживание опыта стигматизации слышащих детей глухих родителей

Мария Малофеева

Международная лаборатория исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
mmalofeeva@hse.ru

Ключевые слова: глухие и слабослышащие, глухота, дети глухих родителей, CODA, социализация CODA, стигматизация, РЖЯ (русский жестовый язык).

Слышащие дети глухих родителей (*CODA*, *Children of Deaf Adults*) — уникальная социальная группа, социализация которой протекает в двух культурах (слышащей и глухой), за счет чего *CODA* усваивают знания, нормы и ценности как сообщества глухих, так и мира слышащих. Социализация *CODA* становится непростым процессом, а характеристики их родительской семьи могут выступать барьером для их интеграции в общество. В этом исследовании выявляется, какие ключевые характеристики социализации слышащих детей глухих родителей играют роль в формировании восприятия *CODA* своего статуса и статуса глухих родителей. В основу анализа были положены 17 полуструктурированных интервью: два экспертных интервью и 15 интервью со взрослыми слышащими детьми глухих родителей в возрасте от 18 до 34 лет разной профессии, пола и образования. В результате исследования было выявлено, что основными трудностями социализации являются возложение взрослой ответственности на ребенка, недостаток общения голосом внутри семьи, неинформированность родителей по вопросам воспитания слышащих детей и отсутствие контакта «родитель–педагог». Основной вклад в воспитание детьми статуса глухих родителей и своего вносит самостигматизация родителей, тогда как негативное и стереотипное отношение окружающих к ним оказывается не так значимо. Если родители с самого детства демонстрируют неполноценность своего статуса, то *CODA* также воспринимают, что быть глухим — тяжело, а быть ребенком глухих родителей — стыдно. И совершенно иная ситуация прослеживается в семьях, где родители проявляют положительную самопрезентацию, транслируя уважение к культуре глухих.

Введение

По статистике Всероссийского общества глухих, в России насчитывается около 13 миллионов глухих и слабослышащих людей, в том числе 300 тысяч из них полностью глухие¹. В настоящее время прогнозируется, что с каждым годом процент глухих и слабослышащих будет расти². Согласно имеющимся данным, у 90% глухих родителей рождаются слышащие дети³. Люди с инвалидностью по слуху привлекают большое внимание государства, так как им необходимы специальные условия для социокультурной адаптации и интеграции в общественную жизнь. В связи с этим государство регулярно предоставляет поддержку людям с инвалидностью, включая программу «Доступная среда»^{4,5}. Также для людей с инвалидностью по слуху существует возможность выбора между инклюзивными и специализированными образовательными учреждениями⁶. Посещение школ, учреждений профессионального образования являются важными условиями социализации и дальнейшего становления личности⁷.

Тем не менее государство считает, что слышащие дети глухих родителей, известные также как *CODA (Children of Deaf Adults)*, не входят в категорию людей, которым требуется поддержка мерами социальной политики в области образования, трудоустройства, психологической помощи. Однако у детей из семей

- 1 В Москве состоялась конференция «Глухие могут все: трудоустройство без барьеров». URL: <https://www.asi.org.ru/report/2019/09/27/moskva-gluhie-trudoustrojstvo-konferentsiya/>.
- 2 По прогнозам ВОЗ, к 2050 г. нарушениями слуха будет страдать каждый четвертый житель планеты. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/02-03-2021-who-1-in-4-people-projected-to-have-hearing-problems-by-2050>.
- 3 Moore M., Lane H. For Hearing People Only. — Rochester: Deaf Life Press, 2003.
- 4 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 гг.: Постановление Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297.
- 5 Госпрограмма «Доступная среда». URL: <https://zhit-vmeste.ru/gosprogramma-dostupnaya-sreda/>.
- 6 *Большаков Н. В.* «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // Журнал исследований социальной политики — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 572.
- 7 *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — С. 229–230.

глухих есть ряд проблем, которые не всегда понятны для других слышащих родителей и сверстников из слышащих семей. Дженни Синглтон и Мэтью Титл к таким проблемам относят трудности в развитии речи, коммуникации и установлении отношений с родителями, друзьями, что, безусловно, влияет на их процессы социализации и понимание своей роли в социуме⁸. Общество осознает необходимость создания объединений, которые будут поддерживать слышащих детей глухих родителей, включая уже взрослых детей глухих родителей. Так, в 1983 году в США была создана первая организация *CODA*⁹, ее основала Милли Бразер¹⁰. Эта организация призвана помогать как детям, так и глухим родителям, которые сталкиваются с трудностями, связанными с воспитанием слышащих детей, их социальным опытом. Бразер стала первой, кто начал проводить детские лагеря, летние школы для *CODA*. Позже организация появилась и в других странах: Великобритании, Ирландии, Гонконге, Германии и т.д., а международные конференции *CODA* стали ежегодными.

В России негосударственная организация *CODA-Russia* (АНО «Слышащие дети из семей глухих») была создана в 2016 году^{11, 12}. Ее руководительница Марина Чернова при поддержке Виктории Берлизовой реализует мероприятия, направленные на постепенную и безболезненную интеграцию *CODA* как в мир слышащих, так и глухих. Круглые столы, лекции и семинары для глухих родителей по вопросам воспитания *CODA*, их профессионального выбора стали регулярной практикой. В *CODA-Russia* считают важным сохранять связь «родитель–ребенок», и поэтому создаются такие проекты, как «Мастерство жестового рассказа», «Уроки доброты» на русском жестовом языке, направ-

8 Singleton J. L., Tittle M. D. Deaf parents and their hearing children // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2000. — № 5 (3). — P. 224–225.

9 Children of Deaf Adults. URL: <https://www.coda-international.org>.

10 Messages from our founder & President. URL: <https://www.coda-international.org/milliebrother>.

11 Слышащие дети глухих родителей, объединяйтесь! URL: <https://voginfo.ru/world/2016/08/23/glukhie-deti-slyshashchikh-roditelej-ob-edinyajtes/>.

12 АНО «СДСГ». URL: <https://companies.rbc.ru/id/1167700069657-ano-ano-slyishaschie-deti-v-seme-gluhih/>.

ленные в том числе на освоение и поддержание уровня владения жестовым языком^{13, 14}.

Опыт *CODA* характеризуется первичной социализацией — в глухой среде и вторичной — интеграцией в слышащий мир¹⁵. В настоящий момент изучение *CODA* в западных странах развивается преимущественно в рамках *Deaf Studies*¹⁶ и носит скорее лингвистический¹⁷ или же медицинский характер, как в работе Шерри Корнелл и Кевина Лайнесса¹⁸. Несмотря на то, что в России попытки изучения *CODA* были сделаны с психологической точки зрения такими исследователями, как Мирослав Ясин и Анна Комарова¹⁹, комплексного социологического исследования опыта социализации не проводилось, *CODA* остаются неизученным феноменом²⁰.

Таким образом, первичная социализация *CODA*, которая происходит в глухой среде и основными агентами которой являются члены семьи ребенка, дает им возможность усвоить знание РЖЯ, нормы сообщества глухих, познакомиться с их культурой²¹. При этом в период своей вторичной социализации *CODA* интегрируются в слышащий мир, который является «естественным», но одновременно и «чужим» для них. Эти условия могут влиять на формирование их представлений о своем месте в обществе. Цель настоящей статьи — выявить ключевые характеристики

13 *CODA* Россия. URL: <https://vk.com/coda.russia>.

14 Слышащие дети глухих родителей, объединяйтесь! URL: <https://voginfo.ru/world/2016/08/23/glukhie-deti-slyshashchikh-roditelej-ob-edinyajtes/>.

15 *Moroe N. F., De Andrade V.* "We were our parents' ears and mouths": Reflecting on the language brokering experiences of hearing children born to deaf parents // *South African Journal of Child Health*. — 2018. — № 1. — P. 75.

16 *Singleton J. L., Tittle M. D.* Deaf parents and their hearing children // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2000. — № 5 (3). — P. 221–236.

17 *Sachs J., Bard B., Johnson M. L.* Language learning with restricted input: Case studies of two hearing children of deaf parents // *Applied Psycholinguistics*. — 1981. — № 2 (1). — P. 33–54.

18 *Cornell S. L., Lyness K. P.* Therapeutic implications for adolescent deaf identity and self-concept // *Journal of Feminist Family Therapy*. — 2005. — № 16 (3). — P. 31–49.

19 *Ясин М., Комарова А.* Типы детско-родительских отношений в семьях с глухими родителями и слышащими детьми // *Развитие личности*. — 2019. — № 3. — С. 103–113.

20 Слышащие дети глухих родителей, объединяйтесь! URL: <https://voginfo.ru/world/2016/08/23/glukhie-deti-slyshashchikh-roditelej-ob-edinyajtes/>.

21 *Preston P.* *Mother Father Deaf: Living Between Sound and Silence*. — Harvard University Press, 1995.

социализации слышащих детей глухих родителей, которые играют роль в формировании восприятия *CODA* своего статуса и статуса глухих родителей.

Характерные черты социализации *CODA*

Термин *CODA* принято относить к детям, рожденным в семьях, где родители являются глухими. Этот концепт также распространяется и на взрослых детей глухих родителей, то есть при применении термина отсутствуют возрастные рамки. В таком контексте важно рассматривать глухоту родителей с учетом медицинского, социального и культурного подходов²². То есть принимать глухих не только как людей с инвалидностью, но и как самостоятельную группу со своим языком и культурой²³, которую в процессе социализации усваивают и *CODA*.

CODA, воспитываясь в глухой семье, начинают воспринимать глухоту как неотъемлемую часть жизни своей и родителей. Мишель Бишоп и Шерри Хикс отмечали, что для *CODA*, обладающих уникальным опытом и культурой, важно владеть жестовым языком²⁴. Социализация *CODA*, которая происходит при взаимодействии двух культур, закладывает фундамент для их самоопределения и жизненных стратегий²⁵. Зигмунд Фрейд в своих ранних теориях социализации провозглашал, что общество ограничивает индивидуальность и навязывает нормы и ценности группы императивно²⁶. Однако дальнейшие исследования показали, что социализация не подавляет индивидуальность, а индивидуум активно участвует в этом процессе. Социализация происходит

22 *Большаков Н. В.* От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174.

23 *Reagan T.* Cultural considerations in the education of the Deaf children // *Educational and Developmental Aspects of Deafness*. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 1990. — P. 74–75.

24 *Bishop M., Hicks S.* Orange eyes: Bimodal bilingualism in hearing adults from deaf families // *Sign Language Studies*. — 2005. — № 5 (2). — P. 189.

25 *Singleton J. L., Tittle M. D.* Deaf parents and their hearing children // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2000. — № 5 (3). — P. 228.

26 *Фрейд З.* Я и Оно / пер. В. Ф. Полянского, под ред. А. А. Франковского. — Л.: Academia, 1924.

в том числе за счет считывания индивидом реакции на его поведение и последующей самостоятельной выработки норм, о чем говорит теория «Зеркального Я» Чарльза Кули²⁷. Человек может воспринимать себя со стороны и понимать свои качества, подстраиваясь под социальные ситуации.

Результатом социализации является формирование социального аспекта личности и понимание себя как части общества²⁸. Согласно Джорджу Миду, формирование человеческого «Я» происходит при взаимодействии с социальным окружением индивида²⁹. Именно «значимые другие» служат агентами социализации CODA. В детстве эту роль берут на себя родители, члены семьи, а по мере взросления «значимыми другими» становятся друзья, педагоги и т.д. Синглтон и Титл подчеркивают, что в случае с CODA паттерны, усвоенные в семье глухих, базовые нормы поведения могут быть неприменимы в культуре слышащих ввиду рассогласования культурных норм глухих и слышащих, что может затруднять социализацию детей³⁰.

В процессе социализации CODA могут сталкиваться с проблемами языкового взаимодействия в связи с тем, что язык служит основой для социализации детей³¹. Так, из-за преимущественного взаимодействия на жестовом языке CODA могут испытывать трудности при коммуникации со сверстниками. И, напротив, как выявили в своем исследовании Ясин и Комарова, при ключевой роли слышащих родственников в воспитании и общении исключительно голосом CODA могут сталкиваться со сложностями в выстраивании отношений с родителями³².

27 Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренкова. — М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. — С. 314.

28 Mead G. H. Mind, Self, and Society. — Chicago: University of Chicago Press, 1934. — P. 196–199.

29 Ibid.

30 Singleton J. L., Tittle M. D. Deaf parents and their hearing children // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2000. — № 5 (3). — P. 226–227.

31 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — С. 64–65.

32 Ясин М., Комарова А. Типы детско-родительских отношений в семьях с глухими родителями и слышащими детьми // Развитие личности. — 2019. — № 3. — С. 107.

Дети, рожденные в глухой семье, в процессе социализации коммуницируют не только с близкими родственниками, но и с окружающим социумом, включая сверстников и педагогов. Взаимодействуя с социальной средой, *CODA* подвергаются риску столкнуться со стигмой по отношению к глухому сообществу³³. Ирвинг Гофман определяет социальную стигму как атрибут, который приводит к негативному мнению о человеке или группе в глазах других людей, включая «навешивание ярлыков»³⁴. Это явление часто наблюдается у людей, «отличающихся» от общепринятой социальной нормы. Более того, человек может подвергаться стигматизации в силу того, что находится в контакте, коммуникации с уже стигматизированными индивидами или является членом семьи, где есть стигматизированные индивиды, то есть возникает «почетная стигма»³⁵. Однако исследователями было упущено из фокуса внимания то, распространяется ли стигматизация также и на самих *CODA* и как *CODA* воспринимают свой статус в контексте стигматизации.

Таким образом, если вопросы, которые относятся к интеграции глухих в общество, условиям их адаптации, широко обсуждаются в научном поле, то вопросы социализации слышащих детей глухих родителей остаются недостаточно изученными исследователями.

Методология исследования

Наше исследование было реализовано в качественной парадигме с применением метода полуструктурированного интервью на основе заранее разработанных вопросов. Итоговую выборку составили 15 взрослых слышащих детей глухих родителей, проживающие в Москве, в возрасте от 18 до 34 лет, и 2 эксперта. В рамках исследования были проведены онлайн-интервью с 5 мужчинами и 10 женщинами *CODA*. Это были как переводчики русского жесто-

33 Михайлова Н. Ф. и др. Факторы стигматизации у глухих и слабослышащих студентов, обучающихся в условиях системы среднего профессионального образования // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т. 8. — № 6. — С. 3.

34 Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью / пер. М. Добряковой. — М.: Высшая школа экономики, 2017. — С. 3. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf.

35 Там же. — С. 23.

вого языка, работники Всероссийского общества глухих, так и информанты, чья профессия не связана с сообществом глухих. В число экспертов вошли информантки, которые сами являются CODA, при этом обладают дополнительным экспертным знанием о слышащих детях глухих родителей в силу специфики профессиональной деятельности.

На этапе приглашения на интервью информанты оповещались, с какой целью проводится исследование, уведомлялись о гарантиях конфиденциальности и анонимности данных. Также стоит отметить, что в текущем исследовании глухота и, соответственно, опыт социализации в глухой среде понимаются комплексно, то есть учитываются медицинская, социальная и культурная концепции. Таким образом, мы «не навешивали» рамку инвалидности или болезни, оставляя за информантами право самим определять, что есть глухота для них.

Далее транскрипты интервью были проанализированы в программе *ATLAS.ti* с использованием метода тематического кодирования.

Барьеры в социализации CODA

Основными агентами первичной социализации CODA являются глухие родители, в то время как агентами вторичной социализации служат как слышащее, так и глухое социальное окружение (сверстники, педагоги). В результате разницы средовых условий социализации CODA могут сталкиваться с рядом сложностей.

В ходе интервью были выявлены характеристики семьи CODA, затрудняющие процесс социализации детей. В качестве одной из ключевых характеристик информанты выделяют то, что родители возлагают взрослую ответственность на ребенка с самого детства. Дети начинают решать серьезные бюрократические вопросы за своих родителей, им приходится разбираться в устройстве государственных учреждений, чтобы помогать оформлять документацию, получать справки. Также большая часть бытовых вопросов перекладывается на детей — они совершают покупки в магазинах, договариваются с соседями по широкому спектру

вопросов: *«В подростковом возрасте, мне кажется, мы отличаемся тем, что у нас раньше начинаются взрослые вопросы. Если Вы понимаете, о чем я: то есть ты ходишь и решаешь какие-то вопросы, ЖКХ... вещи, которые в 14 лет не решают дети»* (мужчина, юрист для глухих, 33 года).

Дети становятся ответственными за медиацию между родителями и слышащим миром, во многих аспектах считаются более компетентными и авторитетными, чем их родители, поэтому задачи решаются без участия взрослых членов семьи. Информанты обращали внимание на возникновение межролевого конфликта как следствие такой характеристики. С одной стороны, CODA должны все еще исполнять роль ребенка для своих родителей. С другой — родители требуют от них исполнения роли взрослого. Это приводит к тому, что *«CODA становятся взрослыми слишком рано — у них нет детства. И это прямая дорога к психотерапевту»* (женщина, сурдопедагог, 34 года).

Следующей характеристикой семьи CODA стоит выделить недостаток общения голосом внутри семьи, что также приводит к помехам в социализации слышащих детей глухих родителей. Преимущественно это связано с логопедическими проблемами. Поскольку основное общение происходит дома на жестовом языке, у ребенка формируется неправильное произношение звуков. Некоторые глухие, несмотря на то, что разговаривают в основном на жестовом языке, все равно стараются произносить звуки, слова голосом, что не всегда получается корректно. Так, например, у одной из информанток *«с речью были проблемы, до сих пор есть шепелявость. Ну вот, из-за того, что родители глухонемые* — той речи, которой они могли говорить с маленькими детьми, получается недостаточно для того, чтобы речевой аппарат ребенка сформировался так, как надо»* (женщина, банковский работник, 32 года).

Таким образом, превалирование общения на жестовом языке, а также формирование у ребенка неправильного произноше-

* Корректно: глухие. Мы не рекомендуем использовать термин «глухонемой» в отношении представителей сообщества глухих. (Прим. ред.)

ния звуков снижает эффективность языкового взаимодействия со слышащим окружением, создает препятствия для интеграции ребенка в общество его сверстников, поскольку язык, как выделяли Питер Бергер и Томас Лукман, является основой для процесса социализации и объективации повседневной жизни³⁶. Особенно явно это проявляется при условии, что слышащие родственники не принимают участие в воспитании ребенка³⁷.

Также ключевой трудностью социализации детей CODA, на которую обращали внимание информанты, является нерелевантный опыт социализации самих родителей, их неинформированность в вопросах воспитания слышащих детей. Когда в глухой семье появляется слышащий ребенок, на начальном этапе у родителей происходит некоторое потрясение. Они оказываются неподготовленными к воспитанию слышащего ребенка, «чужака» по отношению к их культуре: *«После рождения ребенка глухая семья не знает, что с ним делать. Они прежде всего испытывают шок, и этот шок может продлиться до трех лет, а эти 3 года — основное время становления речи. Как-то так ребенок начинает говорить, без системы, потом момент упущен, конечно, и в дальнейшем сложно социализироваться»* (женщина, преподаватель истории, 25 лет).

Из-за недостатка осведомленности о культуре слышащих родители часто не могут дать важный совет по ситуациям, возникающим в жизни детей, поскольку они могут быть не полностью знакомы с нормами слышащего мира. На этой почве в семье возникают конфликты и непонимание. Так, например, у одной из информанток *«мама вообще многих вещей не понимала, и пытаешься там ей объяснить, что это нормально, а она не понимает. Очень сложно донести какие-то тонкие особенности слышащего мира»* (женщина, студентка экономического факультета, 21 год).

По мере взросления у детей расширяется список значимых других, эта роль смещается с родителей на сверстников, педаго-

36 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — С. 65–66.

37 *Hadjikakou K. et al.* The experiences of Cypriot hearing adults with deaf parents in family, school, and society // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2009. — № 14 (4). — P. 490–491.

гов. Между родителями и детьми возникает противоречивость «реальностей», которая усложняется тем, что опыт взросления и круг проблем у слышащих детей и глухих родителей часто несопоставим.

Наконец, отсутствие контакта «родитель–педагог» также создает для детей барьеры при интеграции в общество. Чаще всего родители не посещают школьные родительские собрания ввиду барьеров в коммуникации с учителями, что приводит к упущенным возможностям для ребенка в учебной и внеучебной деятельности. То есть ребенок может «выпадать» из социальной жизни класса. Слышащие дети глухих родителей сами ответственны за решение вопросов, *«и если что-то профукал, прослушал, то все, это твоя (CODA) проблема»* (женщина, банковский работник, 32 года).

Таким образом, CODA участвуют не только в решении бытовых, административных, личных вопросов родителей, но и вопросов, касающихся собственной школьной жизни, образовательной деятельности, выбора кружков и хобби, проявляя самостоятельность.

Родители как основные агенты социализации играют важную роль в этом процессе. Однако родительская семья CODA обладает рядом характеристик, которые могут затруднять интеграцию слышащих детей в социум. К таким барьерам относится возложение взрослой ответственности на ребенка, недостаток общения голосом внутри семьи, нерелевантный опыт социализации самих родителей (их неинформированность) и отсутствие контакта родителей с педагогами детей.

Стигматизация в системе социальных отношений CODA

Дети глухих родителей зачастую чувствуют уязвимое и незащищенное положение как своих родителей, так и свое, поскольку реакции окружающих как на саму глухоту, так и на культурные нормы глухих могут оказаться непредсказуемыми. Информанты указывают, что регулярно сталкивались с *«ситуациями, когда (их) унижали из-за глухих родителей»* (женщина, бьюти-специа-

лист, 20 лет). Как показали результаты интервью, слышащие дети глухих родителей переживали опыт стигматизации как в детском, так и уже во взрослом возрасте.

В первую очередь информанты выделяли проявление негативного отношения к глухим, которое выражалось через высказывание стереотипного мнения о них. Самый распространенный стереотип, по мнению информантов, был о том, что глухие люди — неграмотные, а их интеллектуальное развитие отстает от слышащих людей. Как отмечают эксперты, *«почему-то многие считают, что глухие писать не умеют, но это тоже больше стереотип. Да, и читать тоже, соответственно, — да вообще просто они дремучие-дремучие такие»* (женщина, эксперт, 49 лет).

Данные стереотипы распространяются и на самих CODA. Среди одноклассников и учителей существует предубеждение, что глухие родители не занимаются с детьми образовательными вопросами, не помогают с домашними заданиями, что сказывается на уровне грамотности и умственных способностях детей. Таким образом, стигматизации подвергаются и те люди, которые находятся в родственных или дружеских отношениях с уже стигматизированными индивидами, то есть CODA присваивается «почетная стигма»³⁸, например, как это было в случае с нашей информанткой: *«Ну, часто звучало такое от других: «А как ты учишься?», то есть отсылка к тому, что якобы родители не могут мне помочь с домашками, ну, что-то в этом духе. «А как ты говорить научилась?»* (женщина, преподаватель, 31 год).

Несмотря на то, что отчасти исследованиями подтверждается, что действительно глухим тяжелее устроиться на высокооплачиваемую работу и они чаще сталкиваются с проблемой безработицы³⁹, нельзя утверждать, что все глухие неспособны заниматься интел-

38 Гoffman И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью / пер. М. Добряковой. — М.: Высшая школа экономики, 2017. — С. 23. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf

39 Bullis M., Bull B., Freiburg J., Sendelbaugh J. Education and community integration experiences of deaf adolescents and young adults // Issues and Research in Special Education / ed. by R. Gaylord-Ross. — New York: Teachers College Press, 1990. — P. 297–354.

лектуальным трудом. Многие из родителей опрошенных информантов — успешные, грамотные и состоявшиеся люди.

Также можно выделить еще один вид существующей стигматизации по отношению к глухим — социальную стигматизацию. Глухие являются социальной группой, которая обладает своей культурой, языком¹, и социальная стигматизация проявляется в неуважении окружающих к жестовому языку, негативном отношении к его использованию в общественных местах: *«Постоянно в детстве ловил косые взгляды прохожих, когда общались с родителями на РЖЯ, да что говорить про детство — и сейчас такое случается, но реже. Некоторые не только косо смотрят, но и что-нибудь вслед сказать могут: вот они идут, руками машут и не стесняются»* (мужчина, спортсмен, 18 лет).

Тем не менее проявления стигматизирующих свойств не меняли отношения детей к своим глухим родителям в негативную сторону. Они понимали, что чаще всего такие суждения со стороны окружающих безосновательны. Более того, дети принимали на себя роль защитника своих родителей, информантам *«приходилось иногда давать жесткий отпор людям, пресекать их попытки усмехнуться, обозвать родителей»* (женщина, переводчик РЖЯ, 26 лет). То есть нельзя утверждать, что CODA стесняются своих родителей, воспринимают их статус как стигматизированный только из-за общественного мнения.

В семьях CODA может происходить не только стигматизация со стороны внешних агентов, но и самостигматизация родителей. Проявление самостигматизации у глухих родителей заключается в том, что они воспринимают стереотипы по отношению к ним, то есть стигму, как часть своей социальной идентичности. Глухие родители начинают верить, что стереотипы верны и все утверждения о своей «болезни» приписывают себе, делая их частью личных качеств. Это выражается в том, что родители стесняются своей глухоты, демонстрируют собственную неполноценность

1 Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью / пер. М. Добряковой. — М.: Высшая школа экономики, 2017. — С. 4–5. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf.

перед своими детьми. Более того, некоторые родители под воздействием стигмы *«не желают учить своих детей изначально РЖЯ, они хотят, чтобы они были частью широкого общества, нежели узкого сообщества, так сказать, чтобы не примыкали к меньшинству»* (женщина, эксперт, 49 лет). То есть родители принимают решение оградить детей от культуры глухих, стыдясь ее.

Родители являются для своих детей своеобразным «лицом» культуры глухих. CODA с детства усваивают модели поведения родителей в обществе. Кули обращал внимание на то, что в процессе социализации индивид активно анализирует реакции окружающих на поведение, формируя свои нормы и мировоззрение². Для ребенка основным авторитетом, «значимыми другими» и образцом для восприятия норм становятся родители. Именно их поведение, отношение к глухоте и культуре глухих закладывает основу для восприятия ребенком статусов, то есть *«если родители сами транслируют там неловкость от своего языка и так далее... То, конечно, проблем может быть много потом у ребенка»* (женщина, преподаватель, 31 год).

Таким образом, при негативной самопрезентации родителей дети начинают воспринимать не только статус родителей как стигматизированный, но и свой. Они считают, что быть ребенком глухих родителей тоже стыдно. Закономерно Комарова и Ясин выделяют отдельный тип детско-родительских отношений в семьях с глухими родителями: *«Дети стесняются родителей»*³.

Противоположная ситуация наблюдается в семьях с отсутствием выраженной самостигматизации родителей. Несмотря на то, что члены таких семей также сталкиваются со стереотипами со стороны окружающих, стигма не становится для них частью идентичности, в соответствии с которой строятся модели поведения. Родители с младенчества обучают детей жестовому языку, знакомят с культурой сообщества глухих, активно участвуют в социальной жизни, не воспринимая глухоту как «недуг», за что им

2 Cooley C. H. Human Nature and the Social Order. — New York: Routledge, 2017.

3 Ясин М., Комарова А. Типы детско-родительских отношений в семьях с глухими родителями и слышащими детьми // Развитие личности. — 2019. — № 3. — С. 108.

признательны сами дети: «Понимаете, я очень благодарна своим родителям именно за то, что они никогда не стеснялись. Они сами не стеснялись себя» (женщина, переводчик РЖЯ, 30 лет). Впоследствии CODA также позитивно демонстрируют культуру своих родителей и своим друзьям, сверстникам, заинтересовывая их в знакомстве с сообществом.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что CODA являются уникальной группой: социализируясь преимущественно сначала в глухой среде, а потом в слышащей, они усваивают нормы, ценности сообщества и глухих, и слышащих. Поскольку социализация CODA происходит в двух культурах, то она становится достаточно непростым процессом, а родительская семья создает для CODA барьеры для интеграции в социум.

В результате проведенного исследования, основанного на полуструктурированных интервью как с самими CODA, так и с экспертами, было выявлено, что в числе ключевых трудностей социализации: возложение взрослой ответственности на ребенка, недостаток общения голосом внутри семьи, нерелевантный опыт социализации самих родителей и их неинформированность в вопросах воспитания, а также отсутствие контакта «родитель–педагог».

Действительно, на этапах взросления CODA взаимоотношения с родителями, социальной средой и связанные с этим трудности, как отмечали Кули и Мид, формируют представления детей о родителях, своем месте в обществе. При этом социальный статус глухих родителей воспринимается слышащими детьми неоднозначно. Было выявлено, что основной вклад в восприятие положения глухих родителей в обществе и своего статуса вносит более их самостигматизация, нежели негативное и стереотипное отношение окружающих к ним. Если родители с самого детства демонстрировали неполноценность своего статуса, то CODA также начинают воспринимать, что быть глухим — тяжело, а быть ребенком глухих родителей — и вовсе стыдно. И совершенно иная ситуация прослеживается в семьях, где родители трансли-

руют любовь и уважение к ценностям культуры глухих. То есть родители как основные агенты первичной социализации, а также внутрисемейные условия воспитания формируют фундамент для восприятия родительских и собственных статусов.

Важно, чтобы глухие родители также получали доступ к информации о воспитании и социализации слышащих детей глухих родителей, были осведомлены о потенциальных проблемах, с которыми могут столкнуться дети, что поможет выстраивать эффективную коммуникацию между родителями, детьми и социальным окружением, а также снизить барьеры в социализации CODA.

Выражения признательности

Автор благодарит научного руководителя Никиту Большакова за вклад в проведенное исследование и ценные комментарии. Автор также признателен экспертам, принявшим участие в исследовании, за помощь.

Библиография

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — 323 с.

Большаков Н. В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // Журнал исследований социальной политики. — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 571–584.

Большаков Н. В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174.

Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью / пер. М. Добряковой. — М.: Высшая школа экономики, 2017. — 40 с.

Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренькова. —

М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. — С. 314–327.

Михайлова Н. Ф. и др. Факторы стигматизации у глухих и слабослышащих студентов, обучающихся в условиях системы среднего профессионального образования // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т. 8. — № 6. — С. 99.

Фрейд З. Я и Оно / пер. В. Ф. Полянского, под ред. А. А. Франковского. — Л.: Academia, 1924. — 64 с.

Ясин М., Комарова А. Типы детско-родительских отношений в семьях с глухими родителями и слышащими детьми // Развитие личности. — 2019. — № 3. — С. 103–113.

Bishop M., Hicks S. Orange eyes: Bimodal bilingualism in hearing adults from deaf families // Sign Language Studies. — 2005. — № 5 (2). — P. 188–230.

Bullis M., Bull B., Freeburg J., Sendelbaugh J. Education and community integration experiences of deaf adolescents and young adults // Issues and Research in Special Education / ed. by R. Gaylord-Ross. — New York: Teachers College Press, 1990. — P. 297–354.

Cooley C. H. Human Nature and the Social Order. — New York, Routledge, 2017. — 434 p.

Cornell S. L., Lyness K. P. Therapeutic implications for adolescent deaf identity and self-concept // Journal of Feminist Family Therapy. — 2005. — № 16 (3). — P. 31–49.

Hadjikakou K. et al. The experiences of Cypriot hearing adults with deaf parents in family, school, and society // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2009. — № 14 (4). — P. 486–502.

Mead G. H. Mind, Self, and Society. — Chicago: University of Chicago Press, 1934. — 437 p.

Moore M., Lane H. For Hearing People Only. — Rochester: Deaf Life Press, 2003. — 768 p.

Moroe N. F., De Andrade V. “We were our parents’ ears and mouths”: Reflecting on the language brokering experiences of hearing children born to deaf parents // South African Journal of Child Health. — 2018. — № 1. — P. 75–78.

Preston P. Mother Father Deaf: Living Between Sound and Silence. — Harvard University Press, 1995. — 278 p.

Reagan T. Cultural considerations in the education of the Deaf children // *Educational and Developmental Aspects of Deafness*. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 1990. — 451 p.

Sachs J., Bard B., Johnson M. L. Language learning with restricted input: Case studies of two hearing children of deaf parents // *Applied Psycholinguistics*. — 1981. — № 2 (1). — P. 33–54.

Singleton J. L., Tittle M. D. Deaf parents and their hearing children // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2000. — № 5 (3). — P. 221–236.

Socialisation and Stigmatisation Experience of CODAs

Maria Malofeeva

International Laboratory for Social Integration Research, HSE University (National Research University Higher School of Economics), Moscow, Russia
mmalofeeva@hse.ru

Keywords: deaf and hard of hearing, deafness, children of deaf adults, CODA, CODA socialisation, stigmatisation, Russian Sign Language (RSL).

The hearing children of d/Deaf adults (CODAs) constitute a unique social group—their socialisation takes place in two cultures (the hearing culture and the Deaf culture), which allows CODAs to acquire knowledge of the norms and values of both the Deaf community and the hearing community. CODA socialisation is a complicated process, and the particularities of CODAs' families of origin can sometimes be a barrier to their integration into society.

This study identifies key aspects of CODA socialisation that have an impact on how CODAs perceive their own status and that of their d/Deaf parents. The analysis was based on seventeen semi-structured interviews: two expert interviews and fifteen interviews with adult hearing CODAs of different professions, genders, and levels of education aged between 18 and 34. The study identified the main difficulties of CODA socialisation to lie in the imposition of adult responsibilities on a child, the lack of spoken communication within a CODA's family, the parents of CODAs being uninformed about issues involved in raising hearing children, and the lack of contact between parents of CODAs and teachers.

Self-stigmatisation on the part of CODA's parents had a significant effect on their perceptions of the status of their d/Deaf parents and of their own: negative and stereotypical attitudes towards them among the wider public turned out to have a lesser impact. If a CODA's parents show them that they perceive themselves as having an inferior status in the CODA's early childhood, then CODAs also perceive being d/Deaf as negative trait, and being a child of d/Deaf parents as shameful. The situation is completely different in families where parents demonstrate a positive self-assessment and express respect for Deaf culture.

References

Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, Academia-Tsentr, Medium Publ., 1995. 323 p.

Bishop M., Hicks S. Orange eyes: Bimodal bilingualism in hearing adults from deaf families. *Sign Language Studies*, 2005, no. 5 (2), pp. 188–230.

Bol'shakov N. V. From deviation to identity: transformation of scientific approaches to understanding deafness. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2016, vol. XIX, no. 2 (85), pp. 160–174. (In Russian).

Bol'shakov N. V. "Hearing people have more opportunities for life": problems of secondary vocational education of the Deaf and hard of hearing. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2019, vol. 17, no. 4, pp. 571–584. (In Russian).

Bullis M., Bull B., Freeburg J., Sendelbaugh J. Education and community integration experiences of deaf adolescents and young adults. *Issues and Research in Special Education*. Ed. by R. Gaylord–Ross. New York, Teachers College Press, 1990, pp. 297–354.

Cooley C. H. *Human Nature and the Social Order*. New York, Routledge, 2017. 434 p.

Cornell S. L., Lyness K. P. Therapeutic implications for adolescent deaf identity and self–concept. *Journal of Feminist Family Therapy*, 2005, no. 16 (3), pp. 31–49.

Freud Z. *Ya i Ono. Per. V. F. Polyanskogo, pod red. A. A. Frankovskogo* [I and It. Trans. by V. F. Polyanskiy, ed. by A. A. Frankovskiy]. Leningrad, Academia Publ., 1924. 64 p.

Goffman I. *Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoy identichnost'yu. Per. M. Dobryakovoy* [Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Trans. by M. Dobryakova]. Moscow, Higher School of Economics, 2017. 40 p.

Hadjidakou K. et al. The experiences of Cypriot hearing adults with deaf parents in family, school, and society. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 2009, no. 14 (4), pp. 486–502.

Kuli Ch. Social selfishness. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty. Pod red. V. I. Dobren'kova* [American Sociological Thought: Texts. Ed. by V. I. Dobren'kov]. Moscow, Mezhdunarodnyy Universitet Biznesa i Upravleniya Publ., 1996, pp. 314–327. (In Russian).

Mead G. H. *Mind, Self, and Society*. Chicago, University of Chicago Press, 1934. 437 p.

Mikhaylova N. F. et al. Factors of stigmatization among deaf and hard of hearing students studying in the system of secondary vocational education. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2020, vol. 8, no. 6, p. 99. (In Russian).

Moore M., Lane H. For *Hearing People Only*. Rochester, Deaf Life Press, 2003. 768 p.

Moroe N. F., De Andrade V. "We were our parents' ears and mouths": Reflecting on the language brokering experiences of hearing children born to deaf parents. *South African Journal of Child Health*, 2018, no. 1, pp. 75–78.

Preston P. *Mother Father Deaf: Living Between Sound and Silence*. Cambridge, Harvard University Press, 1995. 278 p.

Reagan T. Cultural considerations in the education of the Deaf children. *Educational and Developmental Aspects of Deafness*. Washington D.C., Gallaudet University Press, 1990. 451 p.

Sachs J., Bard B., Johnson M. L. Language learning with restricted input: Case studies of two hearing children of deaf parents. *Applied Psycholinguistics*, 1981, no. 2 (1), pp. 33–54.

Singleton J. L., Tittle M. D. Deaf parents and their hearing children. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 2000, no. 5 (3), pp. 221–236.

Yasin M., Komarova A. Types of child–parent relationships in families with deaf parents and hearing children. *Razvitie lichnosti* [Personality Development], 2019, no. 3, pp. 103–113. (In Russian).

ЯЗЫК

Сколько людей владеют русским жестовым языком?

Владимир Базоев

Московский
государственный
лингвистический
университет (МГЛУ),
Москва, Россия
vbazoev@rambler.ru

Ключевые слова:

русский жестовый язык,
сообщество глухих,
глухие, слабослышащие.

Представленные в статье данные дают возможность достоверно оценить количество людей, владеющих русским жестовым языком. При анализе использованы впервые обнародованные Федеральной службой государственной статистики результаты Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 и 2020 годах, о владении русским жестовым языком в городских и сельских поселениях всех субъектов Российской Федерации. В статье также зафиксировано, что в бывших республиках СССР члены сообщества глухих, несмотря на государственный статус национального языка, по-прежнему владеют русским жестовым языком, но с использованием некоторой доли жестов местного национального диалекта. Автор приходит к выводу, что русский жестовый язык находится в развитии, приобретает все большую популярность в обществе. К этому побуждает и утверждение в 2012 году на государственном уровне русского жестового языка официальным языком и его приравнивание по статусу к другим языкам.

Информация о численности лиц, владеющих русским жестовым языком (РЖЯ), важна для формирования уважительного отношения общества к членам сообщества глухих и к жестовому языку, которым они пользуются. Она также нужна для определения потребности в услугах перевода РЖЯ, формирования бюджета по этим услугам и планирования профессиональной подготовки необходимого количества переводчиков РЖЯ на различных уровнях государственной власти.

Сведения о численности людей с инвалидностью по слуху и лиц, владеющих РЖЯ, поданные средствами массовой информации и другими источниками, разнятся. Объясняется это тем, что существуют различные взгляды на глухоту и использование жестового языка членами сообщества глухих. Есть люди, которые рассматривают глухоту с точки зрения медико-биологической концепции (лица, имеющие глухоту, как носители статуса «инвалид», подлежат медицинской реабилитации). Другие рассматривают глухоту в логике социокультурной концепции, а глухих и слабослышащих — как представителей языкового меньшинства.

По данным Всероссийского общества глухих, в 2022 году на учете в его отделениях находились 73005 человек¹. Как правило, все владеют РЖЯ. Результаты Всероссийской переписи населения говорят о другом количестве лиц, владеющих РЖЯ. В конце декабря 2022 года Федеральная служба государственной статистики (ФСГС) обнародовала результаты Всероссийской переписи населения, прошедшей в 2020 году².

Это была не первая попытка выяснить количество людей, владеющих РЖЯ. Еще в 2010 году ФСГС опубликовала результаты Всероссийской переписи населения, в ходе которой было выяснено, что «языком жестов» владеют 120528 чел.³ (в переписном листе в пункте «Владение языком» указан «Язык жестов»). Несмотря

1 Отчет о деятельности ОООИ «Всероссийское общество глухих». 2015–2020.

2 Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>.

3 Русский жестовый язык во Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: <https://signlang.ru/2011/12/16/русский-жестовый-язык-во-всероссийск/>.

на то, что накануне первой переписи, в 2009 году, Институт языкознания Российской академии наук по инициативе Всероссийского общества глухих направил письмо в адрес ФСГС о включении в пункт переписного листа о владении языками русского жестового языка (РЖЯ) для использования при проведении переписи 2010 года, в переписной лист 2010 года был включен текст в другой редакции, а именно — «Язык жестов» (илл. 1). Автор статьи располагает копией указанного письма.

«Язык жестов» — термин, не отражающий настоящее содержание лингвистической системы русского жестового языка. По этой причине результаты переписи по указанному пункту не могут быть показателем истинного положения о количестве людей, владеющих РЖЯ в России. Языком жестов могут пользоваться не только носители РЖЯ, но и граждане, не владеющие этим языком.

В ходе переписи 2020 года использован переписной лист с указанием вопроса о владении жестовым языком глухих (илл. 2).

С точки зрения терминологии, лингвистической особенности указанный текст некорректен, поскольку в 2012 году федеральным законом⁴ русский жестовый язык (а не жестовый язык глухих) был признан официальным языком. В результате этого РЖЯ получил статус, равный другим национальным языкам.

РЖЯ пользуются не только члены сообщества глухих, но и другие лица: слышащие родители глухих детей, слышащие педагоги различных учебных заведений для глухих детей, переводчики русского жестового языка, слышащие дети глухих родителей (*CODA*) и другие. По этой причине формулировка «жестовый язык глухих» так же некорректна, как и «английский язык англичан», «испанский язык испанцев» и др.

В ходе переписи наряду с другими показателями выяснилось и количество людей, владеющих РЖЯ в городских и сельских по-

4 Федеральный закон РФ «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 30 декабря 2012 года, № 296-ФЗ.

селениях, а также количество лиц, пользующихся им как родным языком. Все это позволяет получить количественные показатели по владению РЖЯ в разрезе административно-территориальных делений Российской Федерации. Результаты окончательных итогов переписи в части владения языками опубликованы 30 декабря 2022 года на интернет-портале Федеральной службы государственной статистики (том 5, «Национальный состав и владение языками»).

Владение русским жестовым языком

После обработки данных переписи 2020 года выяснилось, что в России РЖЯ владеют 239930 чел., постоянно используют 157354 чел. Преобладающее количество людей, знающих РЖЯ, проживает в Москве (44294 владеют / 30711 в том числе используют в повседневной жизни), Краснодарском крае (17347/11775), Московской области (14050/8878), Санкт-Петербурге (11294/7972), Республике Дагестан (9564/7877) — табл. 1.

Табл. 1.

Количество лиц, владеющих русским жестовым языком в Российской Федерации

		Всего, чел.	В том числе в повседневной жизни
1.	Москва	44294	30711
2.	Краснодарский край	17347	11775
3.	Московская область	14050	8878
4.	Санкт-Петербург	11294	7972
5.	Республика Дагестан	9564	7877
6.	Ставропольский край	6400	4305
7.	Республика Башкортостан	6064	4574
8.	Свердловская область	5802	3986
9.	Ростовская область	5775	3952
10.	Новосибирская область	5144	3612
11.	Нижегородская область	4346	3135

		Всего, чел.	В том числе в повседневной жизни
12.	Чеченская Республика	4328	2965
13.	Челябинская область	4154	2332
14.	Воронежская область	4144	3167
15.	Республика Татарстан	4098	2371

Значительное количество людей, владеющих РЖЯ, в Москве по сравнению с другими регионами может объясняться не только большой численностью населения (по оценкам Росстата, численность населения Российской Федерации на 1 января 2022 года с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 года составила 146980061 человек), но и проводимой в столице активной популяризацией РЖЯ. Например, наличие информации о РЖЯ в различных средствах массовой информации Москвы, освещающие ежегодные мероприятия, проводимые в столице по случаю Международного дня жестовых языков. Телевизионные каналы различных субъектов также способствуют привлечению внимания населения к РЖЯ.

Кроме того, периодически в сотрудничестве с Департаментом социальной защиты населения города Москвы, Департаментом образования и другими правительственными организациями и учреждениями проводятся различные конференции, связанные с использованием РЖЯ в столице. Например, в 2017 году в Москве проходила конференция «Образование и русский жестовый язык»⁵, в котором принимали участие представители общественности, департаментов образования и социальной защиты населения города Москвы, различных коррекционных учебных заведений. Об этом событии сообщали различные средства массовой информации.

Москва сосредоточивает большое количество образовательных учреждений, в которых обучаются лица, владеющие жестовым языком: глухие и слабослышащие учащиеся (МВТУ,

5 Городская научно-практическая конференция «Образование и жестовый язык». URL: <https://gppc.ru/news/24137/>.

РГСУ, МПГУ, Политехнический колледж № 21, Колледж малого бизнеса № 4 и другие). В некоторых коррекционных учебных заведениях для глухих и слабослышащих проводятся факультативные занятия по РЖЯ (школы № 30, 52 и другие). На рост численности владеющих РЖЯ влияют расположенные в Москве учебные центры, в которых осуществляется прямое обучение ему (Центр образования глухих и русского жестового языка имени Г. Л. Зайцевой, Учебно-методический центр Всероссийского общества глухих и другие). Проводятся внеклассные занятия в коррекционных школах для глухих и слабослышащих детей по РЖЯ как для педагогов, так и для родителей учащихся.

По федеральным округам России лидирующее положение заняли Центральный округ (133012 чел.), Уральский (34888 чел.), Приволжский округ (34041 чел.), а на последнем месте расположился Северо-Кавказский федеральный округ (10333 чел.) — табл. 2.

Если произвести пересчет лиц, владеющих РЖЯ, на 1000 человек, то картина выглядит следующим образом:

Центральный федеральный округ	3,38
Северо-Кавказский федеральный округ	2,98
Южный федеральный округ	2,97
Северо-Западный округ	2,02
Сибирский федеральный округа	1,84
Приволжский федеральный округ	1,48
Уральский федеральный округ	1,36
Дальневосточный федеральный округ	1,05

В Центральном федеральном округе Тульская область, уступающая по численности населения (1479294 чел.) Белгородской области (1514695 чел.), превосходит данный регион по численности владеющих РЖЯ (2085 чел.). Липецкая область по числу владеющих РЖЯ (1446 чел.), обходит Белгородскую (1196 чел.) и Брянскую области (1078 чел.). Орловская область обошла многие регионы, переместилась с 17 места на 9 место. Замыкает группу регионов ЦФО Костромская область как по населению, так и по численности владеющих РЖЯ (517 чел.)

Обращают на себя внимание официальные статистические данные Всероссийского общества глухих, которые говорят о другом количестве лиц, владеющих РЖЯ. Ежегодно руководители региональных отделений ВОГ представляют в адрес Центрального правления ВОГ статистический отчет по форме 1-ВОГ, в котором указывается количество членов ВОГ, проживающих в регионе и владеющих РЖЯ.

Так, число членов ВОГ (владеющих РЖЯ) по состоянию на 01.01.2020 года в Краснодарском крае составляет 2993 чел., по результатам переписи 2020 года число владеющих РЖЯ — 17347 чел., в том числе в повседневной жизни — 11775 чел. Почти в 4 раза больше людей владеют РЖЯ по данным переписи в сравнении с численностью членов Краснодарского отделения ВОГ.

Это не единичный случай, когда по данным переписи обнаруживается большее количество людей, владеющих РЖЯ, чем по учетным материалам Всероссийского общества глухих. Расхождение между данными учета Всероссийского общества глухих и Всероссийской переписи населения объясняется тем, что первом случае определяется прежде всего количественный состав людей с инвалидностью по слуху с детства, являющихся членами общественной организации глухих. В другом — определяется в первую очередь количество владеющих РЖЯ. Кроме того, при переписи населения в масштабе страны задействованы различные органы власти для содействия переписи населения (МФЦ, Госуслуги, визиты переписчиков на дом).

Любопытные результаты по владению жестовым языком в Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах: лидируют республики, традиционно исповедующие ислам: Дагестан (9784 чел.), Чеченская Республика (4328 чел.), Республика Башкортостан (6064 чел.) и Республика Татарстан (4098 чел.).

В нескольких федеральных округах часть регионов по числу владеющих РЖЯ опережает лидирующие по населению регионы.

Преобладание регионов по численности владеющих РЖЯ над другими более многочисленными по населению регионами также

можно объяснить наличием большего количества учебных заведений общего, среднего, среднего и высшего профессионального образования, где используется РЖЯ (Новосибирская и Челябинская области и другие). Сыграла роль и активная политика регионов по развитию РЖЯ, большое количество мероприятий, посвященных РЖЯ. Не следует исключать как причину организацию в регионах через СМИ на постоянной основе телевизионных передач по популяризации РЖЯ.

По результатам переписи населения 2020 года, в качестве родного языка РЖЯ указали 1165 чел. Данные спорны. Возможно, участники переписи из числа глухих, которые рассматривают жестовый как родной, не могли понять суть вопроса, написанного на русском языке о родном языке. Кроме того, члены сообщества глухих в большинстве регионов России не обладают знаниями о социокультурном и языковом меньшинстве, о субкультуре глухих, членами которой они являются, а в учебных заведениях не проводят занятия по истории и культуре сообщества глухих⁶.

Можно констатировать, что РЖЯ набирает все большую популярность в регионах России. Этому способствует не только утверждение РЖЯ в 2012 году официальным языком на государственном уровне и его приравнивание по статусу к другим языкам, но и активная политика по его популяризации.

Владение русским жестовым языком в других странах

При переписи в республиках постсоветского пространства не упоминается количество лиц, владеющих РЖЯ. Однако об уровне владения им можно судить по словарю национального жестового языка. Активное общение глухих из разных стран на интернет-площадках (в социальных сетях и мессенджерах с возможностью видеосвязи) способствует сохранению РЖЯ с некоторой примесью международных жестов.

В прошлом ко мне, как к руководителю Московской городской организации ВОГ, приходили на прием немало глухих граждан

6 Базоев В. З., Паленный В. А. Человек из мира тишины. — М.: Академкнига, 2002.

из Казахстана, Украины, Таджикистана, Узбекистана, Белоруссии за помощью в решении вопросов, связанных с трудоустройством, оформлением миграционных документов. Я также имел общение на РЖЯ с глухими гражданами постсоветского пространства, которые торговали мелкими розничными товарами в электричках пригородного сообщения. Последние подтверждали, что национальный жестовый язык, используемый ими в своих странах, нисколько не отличается от жестового языка, используемого в России.

В следующих республиках национальные организации глухих являются членами Регионального секретариата Всемирной федерации глухих стран Восточной Европы и Центральной Азии: Российская Федерация, Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан. Особое положение имеет Туркменистан в связи с его изоляционной политикой, республика не фигурирует в секретариате. РЖЯ в указанных республиках после приобретения независимости в большей степени сохранился и имеет по сравнению со странами Прибалтики минимальное количество национальных диалектов. В Эстонии, Латвии и Литве РЖЯ существенно изменился, приобрел большое количество национальных диалектов, доля которых доходит до 80%. На сокращении РЖЯ сказалось в том числе членство стран и национальных ассоциаций глухих Латвии, Литвы, Эстонии соответственно в Совете Европы и Европейском союзе глухих. Важно также отметить, что согласно закону о социальной интеграции лиц с инвалидностью 1991 года литовский ЖЯ признается родным языком глухих, в Латвии в 1999 году был принят закон об официальном языке, который придал латышскому ЖЯ правовой статус, а эстонский ЖЯ был признан независимым языком в 2007 году.

В различных странах Европы, в США, Канаде, Израиле представители русской эмиграции из стран постсоветского пространства по-прежнему используют РЖЯ. Пользователи РЖЯ встречаются даже среди студентов, сотрудников и преподавателей Галлодетского университета — уроженцы России, Беларуси, Украины и других республик постсоветского пространства. Также Международное общение между различными предста-

вителями стран на русском жестовом языке активно ведется на интернет-площадках: в социальных сетях, в *Youtube* и др. К примеру, сетевая страница «*Deaf communication*», на базе которой идет общение на РЖЯ лиц, проживающих в разных странах мира (Италия, Австралия, Австрия, Франция, Великобритания, США и другие).

Заключение

Русский жестовый язык набирает популярность благодаря не только признанию его официальным языком в 2012 году, но и проведению по решению ООН Международного дня жестовых языков. Это способствует сохранению и развитию РЖЯ, появлению новых проектов по его изучению лингвистами.

Наступило время кардинальных изменений в разработке инновационных методологий и технологий для подготовки большего количества высокопрофессиональных лингвистов, исследователей, преподавателей и переводчиков РЖЯ.

Следующая перепись населения состоится в 2030 году. Для получения достоверных сведений о количестве пользователей РЖЯ в России необходимы согласованные действия Федеральной службы государственной статистики, Московского государственного лингвистического университета и Всероссийского общества глухих.

Благодарность

Автор выражает благодарность ОООИ «Всероссийское общество глухих» за предоставление статистических сведений по учету членов ВОГ. Автор также благодарит председателя Центрального правления Украинского общества глухих Ирину Чепчину, председателя Союза глухих Грузии Амирана Бататунашвили, председателя Союза глухих Армении Анну Папоян, руководителя Объединения по поддержке глухих и слепоглухих Таджикистана Зебу Бидиеву, руководителя Объединения поддержки глухих Азербайджана Камрана Абасова за предоставленные сведения об использовании русского жестового языка.

Библиография

Базоев В. З., Паленный В. А. Человек из мира тишины. — М.: Академкнига, 2002. — 814 с.

Илл. 1

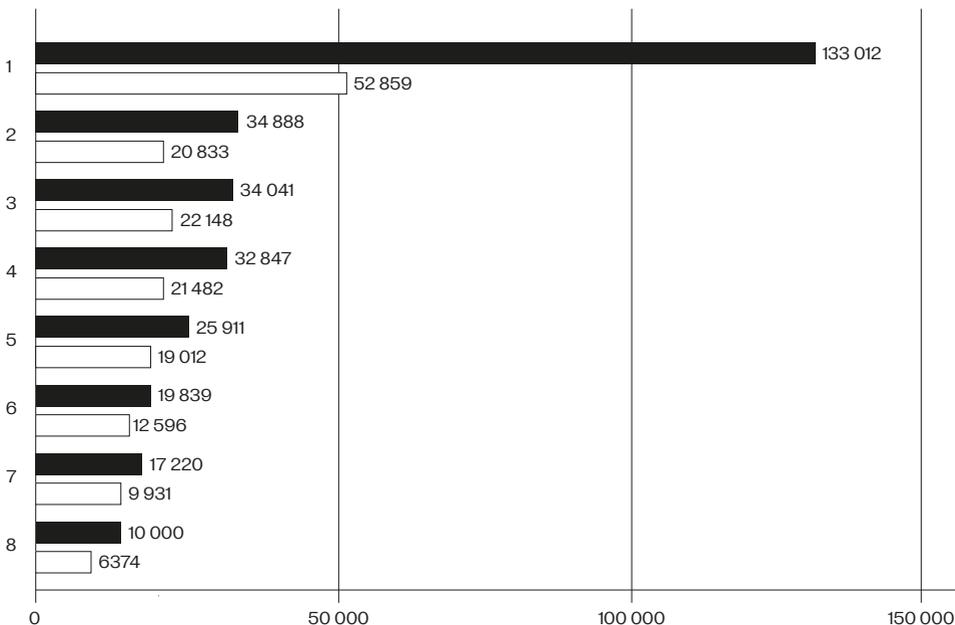
«Язык жестов» во Всероссийской переписи населения 2010 года

 <p>Всероссийская перепись населения 2010</p> <p>Область: ☒ Самарская область</p>		<p>Л1</p> <p>№ помещения в границах учетного участка: <input type="text"/></p> <p>№ квартиры в границах учетного участка: <input type="text"/></p> <p>№ балков: <input type="text"/></p> <p>Образ: <input type="text"/></p> <p>Неиспользуемые для записей: <input type="text"/></p>		<p>Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2009 г. №1909</p> <p>Форма Л</p> <p>Первое место</p>
<p>А № п.п. домохозяйства в пределах помещения</p>		<p>Б № п.п. лица в пределах домохозяйства, на которое заполняется перекладной лист</p>		
<p>1 Первому по порядку члену домохозяйства отметить "записан первым"</p> <p>Остальным членам домохозяйства отметить, кем он (она) приходится тому, кто записан первым</p> <p>зависимым ☐ сестра ☐ внучка ☐ муж ☐ свекровь ☐ брат ☐ внук ☐ жена ☐ свекор ☐ другая ☐ теща ☐ тестя ☐ в одном домохозяйстве, то проставьте порядковый номер из зоны Б, под которым записана мать (или отец) спрашиваемого дочь ☐ невестка ☐ родства, ☐ (сноха), зять ☐ свояства ☐ мать ☐ бабушка ☐ не родственник ☐ отец ☐ дедушка ☐</p> <p>Запишите кто это ↓ <input type="text"/></p> <p>(непринят, опекаемый ребенок, невестка работник и т.д.)</p>		<p>7 Ваша национальная принадлежность</p> <p>По самоопределению в соответствии со ст. 26 Конституции РФ</p> <p><input type="text"/></p> <p>отказ от ответа ☐</p>		
<p>2 Ваш пол</p> <p>мужской ☐ женский ☐</p>		<p>8 ОБРАЗОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ</p> <p>Для лиц в возрасте 10 лет и более</p> <p>8.1 Ваше образование</p> <p>Отметьте только один вариант, соответствующий наивысшему уровню полученного образования</p> <p>начальное общее ☐ высшее профессиональное (высшее) ☐ основное общее (неполное среднее) ☐ Окончившим курс до 1995 года ☐ бакалавр ☐ среднее (полное) общее ☐ отличившимся "специалист" ☐ специалист ☐ начальное профессиональное ☐ магистр ☐ среднее профессиональное (среднее специальное) ☐ неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее) ☐ послевузовское профессиональное ☐</p> <p>не имею образования ☐ → Умеете ли Вы читать и писать? да ☐ нет ☐</p>		
<p>3 Дата Вашего рождения</p> <p>Определить по таблице</p> <p><input type="text"/></p>		<p>8.2 Имеете ли Вы ученую степень кандидата или доктора наук?</p> <p>кандидат наук ☐ доктор наук ☐ не имею ☐</p>		
<p>4 Место Вашего рождения</p> <p><input type="text"/></p> <p>Запишите наименование республики, края, области, авт. области, авт. округа, г. Москва, г. Санкт-Петербурга для России (в том числе РСФСР) или наименование иностранного государства, которое сию имело на момент рождения спрашиваемого (в том числе союзной республики бывшего СССР)</p>		<p>8.3 Учитесь ли Вы в образовательном учреждении?</p> <p>да ☐ нет ☐</p>		
<p>5 Ваше состояние в браке</p> <p>Отметьте подвожат, соответствующий состоянию в браке на 14 октября 2010 года</p> <p>состою в браке ☐ → Зарегистрирован ли Ваш брак? да ☐ нет ☐ → Если супруг(и) этого лица проживает с ней (ним) в одном домохозяйстве, то проставьте порядковый номер из зоны Б, под которым записан(а) супруг(а) спрашиваемого</p> <p>разведен(а) официально (развод зарегистрирован) ☐ вдовец, вдова ☐ разошелся(лась) ☐ никогда не состоял(а) в браке ☐ не супруга ☐</p>		<p>8.4 Посещает ли ребенок дошкольное учреждение?</p> <p>да ☐ нет ☐</p>		
<p>6 Ваше гражданство</p> <p>Российской Федерации ☐</p> <p>Для граждан иностранного государства и лиц с двойным гражданством запишите наименование государства</p> <p><input type="text"/></p> <p>без гражданства ☐</p>		<p>9 ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКАМИ</p> <p>9.1 Владете ли Вы русским языком?</p> <p>да ☐ нет ☐</p> <p>9.2 Какими иными языками Вы владеете?</p> <p><input type="text"/></p> <p><input type="text"/></p> <p><input type="text"/></p> <p>язык жестов ☐</p>		
<p>9.3 Ваш родной язык</p> <p><input type="text"/></p>		<p>1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐ 6 ☐ 7 ☐</p> <p>8.1 ☐ 8.2 ☐ 8.3 ☐ 8.4 ☐ 9.1 ☐ 9.2 ☐ 9.3 ☐ А ☐ Б ☐ В ☐</p>		
<p>Служебная зона</p> <p>Конфиденциально (гарантируется получателем информации)</p>				

Табл. 2

■ Владение РЖА

□ Владение РЖА в повседневной жизни

- 1 Центральный федеральный округ
- 2 Уральский федеральный округ
- 3 Приволжский федеральный округ
- 4 Южный федеральный округ
- 5 Дальневосточный федеральный округ
- 6 Северо-Западный федеральный округ
- 7 Сибирский федеральный округ
- 8 Северо-Кавказский федеральный округ

**How Many People Know
Russian Sign Language?****Vladimir Bazoev**

Moscow State Linguistic
University (MSLU),
Moscow, Russia
vbazoev@rambler.ru

Keywords: Russian Sign
Language (RSL), Deaf
community, deaf, hard of
hearing.

This paper presents data that allow for a reliable estimation of the number of people who are able to communicate in Russian Sign Language. It draws on data on Russian Sign Language knowledge that was collected as part of the Russian National Census of urban and rural localities in all Russian regions that was carried out in 2010 and 2020. These results were made public for the first time by the Federal State Statistics Service. The article also demonstrates that members of the Deaf community in former republics of the USSR know Russian Sign Language, despite the predominance of a national language other than Russian in their respective countries. This said, members of the Deaf community use a certain share of signs that are distinct to their national dialect. The paper concludes that Russian Sign Language, as is the case with other national Sign Languages, is developing and increasing in popularity throughout society, and that this development was facilitated by the recognition of Russian Sign Language as an official language at the state level in 2012 and its receipt of an equal status to all other languages.

References

Bazoev V. Z., Palenny V. A. *Chelovek iz mira tishiny* [Man from the World of Silence]. Moscow, Akademkniga Publ., 2002. 814 p.

Социальные аспекты исследований языка глухих: современные подходы и понятие нормы

Валерия Виноградова

Центр языка и мозга,
Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики» (НИУ
ВШЭ), Москва, Россия
valeria.vngrd@gmail.com

Валерия Душкина

Школа лингвистики
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики» (НИУ
ВШЭ), Москва, Россия
valeriya.dushkina
@gmail.com

Ключевые слова:

жестовые языки,
социолингвистика,
языковой опыт глухих
людей, языковая
вариативность,
мультимодальность,
языковая норма глухих
людей, *Crip linguistics*, *Deaf
Studies*, *Critical Disability
Studies*, *Translingualism*.

В статье анализируются ключевые аспекты социолингвистических исследований, объектом которых является языковой опыт глухих людей. Авторы рассматривают историю развития социолингвистики жестовых языков и анализируют современные методологические подходы и направления. Эта область лингвистики жестовых языков фокусируется на вариативности, языковых контактах, идеологиях языка, отношении к языку, билингвизме и мультилингвизме в сообществах глухих. Обзор включает в себя социолингвистические исследования зарубежных ученых, а также подчеркивает вновь возникающий интерес к социолингвистическим аспектам в российской науке и обществе. Особое внимание авторы уделили тому, как переосмыслиется современная концепция языковой нормы и описали новый подход к изучению языка глухих — *Crip linguistics*. Такой подход актуален в первую очередь для описания отношения слышащих к языку глухих: как жестовому, так и к их звучащей и письменной речи.

Введение

Исследуя языковой опыт глухих, лингвистическая наука традиционно уделяла внимание в первую очередь жестовым языкам. По тому же принципу современные социолингвистические исследования рассматривают социальные аспекты коммуникации глухих преимущественно в отношении жестовых языков и их употребления внутри сообществ^{1,2,3}. В этой статье мы рассматриваем современные подходы и концепции в социолингвистике языка глухих и стремимся расширить предмет исследования социолингвистических аспектов языка глухих, включив в него обсуждения звучащей модальности (см. раздел «*Crip linguistics: переосмысление нормы*»). Такой подход подчеркивает мультимодальную природу языка, которую современная лингвистика считает неотъемлемой чертой языкового общения как слышащих^{4,5}, так и глухих^{6,7}. Также мы анализируем понятие «языковой нормы» в контексте социолингвистических исследований, учитывая роль мультимодальности и языкового контакта между жестовыми и звучащими языками.

Социолингвистика жестовых языков

Первые лингвистические исследования жестовых языков появились в середине XX века благодаря работам Уильяма Стоуки. В 1960-х годах его революционная работа «Структура

- 1 Woodward J. C. Implications for sociolinguistic research among the deaf // *Sign Language Studies*. — 1972. — № 1. — P. 1–7.
- 2 Lucas C. *The Sociolinguistics of Sign Languages*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 259 p.
- 3 Kusters A., Lucas C. Emergence and evolutions: Introducing sign language sociolinguistics // *Journal of Sociolinguistics*. — 2022. — № 26 (1). — P. 84–98.
- 4 Кибрик А. Мультимодальная лингвистика // *Когнитивные исследования*. — 2010. — № 4. — С. 134–152.
- 5 Scollon R. Multimodality and the language of politics // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / ed. by K. Brown. — 2nd ed. — Oxford: Elsevier, 2006. — P. 386–387.
- 6 Кибрик А. Мультимодальная лингвистика // *Когнитивные исследования*. — 2010. — № 4. — С. 134–152.
- 7 Henner J., Robinson O. Unsettling languages, unruly bodyminds: Imagining a Crip linguistics // *PsyArXiv Preprints*. — 2021. — P. 1–37.

жестового языка: обзор визуальной системы коммуникации американских глухих»⁸ опровергла мнение о том, что жестовые языки представляют собой упрощенные формы звучащих языков или вовсе не являются языковой системой. Позже Джеймс Вудвард⁹, Роббин Бэттисон¹⁰, Нэнси Фришберг¹¹, Сьюзан Фишер¹² и другие исследователи сделали значительный вклад в историческую и сопоставительную лингвистику жестовых языков. Эти работы расширили понимание развития и эволюции жестовых языков, а также их взаимодействия с другими языками. Вместе с тем во второй половине XX века появилась отдельная академическая дисциплина — *Deaf Studies*^{13, 14}, в рамках которой исследуются различные аспекты жизни глухих людей. С развитием лингвистики жестовых языков это направление исследований становилось более междисциплинарным и инклюзивным. Ученые признали важность включения в исследования разнообразного опыта глухих людей. Изучение жестовых языков стало тесно связанным с вопросами идентичности и культуры глухих.

Появление жестовой лингвистики совпало с активным ростом интереса к социолингвистическим исследованиям в 1960–х и 1970–х годах, поэтому в этот период в жестовой лингвистике публикуются новаторские работы по изучению социолингви-

- 8 *Stokoe W. C.* Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American Deaf // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2005. — №10 (1). — P. 3–37.
- 9 *Woodward J.* Attitudes toward deaf people on Providence Island: A preliminary survey // *Sign Language Studies*. — 1972. — № 1. — P. 1–7.
- 10 *Battison R., Jordan I. K.* Cross-cultural communication with foreign signers: Fact and fancy // *Sign Language Studies*. — 1976. — № 10 (1). — P. 53–68.
- 11 *Frishberg N.* Arbitrariness and iconicity: Historical change in American Sign Language // *Language*. — 1975. — № 1. — P. 696–719.
- 12 *Fischer S.* Sign languages and Creoles // *Understanding Language Through Sign Language Research* / ed. by P. Siple. — New York: Academic Press, 1978. — P. 309–331.
- 13 *Higgins P. C.* *Outsiders in a Hearing World: A Sociology of Deafness*. — Beverly Hills: SAGE Publications, 1982. — 205 p.
- 14 *Panara R.* Deaf Studies on the English Curriculum. Presented at the Council of American Instructors of the Deaf (CAID). — 1985. — P. 1–17. URL: <https://repository.rit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1696&context=other>.

стических аспектов, объясняющих вариативность в жестовых языках^{15, 16}.

Современные подходы и основные направления исследований

Исследователи в области социолингвистики используют различные методы в своей работе. В первых исследованиях жестовых языков зачастую использовались опросники, в которых глухих носителей просили показать перевод письменных стимулов. Такой способ сбора данных не подходит для вариативности в жестовом языке и может привести к активному проникновению явлений из звучащего языка, на котором представлен текст для перевода, в структуру жестового.

Вскоре исследователи начали использовать методы эlicitации, подразумевающие более естественный процесс порождения языка. Одним из активно развивающихся направлений в жестовой лингвистике в целом является корпусная лингвистика. В рамках этого направления ученые документируют и аннотируют спонтанные диалоги и нарративы, в том числе на жестовых языках. Корпусная жестовая лингвистика отчасти обязана своим появлением первым социолингвистам, изучающим вариативность в жестовых языках, таким как Сейл Лукас¹⁷. Профессор Галлодетского университета Лукас и его коллеги положили начало масштабным исследованиям социолингвистической вариативности в жестовых языках¹⁸. Их книга «Социолингвистическая вариативность в американском жестовом языке»¹⁹ (2001) задала высокую планку

- 15 Woodward J., Erting C., Oliver S. Facing and hand(l)ing variation in American Sign Language phonology // *Sign Language Studies*. — 1976. № 10 (1). — P. 43–51.
- 16 Aramburo A. J. Sociolinguistic aspects of the Black Deaf community // *The Sociolinguistics of the Deaf Community* / ed. by C. Lucas. — San Diego, CA: Academic Press, 1989. — P. 103–119.
- 17 Johnston T., Schembri A. Corpus analysis of sign languages // *Encyclopedia of Applied Linguistics* / ed. by C. A. Chapelle — Chichester: Wiley–Blackwell, 2013. — P. 479–501.
- 18 Lucas C., Bayley R., Valli C., Rose M., Wulf A. Sociolinguistic variation // *The Sociolinguistics of Sign Languages*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — P. 61–111.
- 19 Ibid.

для последующих исследований в плане методологии и выборки. К примеру, для анализа вариативности жеста ГЛУХОЙ в американском жестовом языке были собраны 16000 случаев использования этого жеста в жестовой речи 207 глухих из семи регионов США. База данных Лукаса и его коллег также содержала информацию о гендерной, возрастной, расовой и классовой принадлежности глухих, а жесты были размечены так, чтобы можно было рассмотреть разные типы вариативности (например, на уровне отдельных жестов или синтаксических структур в предложениях). Работа с такими данными позволяет использовать методы математической статистики, позволяющие включать одновременно несколько переменных, в том числе многомерный статистический анализ. В последующих масштабных исследованиях других жестовых языков использовались аналогичный дизайн и метод исследований. Так, многомерный статистический анализ на базе видеозаписей разговоров на австралийском и новозеландском жестовых языках позволил оценить влияние как социальных (например, возраст и пол), так и лингвистических (ассимиляция одного из компонентов жеста) факторов на вариативность²⁰.

Со времен первых масштабных исследований в американском жестовом языке основным направлением социолингвистических исследований жестовых языков является вариативность на различных уровнях языка: фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом²¹. Эта вариативность может зависеть как от социальных, так и от лингвистических факторов. Социальные факторы в литературе по жестовым языкам включают в себя все те факторы, которые рассматривает социолингвистика звучащих языков: регион, возраст, пол, этническая принадлежность и социокультурный класс. Однако особенности языковой и культурной жизни глухих требуют включения в исследования и других, специфичных для сообществ глухих, факторов: данных о школе и о языковом статусе родителей. Примером фонологической вариативности является изменение локализации жеста. Так, жест ЗНАТЬ

20 *Schembri A., McKee D., McKee R., Pivac S., Johnston T., Goswell D.* Phonological variation and change in Australian and New Zealand Sign Languages: The location variable // *Language Variation and Change*. — 2009. — № 21 (2). — P. 193–231.

21 *Kusters A., Lucas C.* Emergence and evolutions: Introducing sign language sociolinguistics. // *Journal of Sociolinguistics*. — 2022. — № 26 (1). — P. 84–98.

в американском жестовом языке традиционно выполняется у лба, но существует и фонологический вариант этого жеста, который выполняется у щеки²². Согласно данным из американского жестового языка, такое «понижение» жеста наблюдается реже в речи глухих детей глухих родителей. Это пример влияния *социального фактора* (языкового и/или слухового статуса родителей) на вариативность. Изменение локализации на более низкую также может быть связано с лингвистическими факторами: в австралийском и новозеландском жестовых языках при понижении играют роль грамматические признаки жеста (к какой части речи он относится) и частота его употребления — если жест является частотным существительным или глаголом, то понижение встречается чаще. В то же время социальные факторы тоже имеют значение: женщины из больших городов чаще исполняют жест с более низкой локализацией²³. Таким образом, среди факторов языкового варьирования в жестовых языках отмечаются как факторы, рассматриваемые в литературе по звучащим языкам^{24, 25}, так и факторы, специфические для жестовых языков (тип школы, наличие глухих родителей).

Социолингвисты выделяют и другие специфические особенности жестовых языков, влияющие не только на вариативность внутри языка, но и на другие социолингвистические аспекты их употребления и существования (например, на отношение к языку). Лингвистический и правовой статус жестовых языков долгое время не был определен на государственном и социальном уровне во многих странах и сообществах. Доминирование устного метода в образовании глухих и неопределенный правовой статус влияют на многие направления в изучении глухоты и языка глухих,

22 *Lucas C., Bayley R., Valli C., Rose M., Wulf A.* Sociolinguistic variation // *The Sociolinguistics of Sign Languages*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — P. 61–111.

23 *Schembri A., McKee D., McKee R., Pivac S., Johnston T., Goswell D.* Phonological variation and change in Australian and New Zealand Sign Languages: The location variable // *Language Variation and Change*. — 2009. — № 21 (2). — P. 193–231.

24 *Schembri A., Johnston T.* Sociolinguistic aspects of variation and change // *Sign Language: An International Handbook* / ed. by R. Pfau, M. Steinbach, and B. Woll. — New York: Mouton De Gruyter, 2012. — P. 788–816.

25 *Lucas C., Bayley R., Valli C., Rose M., Wulf A.* Sociolinguistic variation // *The Sociolinguistics of Sign Languages*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — P. 61–111.

в том числе на социолингвистические исследования. Например, центральное место во многих социолингвистических работах занимает языковой контакт между жестовыми и звучащими языками, а также отношение к жестовому языку в обществе. Эти темы также становятся важными для обсуждения на международных конференциях и конгрессах международных организаций глухих.

Особое место в социолингвистической науке занимают проблемы языковой идеологии и отношения к языку (*language attitudes*). Эти работы включают в себя обсуждение представлений о языке и отношения к языку в обществе. До 1860-х гг. глухота в западном обществе воспринималась как недостаток, изолирующий глухих от остальных членов христианского сообщества, а затем — от нации²⁶. Несмотря на то, что с начала XVIII века в Европе было учреждено несколько школ для глухих, уже во второй половине XIX века жестовые языки стали искоренять из системы образования²⁷. На отношение к жестовым языкам оказали влияние принципы, связанные с теорией естественного отбора и эволюции. В глазах ученых и педагогов того периода жестовые языки рассматривались как ранняя форма языка, из которой развились «более цивилизованные» звучащие языки. Переход к устному методу²⁸ в 1880-х представлялся научным достижением, прогрессивным шагом в эволюции, переходом от архаичности к цивилизации. Кроме того, изменению педагогической парадигмы способствовали политические идеологии наций, которые стремились к объединению внутри своих границ. Так, в США после Гражданской войны сторонники устного метода сравнивали сообщества глухих с иммигрантскими сообществами, нуждающимися в ассимиляции, а жестовый язык считался угрозой национальному единству²⁹. Сегодня, несмотря на то, что жесто-

26 Baynton D. C. A silent exile on this Earth: The metaphorical construction of deafness in the nineteenth century // *American Quarterly*. — 1992. — № 44 (2). — P. 216–243.

27 McBurney S. L. History of sign languages and sign linguistics // *Sign Language: An International Handbook* / ed. by R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll. — Berlin and New York: Mouton De Gruyter, 2012. — P. 909–948.

28 Устный метод — метод, в основе которого лежит обучение глухих артикуляции звуков и слов звучащего языка, чтению по губам и «развитие» слуха.

29 McBurney S. L. History of sign languages and sign linguistics // *Sign Language: An International Handbook* / ed. by R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll. — Berlin and New York: Mouton De Gruyter, 2012. — P. 909–948.

вые языки признаны полноценными объектами лингвистических исследований и получили официальное признание на уровне государств и местных сообществ, позиции устного метода все еще сильны. Медицинская концепция глухоты, которая фокусируется на глухоте как на болезни и патологии, требующих «коррекции»³⁰, все еще распространена во многих сферах жизни глухих. В то же время начиная со второй половины XX века в академической среде повысилось внимание к жестовым языкам, появились социальная и культурная концепции глухоты (сравнение разных концепций можно найти в работе Большакова³¹). Таким образом, отношение к глухоте и языку глухих в обществе, сферах образования и политики и в академической среде не совпадало. Поэтому социолингвистические исследования с начала своего существования были сосредоточены во многом на вопросах о статусе жестовых языков по отношению к языку доминирующего общества и подчеркивали значимость таких факторов, как разнообразный языковой и образовательный опыт глухих людей.

Языковые идеологии и языковой контакт

Жестовые языки — это языки устойчивых сообществ глухих. В зависимости от социальных факторов, приводящих к их появлению, жестовые языки делятся на деревенские жестовые языки (*village sign languages*) и жестовые языки сообществ глухих (*Deaf community sign languages*)³². Каждый из этих двух типов языков отличают особые социальные характеристики. В случае с деревенскими жестовыми языками они возникают в небольших сообществах, когда там рождаются глухие дети, часто вследствие кровнородственных браков. Эти сообщества характеризуются тесными связями и большим процентом владеющих жестовым языком слышащих³³. Жесто-

30 *Большаков Н. В.* От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174.

31 Там же.

32 *Meir I., Sandler W., Padden C., Aronoff M.* Emerging sign languages // The Oxford Handbook of Deaf Studies, Language, and Education / ed. by R. van Dijk, C. Nelson, A. Postma, J. van Dijk, M. Marschark, P. Spencer. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 267–280.

33 *De Vos C., Pfau R.* Sign language typology: The contribution of rural sign languages // Annual Review of Linguistics. — 2015. — №1 (1). — P. 265–288.

вые языки сообществ глухих, в отличие от деревенских жестовых языков, чаще всего возникают в ситуациях, когда несколько поколений глухих детей регулярно взаимодействуют, обычно на базе образовательного учреждения. Поэтому зачастую эти языки формируются на базе школ глухих в крупных городах. Важным социальным отличием является отношение к языку и глухоте. Так, в случае деревенских жестовых языков, в том числе в поселениях, где глухие люди были у истоков возникновения сообщества (например Мартас–Виньярд³⁴), отмечается более высокий статус жестовых языков и позитивное отношение среди слышащих к глухоте^{35, 36}, хотя и патерналистское отношение к глухим тоже было отмечено в подобных сообществах^{37, 38}.

Вопрос отношения к языку может изучаться с точки зрения отношения самих представителей сообщества к вариантам проявления языка (например, отношение глухих разного возраста к феномену «опущения» жеста, обсуждаемому выше), как и с точки зрения отношения к языку среди доминирующего сообщества. Таким образом, можно разделить эту тему на отношение к языку изнутри и снаружи. И в том, и в другом случае важное место занимает феномен языкового контакта. Жестовые языки испытывают влияние местного звучащего языка. Более того, системы образования глухих в разных странах часто строятся в первую очередь на устном методе^{39, 40}, подчеркивая тем самым престиж звучащих языков. Роль звучащего языка в образовании влияет на отношение к различным формам жестовой речи среди самих глухих. Глухие носители британского жесто-

34 *Groce N. E.* Everyone Here Spoke Sign Language: Hereditary Deafness on Martha's Vineyard. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. — 169 p.

35 *Ibid.*

36 *Jaraisy M., Stamp R.* The vulnerability of emerging sign languages: (E)merging sign languages? // *Languages*. — 2022. — № 7 (49). — P. 1–21.

37 *Washabaugh W.* Sign language in its social context // *Annual Review of Anthropology*. — 1981. — № 10 (1). — P. 237–252.

38 *Washabaugh W.* The acquisition of communicative skills by the Deaf of Providence Island // *Semiotica*. — 1986. — № 62 (1–2). — P. 179–190.

39 *Jordan I. K.* Communication methods used at schools for deaf and partially hearing children and at units for partially hearing children in the United Kingdom // *American Annals of the Deaf*. — 1982. — № 127 (7). — P. 811–815.

40 *Chua T. T.* Methods of teaching deaf children in Singapore and Malaysia // *Teaching and Learning*. — 1991. — № 11 (2). — P. 12–20.

вого языка в целом позитивно оценивают британский жестовый язык и предпочитают его калькирующей жестовой речи⁴¹. В то же время, несмотря на в целом негативное восприятие калькирующего *Sign Supported English (SSE)*, респонденты оценили его как «важный для образования» и обучения глухих детей. Это исследование показывает четкую связь между образовательными практиками и отношением к языку⁴².

SSE изначально предполагал полное соответствие грамматике английского языка. На практике глухие используют контактные формы жестового языка, в разной степени подверженные влиянию звучащего языка^{43, 44}, когда взаимодействуют со слышащими, которые не владеют жестовым языком на высоком уровне. Некоторые глухие могут предпочитать контактные формы даже при общении с другими глухими, что объясняется, опять же, более высоким статусом звучащих языков: «Честно говоря, моя жестовая речь соответствует принципам *SSE*, но иногда я использую и британский жестовый язык. Иногда мне кажется, что *SSE* важнее из-за того, как устроен мир вокруг» (22-летняя глухая женщина из Англии)⁴⁵.

Изучение языковых идеологий (*language ideologies*), то есть представлений о языке, его носителях и языковых практиках, только сейчас оформляется в отдельное направление в социолингви-

- 41 Калькирующая жестовая речь — форма жестовой коммуникации, которая повторяет синтаксическую структуру звучащего языка и не использует многие элементы грамматики жестовых языков; здесь британский жестовый язык — *British Sign Language* — противопоставлен калькирующему *Sign Supported English*, или *SSE*.
- 42 Rowley K., Jordan F., Cormier K. Language attitudes of the British Deaf community: Attitudes towards British Sign Language and Sign Supported English [paper presentation] // Sign Cafe 2: Second International Workshop on Cognitive and Functional Explorations in Sign language Linguistics, Ragusa, Italy, 2020. URL: https://lagb.org.uk/resources/Documents/Rowley_et_al.pdf.
- 43 Lucas C., Valli C. Language Contact in the American Deaf Community. — San Diego: Academic Press Inc., 1992. — 161 p.
- 44 Turner G. H. Exploring British experiences of deafhood and language in hypermodernity // Sociolinguistics in Deaf Communities: To the Lexicon and Beyond — Sociolinguistics in European Deaf Communities. — 2004. — № 10. — P. 248–263.
- 45 Ibid.

стике жестовых языков⁴⁶. Тем не менее уже первые исследования жестовой лингвистики 1960-х гг. имели огромное значение для языковых идеологий среди научного и других сообществ. «Превосходство» аудиальной модальности долгое время не подвергалось сомнению ни в обществе в целом, ни в академических кругах, но жестовая лингвистика внесла значимые изменения в наше понимание человеческого языка^{47, 48}. Как уже упоминалось выше, представления слышащих о жестовых языках исторически играли огромную роль в языковых практиках в политике и образовании: одним из ярчайших примеров такого влияния является Второй международный конгресс по образованию глухих в Милане в 1880 году. Решение об исключении жестовых языков из процесса образования и последующее преобладание устного метода в обучении глухих оказало влияние на социальный статус глухих людей и их языков. Известный глухой ученый Пэдди Лэдд вслед за Гаятри Спивак⁴⁹ описывает это как статус «подчиненного» (*subaltern*) по отношению к сообществу слышащих. Такое положение в системе образования имело непосредственное влияние на сами жестовые языки глухих: например, старшее поколение глухих в Великобритании в 1980-х гг. более активно использовало дактиль⁵⁰, чем молодые глухие⁵¹. Такое же явление встречается и в более свежих исследованиях, например в австралийском жестовом языке⁵².

46 Kusters A., Green M., Moriarty E., Snoddon K. Sign language ideologies: Practices and politics // *Sign Language Ideologies in Practice* / ed. by A. Kusters, M. Green, E. Moriarty, K. Snoddon. — Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. — P. 3–22.

47 Senghas R. J., Monaghan L. Signs of their times: Deaf communities and the culture of language // *Annual Review of Anthropology*. — 2002. — № 31 (1). — P. 69–97.

48 Hill J. C. *Language Attitudes in the American Deaf Community*. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 2012. — 224 p.

49 Guha R., Spivak G. C. *Selected Subaltern Studies*. — Delhi: Oxford University Press, 1988. — 434 p.

50 Дактиль (от греч. *dactilos* — палец, *logos* — слово) — алфавит, воспроизведенный пальцами рук и позволяющий «заимствовать» слова из звучащего языка. См. Зайцева Г. Жестовая речь. Дактилология. — М.: ВЛАДОС, 2000. — 190 с.

51 Sutton-Spence R., Woll B., Allsop L. Variation and recent change in fingerspelling in British Sign Language // *Language Variation and Change*. — 1990 — №2 (3). — P. 313–330.

52 Schembri A., Johnston T. Sociolinguistic aspects of variation and change // *Sign Language: An International Handbook* / ed. by R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll. — New York: Mouton De Gruyter, 2012. — P. 788–816.

Проникновение явлений из одного языка в другой, соседствующий с ним язык — неотъемлемая черта языковых контактов. Наличие в языке заимствований — это всегда социолингвистическое явление, которое возникает как следствие двуязычия и престижа доминирующего языка. Сообщества глухих практически всегда находятся «внутри» довлеющего сообщества слышащих (за исключением немногочисленных примеров, упоминаемых выше) и характеризуются очень высокой степенью двуязычия. Контакт между жестовыми и звучащими языками приводит к появлению уникальных социолингвистических явлений, возможных благодаря присутствию в языках разных модальностей. К таким явлениям относятся, например, дактиль, инициализация жеста (когда жест использует конфигурацию руки, соответствующую дактильной форме первой буквы слова-эквивалента) и маусинг (форма губ во время исполнения жеста соответствует слову-эквиваленту).

Сейл Лукас предсказывает в своей книге «Социолингвистика жестовых языков»⁵³, что социолингвистические исследования жестовых языков продолжат описывать факторы, влияющие на вариативность как в звучащих, так и в жестовых языках, подчеркивая не зависящие от модальности, то есть универсальные, явления в социолингвистике и параллели между языками разных модальностей. В то же время Лукас ожидает, что будут открыты новые для социолингвистической науки явления: подобно дактилю в жестовом языке, двуязычная и двумодальная социальная природа сообществ глухих приводит к уникальным проявлениям контактов между языками. Такие исследования, во-первых, вносят вклад в социолингвистическую науку в целом, а во-вторых, напрямую влияют на языковую политику, образование глухих и возможности трудоустройства, повышая престиж жестовых языков.

Языки глухих и понятие языковой нормы

В современной социолингвистической науке остро стоит вопрос изучения языковой нормы. Языковая норма может восприниматься либо *ИНКЛЮЗИВНО*, как общепринятый набор исторически

53 Lucas C. The Sociolinguistics of Sign Languages. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 259 p.

сложившихся языковых средств, обеспечивающий функционирование и историческую преемственность языка, либо *ЭКСКЛЮЗИВНО*, как определенный языковой стиль, ассоциирующийся с «правильностью»⁵⁴ и формирующийся под влиянием сообщества и его социальных институтов. Таким образом, в первом случае речь идет о стандартном употреблении языковых средств, используемых всеми говорящими на языке, а во втором случае речь идет о так называемой литературной норме.

Оба понятия языковой нормы тесно связаны на практике: при языковом планировании и стандартизации языка наиболее престижный, «литературный» вариант языка принимается в качестве образца и именно он описывается в словарях и грамматиках. В разных странах зачастую принимаются попытки стандартизации жестовых языков, результатом которых являются словари с одним вариантом жеста для каждого понятия (о чем пишет Роберт Адам⁵⁵). Такие попытки вызывают беспокойство как у лингвистов, так и у Всемирной федерации глухих (ВФГ), потому что они игнорируют естественную для всех языков вариативность.

Важным вопросом является отношение самих глухих носителей языка к подобным попыткам стандартизации. Глухие преподаватели жестовых языков в Германии и Великобритании воспринимают слышащих сотрудников сферы образования и слышащих, изучающих жестовый язык, как основные группы, которым необходима стандартизация⁵⁶. Более того, опрошенные глухие рассматривают попытки стандартизации языка как проявления «господства слышащих» и угрозы сообществу глухих и их языку⁵⁷. Таким образом, и глухие преподаватели жестовых языков⁵⁸, и глухие исследова-

54 *Peters P* English usage: prescription and description // The Handbook of English Linguistics / ed. by B. Aarts, A. McMahon. — Malden, MA: Blackwell Publishing, 2006. — P. 759–780.

55 *Adam R*. Standardization of sign languages // Sign Language Studies. — 2015. — № 15 (4). — P. 432–445.

56 *Eichmann H*. Planning sign languages: Promoting hearing hegemony? Conceptualizing sign language standardization // Current Issues in Language Planning. — 2009. — № 10 (3). — P. 293–307.

57 *Ibid.*

58 *Ibid.*

тели⁵⁹, и ВФГ высказывают беспокойство по поводу сохранения разнообразия и вариативности в жестовых языках. В то же время стандартизация и наличие более престижного варианта языка, используемого в средствах массовой информации, воспринимается некоторыми глухими как одно из свойств звучащего языка, которое делает его престижным («королевский» английский). По их мнению, определение такого варианта в жестовом языке может, во-первых, приблизить жестовый язык к звучащему по статусу, а во-вторых, помочь в области обучения жестовому языку⁶⁰. Позиция большинства глухих и ВФГ не подразумевает полного отказа от стандартизации, а скорее призывает к документации вариативности в жестовом языке. Примером словаря, который и соответствует требованиям общества глухих, и отвечает на запросы системы образования, является *BSL Sign Bank*, включающий все региональные варианты жестов, встречающиеся в корпусе британского жестового языка, и данные о том, как часто конкретный жест используется в разных регионах страны⁶¹. Известно, что глухие из семей глухих не испытывают проблем с региональной вариативностью в жестовом языке, но вариативность жестов в зависимости от региона пока не была систематически описана⁶². Большинство словарей жестовых языков включают в себя один вариант жеста: можно предположить, что «словарная» форма зачастую представляет тот вариант языка, который составители словарей считают языковой нормой. В британском жестовом языке региональные варианты не делятся на более и менее престижные, при этом на практике варианты, встречающиеся чаще в крупнейших городах страны (в Лондоне и Бирмингеме), оказыва-

59 *Adam R.* Standardization of sign languages // *Sign Language Studies*. — 2015. — № 15 (4). — P. 432–445.

60 *Rowley C., Cormier K.* Accent or not? Language attitudes towards regional variation in British Sign Language // *Applied Linguistics Review*. — 2023. — № 14 (4). — P. 919–943.

61 *Fenlon J. K., Cormier K., Rentelis R., Schembri A., Rowley K., Adam R., Wolf B.* *BSL SignBank: A lexical database of British Sign Language*. — London: Deafness, Cognition and Language Research Centre, University College London, 2014. URL: <https://bslsignbank.ucl.ac.uk>.

62 *Schembri A.* British Sign Language corpus. Project: Open access archives and the observer's paradox // *Proceedings of the 3rd Workshop on the Representation and Processing of Signed Languages: Construction and Exploitation of Sign Language Corpora. International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2008)*, Marrakech, Morocco. — European Language Resources Association (ELRA). — P. 165–169.

ются самыми легко узнаваемыми⁶³. Можно ли сказать, что лондонский и/или бирмингемский вариант являются примером языковой нормы в британском жестовом языке? Данные социолингвистических исследований не указывают на особый престиж этих региональных вариантов в британском жестовом языке⁶⁴. Но если изучить исследования в США, становится ясно, что носители жестового языка могут давать как положительную, так и негативную оценку определенным диалектам. Так, жестовый язык темнокожего сообщества в США (*Black ASL*) оценивается более пожилыми носителями жестового языка негативно по сравнению с жестовым языком белого населения⁶⁵, хотя *Black ASL* на практике чаще соответствует «словарной» норме американского жестового языка. В то же время более молодые глухие зачастую дают более положительную оценку *Black ASL*, отмечая его экспрессивность⁶⁶. Этот пример отражает сложное взаимодействие социальных и языковых факторов в отношении к диалектам в жестовом языке. Такие непростые взаимосвязи типичны для вопросов, связанных с языковой нормой и отношением к языку: «В целом очень сложно отделить отношения к разным вариантам языка от отношения к группам и сообществам, которые их используют»⁶⁷.

Джозеф Кристофер Хилл в своей книге «Отношения к языку внутри американского сообщества глухих»⁶⁸ выделяет лингвистические и социальные факторы, которые влияют на отношение к вариативности в американском жестовом языке. Важнейшим историческим фактором является преобладание устного метода в обучении глухих: несмотря на признание жестовых языков естественными языками лингвистами в 1960-х гг., глухие продолжали относиться

63 *Stamp R.* Do signers understand regional varieties of a sign language? A lexical recognition experiment // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2016. — №21 (1). — P. 83–93.

64 *Ibid.*

65 *Bayley R., Hill J. C., McCaskill C., Lucas C.* Attitudes towards Black American Sign Language // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. — 2017. — № 23 (2). — P. 21–30.

66 *Ibid.*

67 *Garrett P.* Attitudes to Language (Key Topics in Sociolinguistics). — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 257 p.

68 *Hill J. C.* Language Attitudes in the American Deaf Community. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 2012. — 224 p.

к собственному языку негативно. Тем не менее с развитием лингвистической науки и ростом представления о глухих как о языковом меньшинстве отношение внутри сообщества резко изменилось, несмотря на низкий статус жестовых языков в обществе слышащих.

Выше мы уже обсуждали явление языковых контактов и ввели понятие калькирующей речи. Языковой контакт между жестовыми и звучащими языками приводит к языковому континууму между более типичными для жестового языка формами и формами, полностью соответствующими калькирующей речи. Такой континуум можно условно разделить на категории, что сделал глухой ученый Хилл в своем исследовании, выделив 1) «чистый» американский жестовый язык, 2) смешанную форму и 3) калькирующую речь. Опрошенные глухие оценили американский жестовый язык преимущественно позитивно по всем шкалам исследования, в число которых входили, например, эстетичность, плавность, образованность и интеллект говорящего. Смешанная форма и калькирующая речь были оценены более негативно. Калькирующая речь получила отрицательную оценку по всем социальным и лингвистическим параметрам, кроме плавности, предполагаемого уровня образования говорящего и его интеллекта. Такая оценка говорит о повышении престижа американского жестового языка среди сообщества глухих, а также о восприятии естественного жестового языка (а не калькирующей речи) как нормы.

Лингвисты из России проявляли интерес к вариативности в русском жестовом языке^{69, 70, 71, 72}, а Музей «Гараж» опубликовал

- 69 *Давиденко Т., Комарова А.* Краткий очерк по лингвистике русского жестового языка // *Современные аспекты жестового языка* / ред. А. Комарова. — М.: ВОГ, 2006. — С. 146–161.
- 70 *Буркова С., Варинова О.* К вопросу о территориальном и социальном варьировании русского жестового языка // *Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция* / ред. О. Федорова. — М.: МГУ, 2012. — С. 127–143.
- 71 *Kimmelman V., Komarova A., Luchkova L., Vinogradova V., Alekseeva O.* Exploring networks of lexical variation in Russian Sign Language // *Frontiers in Psychology*. — 2022. — № 12 (740734). — P. 1–14.
- 72 *Киммельман В.* Вариативность в жестах-компаундах в русском жестовом языке // *Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: Сборник научных статей Второй международно-практической конференции* / ред. К. Голубина. — М.: МГЛУ, 2022. — С. 5–11.

открытую базу лексической вариативности в РЖЯ⁷³. Однако вопросы отношения к РЖЯ и наличие в нем языковой нормы, или более престижного варианта, не рассматривались авторами. Изучение отношения к языковой норме в РЖЯ может пролить свет на многие явления в российском сообществе глухих, так как зачастую отношение к жестовому языку позволяет делать выводы о социальном положении глухих в обществе. То, что американские глухие оценивают американский жестовый язык гораздо выше, чем калькирующие формы, — это естественное отражение сильных традиций и культуры глухих, а также отношения к глухим как к социокультурному сообществу. В российском сообществе глухих в последние годы повышается интерес к норме в жестовом языке. Особенно часто такие дискуссии возникают, когда речь идет о переводе на жестовый язык. Учебное пособие по переводу утверждает: «Основой синхронного перевода практически всегда выступает калькирующий ЖЯ»⁷⁴. В разных переводческих «школах» в России отсутствует единое отношение к использованию РЖЯ, и все они строятся на том, что определенные члены сообщества (чаще всего слышащие) считают стандартом, или языковой нормой. Вопрос в том, соответствует ли это представление о норме представлению о норме у глухих носителей жестового языка. Исследование таких вопросов внутри российского сообщества пользователей РЖЯ (как глухих, так и слышащих) может внести значительный вклад в наше представление о социальном статусе РЖЯ и его носителей.

***Crip linguistics*: переосмысление нормы**

Лингвистические исследования структуры жестовых языков и социолингвистической вариативности жестовых языков традиционно придерживаются подходов и правил, присущих социальной и культурной концепциям глухоты. Тем не менее лингвистические исследования сообщества глухих включают в себя огромное

73 *Музей «Гараж»*. База данных лексической вариативности русского жестового языка. URL: <https://rsl-research-explore.garagemca.org>.

74 *Афанасьева О., Камнева В., Харламенков А.* Учебное пособие для обучения переводчиков русского жестового языка в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования. — М., 2016. — 166 с.

количество работ на стыке лингвистики и образования, а также лингвистики и психологии, которые описывают не жестовый язык и его структуру, а степень владения звучащим и жестовым языком.

Недавно глухие исследователи Йон Хеннер и Октавиан Робинсон⁷⁵ предложили новую концепцию для лингвистических исследований, которая должна объединить в себе подходы из лингвистики и современных исследований инвалидности (*disability studies*). Решение объединить эти области объясняется представлением о том, что язык нельзя отделить от физических тел тех, кто его использует. В случае с языком глухих это подчеркивает тот факт, что окружающее их сообщество — это сообщество слышащих людей, которые постоянно предполагают, что все вокруг могут и должны слышать так, как они. Использование жестовых языков, а также нетипичное использование звучащего языка глухими воспринимается окружающим сообществом слышащих как ненормативное⁷⁶. Более того, глухие дети постоянно подвергаются оценкам их языковых навыков (*language assessments*), и системы оценки строятся на стандартах языка, не присущих самому сообществу глухих. Исследователи в определенных областях постоянно сталкиваются с необходимостью оценить конкретные языковые явления в сообществах, язык которых считается «ненормативным». Язык представителей этих сообществ считается либо вариацией, либо девиацией. С такой проблемой сталкиваются, например, исследователи аутизма или исследователи, работающие с темой языкового развития в звучащем языке у глухих детей. Именно наличие этой необходимости мотивирует появление *Crip linguistics*, в рамках которой, по мнению Хеннера, не будет разделения на «нормативный» и «ненормативный» языки.

Понятие нормы выходит на передний план, когда речь идет об оценке владения глухими звучащим языком. Владение звучащим языком становится показателем «близости к *hearingness*»

75 Henner J., Robinson O. Unsettling languages, unruly bodyminds: Imagining a Crip linguistics // PsyArXiv Preprints. — 2021. — P. 1–37.

76 Henner J., Robinson O. Crip linguistics goes to school // Languages. — 2023. — № 8 (48). — P. 1–15.

и поэтому связывается с уровнем языковой компетенции⁷⁷. Стандартом, к которому должны стремиться глухие, считается стандарт звучащего и письменного языка, которым владеют слышащие (более того — слышащие, принадлежащие к определенным социальным группам, например белые американцы). Степень понятности звучащей речи глухих напрямую связана с оценкой их личных качеств и когнитивных способностей⁷⁸. Важно, что такая оценка свойственна слышащим, которые ранее не имели опыта общения с глухими, но после знакомства с ними приходят к более положительной оценке. Вполне возможно, что такие результаты отражают не отношение к речи говорящего, а отношение к глухоте в целом, которое может улучшаться по мере знакомства с представителями сообщества.

Если в отношении звучащего/письменного языка стандартом, по которому специалисты из разных областей «измеряют» язык глухих, является вариант, установленный доминирующим сообществом слышащих, то в отношении жестового языка понятие нормы должно определяться внутри сообщества носителей. В предыдущем разделе мы рассмотрели понятие нормы в жестовом языке, но сознательно опустили один важный момент: большинство словарей, а также описаний жестовых языков апеллируют к глухим из семей глухих (*native signers*) как идеальной языковой модели. В то же время глухие из семей глухих составляют менее 10% от всех глухих детей⁷⁹. Таким образом, описание языка и его словарный стандарт строятся на варианте, который использует лишь небольшая подгруппа сообщества глухих. Большинство глухих детей, родившихся в семьях слышащих родителей, не усваивают жестовый язык в качестве первого языка, поэтому их уровень владения жестовым языком сильно варьируется, а сам жестовый язык может значительно отличаться от языка глухих из семей глухих. Многие лингвистические работы

77 *Henner J., Robinson O.* Unsettling languages, unruly bodyminds: Imagining a Crip linguistics // *PsyArXiv Preprints*. — 2021. — P. 1–37.

78 *Most T., Shina-August E., Meilijson S.* Pragmatic abilities of children with hearing loss using cochlear implants or hearing aids compared to hearing children // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2010. — № 15 (4). — P. 422–437.

79 *Mitchell R., Karchmer M.* Parental hearing status and signing among deaf and hard of hearing students // *Sign Language Studies*. — 2005 — № 5 (2). — P. 231–244.

игнорируют этот вопрос, предпочитая «чистую» выборку из глухих носителей жестового языка из семей глухих. Таким образом, и оценка звучащего/письменного языка глухих, и оценка их владения жестовым языком строится не на норме большинства представителей сообщества. Недавнее исследование нескольких жестовых языков показало, что грамматические формы в языках глухих носителей не из семей глухих отличаются от форм, используемых глухими из семей глухих⁸⁰. Если вариант жестового языка, используемый глухими носителями из семей глухих, используется в качестве стандарта обучения, документации и определения нормы, то встает вопрос о нормативности и ненормативности языка большинства в сообществе глухих.

Современные исследователи поднимают важные вопросы, которые долго игнорировала социолингвистическая наука применительно к сообществу глухих. *Crip linguistics* призывает исследователей не просто к описанию языка глухих, но и к определенной степени активизма, который берет свое начало в критической теории инвалидности. Активизм заключается в принятии всех форм языка, включая те, которые общество считает ненормативными. Это не значит, что Хеннер и Робинсон отвергают понятие языковой депривации: наоборот, они делают его центральным понятием своей теоретической концепции⁸¹. Их основная мысль в том, что отсутствие естественного доступа к языку, с которым сталкиваются глухие дети, вырастает из негативного отношения к жестовым языкам. Таким образом, слышащее общество продолжает негативно влиять на жизнь глухих, так как именно оно определяет то, что считается нормативной и ненормативной формами языка.

Заключение

Отношения языка и общества — одна из ключевых проблем современной лингвистики. Вопросы взаимосвязи языка и общества

80 *Zorzi G., Giustolisi B., Aristodemo V., Cecchetto C., Hauser C., Quer J., Sánchez Amat J., Donati C.* On the reliability of the notion of native signer and its risks // *The Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2022. — № 15 (4). — P. 422–437.

81 *Henner J., Robinson O.* Crip linguistics goes to school // *Languages*. — 2023. — № 8 (48). — P. 1–15.

встают особенно остро, когда речь идет о языках глухих. Глухие являются меньшинством, проживающим в постоянном контакте с доминирующим обществом слышащих. Это оказывает влияние не только на различные явления внутри жестовых языков (наличие дактилирования или других форм заимствований), но также на такие социолингвистические аспекты, как отношение к языку среди его носителей и окружающего общества.

Отношение к жестовому языку *изнутри* не описано для многих сообществ глухих, в частности для русского жестового языка. Наша статья рассматривает некоторые исследования отношений к вариативности в жестовых языках. Результаты таких опросов зависят от года проведения, возраста и этнической принадлежности опрошенных. Отношение к жестовому языку и его вариантам внутри российского сообщества глухих пользователей жестового языка описано не было.

Из обзора литературы следует, что глухие и слышащие социолингвисты во второй половине XX века сосредоточились на изучении жестовых языков глухих. Тем не менее известно, что то, как глухие используют национальный звучащий/письменный язык, оказывает огромное влияние на восприятие слышащими личных и профессиональных качеств глухих^{82,83}. Отношение доминирующего общества слышащих к различным формам использования языка глухими, как к жестовым языкам, так и к звучащим, может стать следующей крупной темой социолингвистических исследований.

Отправной точкой для масштабных социолингвистических исследований РЖЯ может стать появление базы данных лексической вариативности в РЖЯ⁸⁴. Исследования вариативности могут помочь ответить на вопрос о наличии языковой нормы в РЖЯ и определить, существуют ли более и менее престижные варианты.

82 Freeman V. Speech intelligibility and personality peer-ratings of young adults with cochlear implants // The Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2018. — № 23 (1). — P. 41–49.

83 Freeman V. Employers' speech-based first impressions of cochlear implant users // The Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2023. — № 28 (2). — P. 246–253.

84 Музей «Гараж». База данных лексической вариативности русского жестового языка. URL: <https://rsl-research-explore.garagemca.org>.

Вслед за Хеннером и Робинсоном мы отмечаем, что различные проявления языка глухих зачастую подвергаются критике и стигматизации со стороны слышащих: это может быть критика звучания голоса, уровня соответствия литературной норме в звучащем/письменном языке, использования жестового языка (особенно внутри семей и в образовательных учреждениях). Подавляющее большинство глухих детей не усваивают язык естественным образом с рождения, но тем не менее зачастую оцениваются по стандартам, составленным в соответствии с языковым развитием слышащих детей. Новейшая концепция изучения языка глухих и других меньшинств — *Crip linguistics* — призывает к переосмыслению современных методов описания языка, оценки языковой компетентности и языковой нормы, которые зачастую строятся на принятии языка доминирующих групп в качестве образца.

Библиография

Афанасьева О., Камнева В., Харламенков А. Учебное пособие для обучения переводчиков русского жестового языка в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования. — М., 2016. — 166 с.

Большаков Н. В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — № 2 (85). — С. 160–174.

Буркова С., Варинова О. К вопросу о территориальном и социальном варьировании русского жестового языка // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция / ред. О. Федорова. — М.: МГУ, 2012. — С. 127–143.

Давиденко Т., Комарова А. Краткий очерк по лингвистике русского жестового языка // Современные аспекты жестового языка / ред. А. Комарова. — М.: ВОГ, 2006. — С. 146–161.

Зайцева Г. Жестовая речь. Дактилология. — М.: ВЛАДОС, 2000. — 190 с.

Кибрик А. Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования. — 2010. — №4. — С. 134–152.

Киммельман В. Вариативность в жестах-компаундах в русском жестовом языке // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: Сборник научных статей Второй международно-практической конференции / ред. К. Голубина. — М.: МГЛУ, 2022. — С. 5–11.

Adam R. Standardization of sign languages // Sign Language Studies. — 2015. — № 15 (4). — P. 432–445.

Aramburo A. J. Sociolinguistic aspects of the Black Deaf community // The Sociolinguistics of the Deaf Community / ed. by C. Lucas. — San Diego, CA: Academic Press, 1989. — P. 103–119.

Bayley R., Hill J. C., McCaskill C., Lucas C. Attitudes towards Black American Sign Language // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. — 2017. — № 23 (2). — P. 21–30.

Battison R., Jordan I. K. Cross-cultural communication with foreign signers: Fact and fancy // Sign Language Studies. — 1976. — № 10 (1). — P. 53–68.

Baynton D. C. A Silent exile on this Earth: The metaphorical construction of deafness in the nineteenth century // American Quarterly. — 1992. — № 44 (2). — P. 216–243.

Chua T. T. Methods of teaching deaf children in Singapore and Malaysia // Teaching and Learning. — 1991. — № 11 (2). — P. 12–20.

Eichmann H. Planning sign languages: Promoting hearing hegemony? Conceptualizing sign language standardization // Current Issues in Language Planning. — 2009. — № 10 (3). — P. 293–307.

Fischer S. Sign languages and Creoles // Understanding Language Through Sign Language Research / ed. by P. Siple. — New York: Academic Press, 1978. — P. 309–331.

Freeman V. Speech intelligibility and personality peer-ratings of young adults with cochlear implants // The Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2018. — № 23 (1). — P. 41–49.

Freeman V. Employers' speech-based first impressions of cochlear implant users // *The Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2023. — № 28 (2). — P. 246–253.

Frishberg N. Arbitrariness and iconicity: Historical change in American Sign Language // *Language*. — 1975. — № 1. — P. 696–719.

Garrett P. Attitudes to Language (Key Topics in Sociolinguistics). — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 257 p.

Groce N. E. Everyone Here Spoke Sign Language: Hereditary Deafness on Martha's Vineyard. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. — 169 p.

Guha R., Spivak G. C. Selected Subaltern Studies. — Delhi: Oxford University Press, 1988. — 434 p.

Henner J., Robinson O. Unsettling languages, unruly bodyminds: Imagining a Crip linguistics // *PsyArXiv Preprints*. — 2021. — P. 1–37.

Henner J., Robinson O. Crip linguistics goes to school // *Languages*. — 2023. — № 8 (48). — P. 1–15.

Higgins P. C. Outsiders in a Hearing World: A Sociology of Deafness. — Beverly Hills: SAGE Publications, 1982. — 205 p.

Hill J. C. Language Attitudes in the American Deaf Community. — Washington, DC: Gallaudet University Press, 2012. — 224 p.

Jaraisy M., Stamp R. The vulnerability of emerging sign languages: (E)merging sign languages? // *Languages*. — 2022. — № 7 (49). — P. 1–21.

Johnston T., Schembri A. Corpus analysis of sign languages // *Encyclopedia of Applied Linguistics* / ed. by C. A. Chapelle — Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. — P. 479–501.

Jordan I. K. Communication methods used at schools for deaf and partially hearing children and at units for partially hearing children in the United Kingdom // *American Annals of the Deaf*. — 1982. — № 127 (7). — P. 811–815.

Kimmelman V., Komarova A., Luchkova L., Vinogradova V., Alekseeva O. Exploring networks of lexical variation in Russian Sign Language // *Frontiers in Psychology*. — 2022. — № 12 (740734). — P. 1–14.

Kusters A., Green M., Moriarty E., Snoddon K. Sign language ideologies: Practices and politics // *Sign Language Ideologies in Practice* / ed. by A. Kusters, M. Green, E. Moriarty, K. Snoddon. — Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. — P. 3–22.

Kusters A., Lucas C. Emergence and evolutions: Introducing sign language sociolinguistics // *Journal of Sociolinguistics*. — 2022. — № 26 (1). — P. 84–98.

Lucas C. *The Sociolinguistics of Sign Languages*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 259 p.

Lucas C., Bayley R., Valli C., Rose M., Wulf A. Sociolinguistic variation // *The Sociolinguistics of Sign Languages*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — P. 61–111.

Lucas C., Valli C. *Language Contact in the American Deaf Community*. — San Diego: Academic Press Inc., 1992. — 161 p.

McBurney S. L. History of sign languages and sign linguistics // *Sign Language: An International Handbook* / ed. by R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll. — Berlin and New York: Mouton De Gruyter, 2012. — P. 909–948.

Meir I., Sandler W., Padden C., Aronoff M. Emerging sign languages // *The Oxford Handbook of Deaf Studies, Language, and Education* / ed. by R. van Dijk, C. Nelson, A. Postma, J. van Dijk, M. Marschark, P. Spencer. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 267–280.

Mitchell R., Karchmer M. Parental hearing status and signing among deaf and hard of hearing students // *Sign Language Studies*. — 2005 — № 5 (2). — P. 231–244.

Most T., Shina–August E., Meilijson S. Pragmatic abilities of children with hearing loss using cochlear implants or hearing aids compared to hearing children // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. — 2010. — № 15 (4). — P. 422–437.

Peters P. English Usage: Prescription and description // The Handbook of English Linguistics / ed. by B. Aarts, A. McMahon. — Malden, MA: Blackwell Publishing, 2006. — P. 759–780.

Rowley C., Cormier K. Accent or not? Language attitudes towards regional variation in British Sign Language // Applied Linguistics Review. — 2023. — № 14 (4). — P. 919–943.

Schembri A., Johnston T. Sociolinguistic variation in the use of fingerspelling in Australian Sign Language: A pilot study // Sign Language Studies. — 2007. — № 7 (3). — P. 319–347.

Schembri A. British Sign Language corpus. Project: Open access archives and the observer's paradox // Proceedings of the 3rd Workshop on the Representation and Processing of Signed Languages: Construction and Exploitation of Sign Language Corpora. International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2008), Marrakech, Morocco. — European Language Resources Association (ELRA). — P. 165–169.

Schembri A., Johnston T. Sociolinguistic aspects of variation and change // Sign Language: An International Handbook / ed. by R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll. — New York: Mouton De Gruyter, 2012. — P. 788–816.

Schembri A., McKee D., McKee R., Pivac S., Johnston T., Goswell D. Phonological variation and change in Australian and New Zealand Sign Languages: The location variable // Language Variation and Change. — 2009. — № 21 (2). — P. 193–231.

Scollon R. Multimodality and the language of politics // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. by K. Brown. — 2nd ed. — Oxford: Elsevier, 2006. — P. 386–387.

Senghas R. J., Monaghan L. Signs of their times: Deaf communities and the culture of language // Annual Review of Anthropology. — 2002. — № 31 (1). — P. 69–97.

Stamp R. Do signers understand regional varieties of a sign language? A lexical recognition experiment // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2016. — № 21 (1). — P. 83–93.

Stokoe W. C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American Deaf // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2005. — №10 (1). — P. 3–37.

Sutton-Spence R., Woll B., Allsop L. Variation and recent change in fingerspelling in British Sign Language // Language Variation and Change. — 1990 — №2 (3). — P. 313–330.

Turner G. H. Exploring British experiences of deafhood and language in hypermodernity // Sociolinguistics in Deaf Communities: To the Lexicon and Beyond — Sociolinguistics in European Deaf Communities. — 2004. — № 10. — P. 248–263.

De Vos C., Pfau R. Sign language typology: The contribution of rural sign languages // Annual Review of Linguistics. — 2015. — №1 (1). — P. 265–288.

Washabaugh W. Sign language in its social context // Annual Review of Anthropology. — 1981. — № 10 (1). — P. 237–252.

Washabaugh W. The acquisition of communicative skills by the Deaf of Providence Island // Semiotica. — 1986. — № 62 (1–2). — P. 179–190.

Woodward J. C. Implications for sociolinguistic research among the Deaf // Sign Language Studies. — 1972. — № 1. — P. 1–7.

Woodward J., Erting C., Oliver S. Facing and hand(l)ing variation in American Sign Language phonology // Sign Language Studies. — 1976. № 10 (1). — P. 43–51.

Woodward J. Attitudes toward deaf people on Providence Island: A preliminary Survey // Sign Language Studies. — 1978. — № 1. — P. 49–68.

Zorzi G., Giustolisi B., Aristodemo V., Cecchetto C., Hauser C., Quer J., Sánchez Amat J., Donati C. On the reliability of the notion of native signer and its risks // The Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2022. — № 15 (4). — P. 422–437.

Social Aspects of Researching the Language of the Deaf: Contemporary Approaches and the Concept of the Norm

Valeriya Dushkina

School of Linguistics,
HSE University (National
Research University Higher
School of Economics),
Moscow, Russia
valeriya.dushkina
@gmail.com

Valeria Vinogradova

Centre for Language and
Brain, HSE University
(National Research
University Higher School of
Economics),
Moscow, Russia
valeria.vngrd@gmail.com

Keywords: sign languages, sociolinguistics, language experience of deaf people, language variability, multimodality, language norms of deaf people, Crip linguistics, Deaf Studies, Critical Disability Studies, Translingualism.

This paper provides a sociolinguistic analysis of key aspects of the language experience of the d/Deaf. It reviews the historical development of sign language and analyses contemporary methodological approaches and vectors to its sociolinguistic study. Sociolinguistics is an important aspect of sign language study that focuses on variability, language contacts, language ideologies, and attitudes to language, bilingualism, and multilingualism in Deaf communities. The literature reviewed in this paper includes sociolinguistic studies by international scholars. The paper highlights a renewed interest in sociolinguistic aspects of the d/Deaf experience among Russian researchers and the wider Russian public. The paper pays particular attention to the rethinking of the contemporary concept of language norms as described by Crip linguistics, a new approach to studying the language of the d/Deaf. The Crip approach is shown to be relevant, first and foremost, to describing the attitude of the hearing towards the languages of the d/Deaf—both sign language and oral and written speech.

References

Adam R. Standardization of sign languages. *Sign Language Studies*, 2015, no. 15 (4), pp. 432–445.

Afanasyeva O., Kamneva V., Kharlamenkov A. *Uchebnoe posobie dlya obucheniya perevodchikov russkogo zhestovogo yazyka v professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh i obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya* [A textbook for training translators of Russian Sign Language in professional educational organizations and educational organizations of higher education]. Moscow, 2016. 166 p.

Aramburo A. J. Sociolinguistic aspects of the Black Deaf Community. *The Sociolinguistics of the Deaf Community*. Ed. by C. Lucas. San Diego, Academic Press, 1989, pp. 103–119.

Bayley R., Hill J. C., McCaskill C., Lucas C. Attitudes towards Black American Sign Language. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 2017, no. 23 (2) pp. 21–30.

Battison R., Jordan I. K. Cross-cultural communication with foreign signers: Fact and fancy. *Sign Language Studies*, 1976, no. 10 (1), pp. 53–68.

Baynton D. C. A silent exile on this Earth: The metaphorical construction of deafness in the nineteenth century. *American Quarterly*, 1992, no. 44 (2), pp. 216–243.

Bol'shakov N. V. From deviation to identity: transformation of scientific approaches to understanding deafness. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2016 vol. XIX, no. 2 (85), pp. 160–174. (In Russian).

Burkova S., Varinova O. On the issue of territorial and social variation of Russian Sign Language. *Russkiy zhestovyy yazyk: Pervaya lingvisticheskaya konferentsiya. Red. O. Fedorova* [Russian Sign Language: First Linguistic Conference. Ed. by O. Fedorova]. Moscow, MGU Publ., 2012, pp. 127–143. (In Russian).

Chua T. T. Methods of teaching deaf children in Singapore and Malaysia. *Teaching and Learning*, 1991, no. 11 (2), pp. 12–20.

Davidenko T., Komarova A. Brief essay on the linguistics of Russian Sign Language. *Sovremennye aspekty zhestovogo yazyka. Red. A. Komarova* [Modern Aspects of Sign Language. Ed. by A. Komarova]. Moscow, VOG Publ., 2006, pp. 146–161. (In Russian).

Eichmann H. Planning sign languages: Promoting hearing hegemony? Conceptualizing sign language standardization. *Current Issues in Language Planning*, 2009, no. 10 (3), pp. 293–307.

Fischer S. Sign languages and Creoles. *Understanding Language Through Sign Language Research*. Ed. by P. Siple. New York, Academic Press, 1978, pp. 309–331.

Freeman V. Speech intelligibility and personality peer-ratings of young adults with cochlear implants. *The Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 2018, no. 23 (1), pp. 41–49.

Freeman V. Employers' speech-based first impressions of cochlear implant users. *The Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 2023, no. 28 (2), pp. 246–253.

Frishberg N. Arbitrariness and iconicity: Historical change in American Sign Language. *Language*, 1975, no. 1, pp. 696–719.

Garrett P. *Attitudes to Language (Key Topics in Sociolinguistics)*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 257 p.

Groce N. E. *Everyone Here Spoke Sign Language: Hereditary Deafness on Martha's Vineyard*. Cambridge, Harvard University Press, 1985. 169 p.

Guha R., Spivak G. C. *Selected Subaltern Studies*. Delhi: Oxford University Press, 1988. 434 p.

Henner J., Robinson O. Unsettling languages, unruly bodyminds: Imagining a Crip linguistics. *PsyArXiv Preprints*, 2021 pp. 1–37.

Henner J., Robinson O. Crip linguistics goes to school. *Languages*, 2023, no. 8 (48), pp. 1–15.

Higgins P. C. *Outsiders in a Hearing World: A Sociology of Deafness*. Beverly Hills, SAGE Publications, 1982. 205 p.

Hill J. C. *Language Attitudes in the American Deaf Community*. Washington D.C., Gallaudet University Press, 2012. 224 p.

Jaraisy M., Stamp R. The vulnerability of emerging sign languages: (E)merging sign languages? *Languages*, 2022 no. 7 (49) pp. 1–21.

Johnston T., Schembri A. Corpus analysis of sign languages. *Encyclopedia of Applied Linguistics*. Ed. by C. A. Chapelle. Chichester, Wiley–Blackwell, 2013, pp. 479–501.

Jordan I. K. Communication methods used at schools for deaf and partially hearing children and at units for partially hearing children in the United Kingdom. *American Annals of the Deaf*, 1982, no. 127 (7), pp. 811–815.

Kibrik A. Multimodal linguistics. *Kognitivnye issledovaniya [Cognitive Research]*, 2010, no. 4, pp. 134–152. (In Russian).

Kimmel'man V. Variability in compound gestures in Russian Sign Language. *Mezhkul'turnoe prostranstvo zhestovykh yazykov: perevod, kommunikatsiya, issledovaniya: Sbornik nauchnykh statey Vtoroy mezhdunarodno-prakticheskoy konferentsii. Red. K. Golubina [Intercultural Space of Sign Languages: Translation, Communication, Research:*

Collection of Scientific Articles of the Second International Practical Conference. Ed. by K. Golubina]. Moscow, MGLU Publ., 2022, pp. 5–11. (In Russian).

Kimmelman V., Komarova A., Luchkova L., Vinogradova V., Alekseeva O. Exploring Networks of lexical variation in Russian Sign Language. *Frontiers in Psychology*, 2022, no. 12 (740734), pp. 1–14.

Kusters A., Green M., Moriarty E., Snoddon K. Sign language ideologies: Practices and politics. *Sign Language Ideologies in Practice*. Ed. by A. Kusters, M. Green, E. Moriarty, K. Snoddon. Berlin, Boston, De Gruyter, 2020, pp. 3–22.

Kusters A., Lucas C. Emergence and evolutions: Introducing sign language sociolinguistics. *Journal of Sociolinguistics*, 2022, no. 26 (1), pp. 84–98.

Lucas C. *The Sociolinguistics of Sign Languages*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 259 p.

Lucas C., Bayley R., Valli C., Rose M., Wulf A. Sociolinguistic variation. *The Sociolinguistics of Sign Languages*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, pp. 61–111.

Lucas C., Valli C. *Language Contact in the American Deaf Community*. San Diego, Academic Press Inc., 1992. 161 p.

McBurney S. L. History of sign languages and sign linguistics. *Sign Language: An International Handbook*. Ed. by R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll. Berlin and New York, Mouton De Gruyter, 2012, pp. 909–948.

Meir I., Sandler W., Padden C., Aronoff M. Emerging sign languages. *The Oxford Handbook of Deaf Studies, Language, and Education*. Ed. by R. van Dijk, C. Nelson, A. Postma, J. van Dijk, M. Marschark, P. Spencer. Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 267–280.

Mitchell R., Karchmer M. Parental hearing status and signing among deaf and hard of hearing students. *Sign Language Studies*. 2005, no. 5 (2), pp. 231–244.

Most T., Shina–August E., Meilijson S. Pragmatic abilities of children with hearing loss using cochlear implants or hearing aids compared to hearing children. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. 2010, no. 15 (4), pp. 422–437.

Peters P. English usage: Prescription and description. *The Handbook of English Linguistics*. Ed. by B. Aarts, A. McMahon. Malden, Blackwell Publishing, 2006, pp. 759–780.

Rowley C., Cormier K. Accent or not? Language attitudes towards regional variation in British Sign Language. *Applied Linguistics Review*, 2023, no. 14 (4), pp. 919–943.

Schembri A., Johnston T. Sociolinguistic variation in the use of fingerspelling in Australian Sign Language: A pilot study. *Sign Language Studies*, 2007, no. 7 (3), pp. 319–347.

Schembri A. British Sign Language corpus. Project: Open access archives and the observer's paradox. *Proceedings of the 3rd Workshop on the Representation and Processing of Signed Languages: Construction and Exploitation of Sign Language Corpora. International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2008), Marrakech, Morocco*. European Language Resources Association (ELRA), pp. 165–169.

Schembri A., Johnston T. Sociolinguistic aspects of variation and change. *Sign Language: An International Handbook*. Ed. by R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll. New York, Mouton De Gruyter, 2012, pp. 788–816.

Schembri A., McKee D., McKee R., Pivac S., Johnston T., Goswell D. Phonological variation and change in Australian and New Zealand Sign Languages: The location variable. *Language Variation and Change*, 2009, no. 21 (2), pp. 193–231.

Scollon R. Multimodality and the language of politics. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. by K. Brown, 2nd ed. Oxford, Elsevier, 2006, pp. 386–387.

Senghas R. J., Monaghan L. Signs of their times: Deaf communities and the culture of language. *Annual Review of Anthropology*, 2002, no. 31 (1), pp. 69–97.

Stamp R. Do signers understand regional varieties of a sign language? A lexical recognition experiment. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 2016, no. 21 (1), pp. 83–93.

Stokoe W. C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American Deaf.

Journal of Deaf Studies and Deaf Education, 2005, no. 10 (1), pp. 3–37.

Sutton–Spence R., Woll B., Allsop L. Variation and recent change in fingerspelling in British Sign Language. *Language Variation and Change*, 1990, no. 2 (3), pp. 313–330.

Turner G. H. Exploring British experiences of deafhood and language in hypermodernity. *Sociolinguistics in Deaf Communities: To the Lexicon and Beyond — Sociolinguistics in European Deaf Communities*, 2004, no. 10, pp. 248–263.

De Vos C., Pfau R. Sign language typology: The contribution of rural sign languages. *Annual Review of Linguistics*, 2015, no.1 (1), pp. 265–288.

Washabaugh W. Sign language in its social context. *Annual Review of Anthropology*, 1981, no. 10 (1), pp. 237–252.

Washabaugh W. The acquisition of communicative skills by the Deaf of Providence Island. *Semiotica*, 1986, no. 62 (1–2), pp. 179–190.

Woodward J. C. Implications for sociolinguistic research among the Deaf. *Sign Language Studies*, 1972, no. 1, pp. 1–7.

Woodward J., Erting C., Oliver S. Facing and hand(l)ing variation in American Sign Language phonology. *Sign Language Studies*, 1976, no. 10 (1), pp. 43–51.

Woodward J. Attitudes toward deaf people on Providence Island: A preliminary survey. *Sign Language Studies*, 1978, no. 1, pp. 49–68.

Zaytseva G. *Zhestovaya rech'. Daktilologiya* [Sign Language. Dactylogogy]. Moscow, VLADOS Publ., 2000. 190 p.

Zorzi G., Giustolisi B., Aristodemo V., Cecchetto C., Hauser C., Quer J., Sánchez Amat J., Donati C. On the reliability of the notion of native signer and its risks. *The Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 2022, no. 15 (4), pp. 422–437.

Жестовый язык в среднем профессиональном образовании и усваиваемость материала глухими студентами

Анастасия Москвичева
Колледж малого бизнеса
№ 4, Москва, Россия
punda@mail.ru

Ключевые слова:
жестовый язык, жесты,
студенты, графический
дизайн, обучение.

В статье рассматривается проблема усваиваемости учебного материала в виде практических заданий и презентаций глухими студентами СПО. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме: необходимости использования жестового языка в работе преподавателя со студентами. Определяется необходимость и целесообразность использования жестового языка глухим преподавателем на уроках, выявляется момент понимания студентами терминов и задач при использовании русского жестового языка. Целью статьи является рассмотрение актуальности применения жестового языка на уроках всех учителей, работающих с глухими, для разъяснения сложных моментов учебного процесса. Эмпирическая база исследования основана на наблюдениях за учениками: насколько они полно воспринимают подаваемый материал глухим преподавателем? Выводы формируются исходя из практических работ, выполненных глухими учащимися. Отмечено, что благодаря жестовому языку эффективность выполнения практических работ становится максимально высокой.

Опыт работы преподавателем в звене среднего профессионального образования (СПО) с глухими и слабослышащими студентами показывает необходимость использования жестового языка. С этим согласны и мои коллеги по Колледжу малого бизнеса № 4. В процессе обучения используются русский язык в устной и письменной форме, дактилология, калькирующая жестовая речь и жестовый язык.

Важно то, с каким уровнем развития словесной речи и словарным запасом приходит обучающийся в колледж. Это заметно ощущается в самом начале обучения, на старте учебного года. От уровня словарного запаса зависит, какие средства обучения будут использоваться по отношению к этому конкретному студенту. Очевидно, что большая часть обучающихся нуждается в том, чтобы учебный материал был представлен в доступной форме, то есть с использованием жестового языка. Однако не стоит забывать о задаче развития словесной речи.

Чтобы поддержать темп урока, активность мыслительной деятельности, нужно обеспечить комфортное взаимодействие. Опора исключительно на словесную речь и изображение не будет работать: глухие студенты «выключаются» из процесса. Только использование, в зависимости от ситуации и уровня развития студентов, жестового языка в совокупности с калькирующей жестовой речью (КЖР) может дать результат. В КМБ № 4 есть слабослышащие учащиеся, которые предпочитают словесную речь, а есть и глухие, не понимающие и не использующие КЖР. В этом случае преподавателю необходимо применить все свое педагогическое мастерство, использовать и КЖР, и РЖЯ.

На уроках используются информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), которые позволяют широко задействовать средства иллюстративно-изобразительной наглядности. Электронная презентация облегчает понимание и запоминание наиболее существенных понятий, примеров. Но этого недостаточно для успеха. Важна и речь самого учителя, объяснение непонятного.

Определение соотношения средств обучения, адекватного развитию обучающегося, и целей занятия — залог успешности обу-

чения. Однако эта задача представляется нам трудной в связи с тем, что уровень подготовки, степень психофизиологического развития учащихся колледжа и их потенциальные возможности в освоении материала существенно различаются. В данном случае рекомендуется применять дифференцированный подход.

По мнению Галины Зайцевой, недопустимо, чтобы жестовый язык выступал в качестве ведущего речевого средства на протяжении всего урока. Ведь тогда игнорируется одна из основных задач специальной школы — необходимость постоянной работы по совершенствованию словесной речи учащихся, в том числе работы по упрочнению навыков зрительного и слухо-зрительного восприятия речи. С другой стороны, если совсем исключить жесты, то контакт с учеником, особенно «слабым», нарушится, и занятие может не достигнуть цели.

Для того, чтобы правильно спланировать включение жестового языка в урок, необходимо соблюдать методические требования:

- жестовый язык используется строго в соответствии с общими и специальными задачами урока;
- включение жестового языка в систему речевых средств урока проводится с учетом своеобразия развития и функционирования этой системы, специфики ее лингвистической структуры;
- применение жестового языка планируется с учетом специфики учебной дисциплины, особенностей контингента учащихся;
- использование жестового языка обязательно сочетается с применением словесных средств, с решением актуальнейшей задачи — совершенствования словесной речи учащихся.

Таким образом, жестовый язык на уроке должен помочь слабому ученику усвоить учебный материал и расширить его лексический словарь через синтез жеста, который ученик знает, и слова,

которое он узнает и усваивает с помощью жеста. В то же время присутствие жестового языка на уроке не должно тормозить использование словесной речи в ее устной и письменной формах, совершенствования навыка ее слухо–зрительного и зрительного восприятия у учащихся с достаточно высоким уровнем слухо–речевого и познавательного развития. Далеко не все могут понять длинные предложения в презентациях, тексты из учебников.

И поэтому, в связи с вышесказанным, в мои учебные презентации поначалу включены простые предложения, не изобилующие отвлеченными понятиями. Затем вводятся более сложные предложения уже в практические задания. Включение сложных лексико–грамматических конструкций в практические задания обусловлено тем, что по окончании обучения студентам придется работать и со слышащими заказчиками, с менеджерами типографий, представителями полиграфии и общаться с ними с помощью словесной речи, слышать от них профессиональные термины. При получении заданий большая часть времени уходит на разбор технической части: как верно понять бриф «Пожелания клиента», как выполнить задание, в какой форме сдать, как представить работу. Весь этот разбор проходит, разумеется, на жестовом языке. Иначе учащиеся могут ничего не понять и не успеть.

На уроке по дисциплине «Многостраничный дизайн» была тема «Модульная сетка разворота журнала». Обучающимся было проще разобраться в материале с помощью пиктограмм, нежели смотреть текстовые слайды презентации и запоминать термины. Объяснение темы основано на пиктограммах (точнее, на условных рисунках) и анализе готового дизайна с помощью РЖЯ.

Пример с урока: на занятии по многостраничному дизайну было практическое задание изучить модули и сетку разворота журнала. В данном материале много терминов, обучающимся сложно сразу все объять: и понять, и запомнить, и оперировать терминами в процессе анализа готового дизайна разворота журнала.

В таком случае мы пририсовываем к каждому термину пиктограмму (например, заголовок — в виде прямоугольника, иллю-

страция — в виде прямоугольника, внутри крест-накрест зачеркнутым). Студенты, анализируя дизайн разворота, рисуют на бумаге сетку с пиктограммами, параллельно проговаривая термины (словесно и с помощью РЖЯ), обозначающие эти пиктограммы. Спустя какое-то время они уже запоминают термины и не путаются в них, уверенно верстают разворот, понимая на все 100%, что делают и что верстают, где находится заголовок, а где подзаголовок и цитата, какую выключку брать.

Пример с урока: на доске написано определение слова «паттерн». Это система предсказуемо повторяющихся элементов, которые создают единую структуру. Это «образец, шаблон». Практика показывает, что смысл такого объяснения будет непонятен глухим и слабослышащим студентам. Задание списать определение термина в тетрадь и выучить является полностью бесполезным без предварительного разбора темы на жестовом языке. А понимать значение термина необходимо: студенты по окончании обучения будут встречаться со сложными терминами в процессе работы и выполнения заказов.

Жеста «паттерн» в РЖЯ не существует, как и многих других сложных профессиональных терминов. Нам приходится искать, подбирать средства объяснения материала, изобретать новые жесты и одновременно применять старые. «Паттерн» мы показываем как «одно и то же» + «повтор», но в контексте графического дизайна. Однако зачастую приходится объяснять другие значения слова исходя из контекста (в психологии, рукоделии, инвестировании, медицине и т.д., чтобы расширить словарный запас студентов).

Пример с урока: также смысл функции «создать обтравочную маску» в *Adobe Illustrator* не все обучающиеся понимают. Эту фразу очень долго можно повторять и объяснять ребятам, если не использовать жестовый язык и визуальное представление.

Мы показываем жестами визуально «окно» и «рамку». А за «рамкой» находится скрытое пространство. Этот метод помогает студентам понять смысл данной операции, потребность в ней: скрываем лишнее за «рамкой окна», а в «окне» будет то, что нужно оставить видимым.

Пример с урока: многие студенты не понимают смысла слова «слои», когда речь идет о рабочем инструменте в пакете *Adobe*. Иллюстрация показана на скриншоте. Жестовый язык помогает нам донести до них смысл слова: показываем жестами, как перебирать колоду карт, расставляя по порядку карты. Этот метод помогает студентам разобраться с рабочими слоями и научиться с ними работать. В дальнейшем становится значительно меньше вопросов вида «*А где мой рисунок, я вставил рисунок, и он пропал! Почему его нет нигде?*», меньше времени уходит на постоянное напоминание о том, что есть слои и в них нужно разобраться в поисках пропавшего рисунка.

Пример с урока: на уроках «Разработка ПО» ежедневно применяется ЖЯ. Но, к сожалению, не всегда жестовый язык помогает студентам понимать материал, так как словарный запас у учащихся очень скудный. Преподаватель показывает определение «блок питания» дактилем и жестами как «блок» и «кушать». Не все студенты понимают. Если по-другому подать жестами определение «блок питания» — как «коробка» и «вилка», то учащиеся поймут сразу. Преподаватель дактилировал слово «электроцепь», учащиеся не понимали смысл продактилированного, потому что в их словарном запасе такого слова нет. Если преподаватель пойдет другим путем, жестами покажет «электроцепь» как «электричество» + «цепь», то цель будет достигнута, студенты поймут слово.

Также на одном из уроков было потрачено много времени на разъяснение смысла слова «реконструкция» на жестовом языке. Преподаватель выстраивал цепочку слов, понятных учащимся, на жестовом языке: «купил», «старый дом», «сделал снос стен», «это был ремонт» и т.д.

Отсутствуют многие жесты к словам и терминам в графическом дизайне. Выше в примерах я показала, как пришлось придумывать самостоятельно жесты к терминам. К числу таких понятий можно отнести: развертка, биговка, УФ-лак, тиснение, вектор, перевести в кривые, выпуски под обрез, ребрендинг, гарнитура, кегль/шрифт, буллит, брендбук/гайдлайн, объект и многие другие.

Другие случаи из практики учителей

Многие ребята не читают до конца слова, предложения. Даже иллюстративно-изобразительный материал в презентации с экрана интерактивной доски мало помогает ребятам в полноценном понимании смысла того или иного слова.

Например, на уроке студенты увидели слово «пушнина». На вопрос учителя «Что это?» ответили: «*Знаем, знаем, Пушкин*». Им был знаком слог ПУШ, и они обрадовались этому. Но изображение демонстрировало шкуры на санях. Преподаватель жестом показал ребятам «пушистый», и им теперь стал понятен смысл слова «пушнина».

Непонимание многозначных слов на примере слова «образование»

Учащиеся читают с доски словосочетание «образование СССР» и трактуют слово «образование» как процесс обучения, формирования умственных способностей. И их не смутил контекст про СССР. Жестом «создание» объяснили студентам новое понимание этого слова.

Омонимичные слова

В процессе обучения в программе *Adobe Photoshop* студенты читают учебное задание. В тексте задания есть фраза: «Нужно сделать эффект стекающего мороженого, будто мороженое растаяло и стекло». Студентов смутило «стекло», потому что знают это слово как существительное, а в виде глагола оно им незнакомо. В этом случае жестовый язык помог им понять и запомнить новый смысл слова.

Любую фразу, любой термин из учебного задания преподавателю нужно всегда разъяснять на жестовом языке для полного понимания смысла студентами. Это важно для самих учащихся. Им после выпуска из колледжа придется работать и контактировать со слышащими, понимать написанное и сказанное ими.

Например, на уроке мы разбирали бриф выдуманного заказчика: «Позиционирование бренда: дешевый продукт для массового рынка». На калькирующей жестовой речи пересказ этой фразы занимал больше 10 минут, это слишком много для учащихся и преподавателя. Но не объяснить нельзя. И на РЖЯ это намного быстрее происходит: «Заказчик (его бренд) хочет, чтобы товар был дешевый, чтобы все могли («ап») купить».

Заключение

Таким образом, жестовый язык на уроке должен помочь «слабому» ученику усвоить учебный материал и расширить словарный запас через синтез жеста, который ученик знает, и слова, которое он узнает и усваивает с помощью жеста. В то же время присутствие жестового языка на уроке не должно тормозить развитие и словесной речи в устной и письменной формах, совершенствование навыка ее слухо-зрительного и зрительного восприятия у учащихся с достаточно высоким уровнем слухоречевого и познавательного развития. В целом объяснение на жестовом языке помогает пониманию материала в значительной степени. Студенты с помощью преподавателя, использующего жестовый язык, должны полностью освоить тему урока, после словесного и письменного изучения закрепить новые знания на практике, а в дальнейшем регулярно и систематически повторять.

Благодарность

Выражаю признательность моим коллегам по работе из Колледжа малого бизнеса № 4 за помощь и консультацию в подготовке материала для доклада, с которым я выступила на конференции «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества».

Comprehensibility of Academic Material for Deaf Students at Secondary Vocational Education (SVE) Programmes Through the Use of Sign Language by the Teacher

Anastasia Moskvicheva

Small Business College
No. 4, Moscow, Russia
punda@mail.ru

Keywords: sign language, signs, students, graphic design, learning.

This article addresses the comprehensibility of academic materials (practical tasks and presentations, for example) to d/Deaf and hard-of-hearing secondary vocational education (SVE) programme students. The article seeks to answer the question of whether teachers should use sign language when interacting with students, and finds that it is both necessary and reasonable for a d/Deaf or hearing teacher to use sign language in the classroom, as this enables d/Deaf students to better comprehend terms and tasks. The study draws on observational evidence of d/Deaf students learning material presented by a d/Deaf teacher in RSL and of practical activities carried out by d/Deaf students. It should be noted that sign language allows both teacher and students to achieve the highest performance in practical activities.

Жестовые имена глухих в России

Юлия Апанасенко

Фонд V—A—C,
Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
julia.apanasenko
@v-a-c.org

Алина Бабаева

Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
alina.babaeva20045
@mail.ru

Тимофей Белов

Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
paddywpt@mail.ru

Илья Жадан

Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
iiyayaili01@gmail.com

Татьяна Лосихина

Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
losixina2001@mail.ru

Ключевые слова:

сообщество глухих,
русский жестовый язык,
жестовое имя, культура
глухих.

Одной из отличительных черт сообщества глухих является наличие у его представителей жестовых имен — особых жестов, которые используются для обозначения разных людей. В этой статье на основе анализа работ по теме и авторского эмпирического исследования описываются способы образования жестовых имен и специфика отношения к ним представителей сообщества глухих и слабослышащих в России. По результатам группового экспертного интервью и опроса представителей сообщества глухих по всей России были изучены особенности появления жестовых имен и их использования, а также было выявлено, что жестовые имена есть не у всех и не все считают его наличие обязательным.

Введение

Статья представляет результаты исследования жестовых имен (далее — ЖИ) в России, которое было проведено в рамках кружка «Исследуя сообщество глухих». В русском жестовом языке (РЖЯ) ЖИ есть у географических объектов, компаний, спортивных команд и т.д., но в этой статье речь пойдет о жестах, обозначающих конкретных людей. Наличие жестового имени наряду с паспортным — одна из многочисленных особенностей сообщества глухих, которая отличает его от сообщества слышащих. Тема жестовых имен ранее уже попадала в фокус внимания российских исследователей, однако мы считаем необходимым дополнить то, что уже известно, и рассмотреть жестовые имена глухих не только как лингвистическую особенность РЖЯ, но и как социальную особенность сообщества глухих, что и стало целью нашего исследования, для чего было необходимо рассмотреть особенности происхождения ЖИ у глухих в России на сегодняшний день и выяснить, как представители сообщества глухих относятся к такому явлению, как ЖИ. В начале исследования был поставлен ряд вопросов. Среди них, например:

- 1) У всех ли представителей сообщества глухих есть ЖИ?
- 2) Обязательно ли наличие ЖИ для вхождения в сообщество?
- 3) Допустимо ли самому себе давать ЖИ?
- 4) При личном общении и в общении от 3-го лица используется одно и то же ЖИ?
- 5) Зависит ли использование ЖИ другого человека от того, кто его придумал?
- 6) Почему ЖИ может не прижиться?

В процессе исследования мы получили ответы на эти и другие вопросы благодаря проведению группового экспертного интервью и опроса. Далее в статье будут рассмотрены работы авторов, изучавших такое явление, как жестовые имена, в России

и за рубежом, а затем описаны методы, с помощью которых было проведено данное исследование и проанализированы результаты интервью и опроса.

Жестовое имя: происхождение и способы образования

Жестовое имя — жест для обозначения конкретного человека в сообществе глухих или человека, связанного с данным сообществом (исследователя РЖЯ, преподавателя в школе для глухих или слабослышащих, переводчика РЖЯ и др.), а также известной или исторической личности¹. Наличие ЖИ может определять вхождение человека в сообщество глухих, так как ЖИ обычно дается человеку другими представителями этого сообщества (родителями, друзьями, коллегами и т.д.), а не самим человеком. ЖИ является элементом идентичности глухого или слабослышащего. Многие исследователи подчеркивают, что использование ЖИ важно для социализации, потому что установление связей в сообществе обычно зависит от общения с другими представителями сообщества глухих, а не только с членами семьи^{2,3}.

Рейчел Локкер Макки и Дэвид Макки отмечают, что чаще всего ЖИ появляется в школах для глухих, где дети начинают формировать свое сообщество. Выбор жестовых имен, которые дают друг другу глухие дети или взрослые, определяется социальными нормами сообщества и визуальной модальностью жестового языка, на котором общаются представители сообщества. Глухие люди в основном воспринимают информацию зрительно, а не на слух, поэтому и появляются ЖИ, ведь глухие дети не слышат обращения к ним по имени и сами не проговаривают имена других людей⁴.

1 *Есипова М. В.* Происхождение и функционирование жестового имени в лингвокультуре глухих // Moscow University Young Researchers Journal: Languages, Cultures and Area Studies. — 2013. — № 1. — P. 1–5.

2 Там же.

3 *McKee R., McKee D.* Name signs and identity in New Zealand Sign Language // Bilingualism and Identity in Deaf Communities. Sociolinguistics in Deaf Communities Series, vol. 6 / ed. by M. Meetzger. — Gallaudet University Press, 2000. — P. 1–24.

4 Ibid.

Важным отличием ЖИ от звукового имени (*spoken name*), которое дается при рождении, является то, что оно используется не для личного обращения, а почти всегда для референции, как правило, по отношению к 3-му лицу, которого нет в поле зрения говорящего^{5,6}, — то есть ЖИ не используется для того, чтобы позвать кого-то. Для привлечения внимания глухого, как правило, используются универсальные способы — например, можно дотронуться до него⁷. В своей статье «Происхождение и функционирование жестового имени в лингвокультуре глухих» Мария Есипова отмечает, что восприятие ЖИ как клички или прозвища является некорректным, так как ЖИ сопоставимо звуковому имени, оно «нейтрально и не обладает дополнительными коннотациями»⁸.

ЖИ может появиться в любом возрасте. Если у глухих родителей родился глухой ребенок, они могут дать ему ЖИ при рождении или в раннем детстве. Если глухой ребенок родился в семье слышащих, он может получить ЖИ при вхождении в сообщество, например при начале обучения в школе для глухих или слабослышащих или при поступлении в университет и знакомстве с другими представителями сообщества. В течение жизни ЖИ человека может меняться из-за изменения круга общения и сообщества, в котором он находится. Прежнее ЖИ может сохраняться, поэтому возможно наличие у одного человека нескольких ЖИ, которые используются в разных сообществах или отражают разные аспекты его идентичности⁹.

Существуют несколько способов образования жестового имени. Источником ЖИ может быть фамилия (Зайцева — ЗАЯЦ). В таком случае ЖИ образуется через звуковой язык. Также ЖИ может быть

- 5 Есипова М. В. Происхождение и функционирование жестового имени в лингвокультуре глухих // Moscow University Young Researchers Journal: Languages, Cultures and Area Studies. — 2013. — № 1. — P. 1–5.
- 6 Буркова С. И., Киммельман В. И. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. — 356 с.
- 7 Börstell C. Types and trends of name signs in the Swedish Sign Language community // SKY Journal of Linguistics. — 2017. — № 30. — P. 7–34.
- 8 Есипова М. В. Происхождение и функционирование жестового имени в лингвокультуре глухих // Moscow University Young Researchers Journal: Languages, Cultures and Area Studies. — 2013. — № 1. — P. 1–5.
- 9 Там же.

связано с внешностью (ВЫСОКИЙ) или отличительной манерой поведения (УБИРАТЬ ЧЕЛКУ СО ЛБА, ПОПРАВЛЯТЬ ОЧКИ). Бывает, ЖИ зависит от хобби или профессии человека (СКРИПКА, ПАРАШЮТ). ЖИ также может отражать личные качества человека (ВЕСЕЛЫЙ) или отмечать факт биографии, например место рождения (РЯЗАНЬ). ЖИ может достаться от родителей или по браку. Иногда ЖИ — это инициалы человека (Н или ВЗ)^{10, 11}.

Методы исследования

В своем исследовании в качестве методов мы использовали экспертное интервью и опрос. На первом этапе было проведено групповое интервью с четырьмя экспертами. При выборе экспертов нам было важно, чтобы они являлись представителями сообщества глухих, занимались его развитием и были знакомы с темой. В качестве экспертов выступили Екатерина Савченко — преподаватель РЖЯ, консультант по раннему развитию глухих детей; Елена Соловейчик — директор УМЦ ВОГ, преподаватель РЖЯ, эксперт по оценке квалификации переводчиков РЖЯ; Дарья Семёнова — директор Центра образования глухих и жестового языка имени Г. Л. Зайцевой, преподаватель РЖЯ, и Владимир Базоев — бывший председатель МГО ВОГ, кандидат педагогических наук и преподаватель дисциплин «Культура и история глухих» и «Профессиональная этика переводчиков жестового языка» в Московском государственном лингвистическом университете. Интервью проводилось в Доме культуры «ГЭС-2». Все эксперты дали согласие на публикацию их имен и цитат из интервью в тексте статьи. В ходе обсуждения велась запись на камеру, отдельные цитаты из интервью представлены в тексте статьи.

В начале интервью мы попросили экспертов рассказать истории возникновения их ЖИ и о своем отношении к ним, а затем задали им вопросы, составленные на основе взятых нами для изучения в рамках исследований. Ниже приведен список ключевых вопросов исследования:

10 Там же.

11 Комарова А. А. Сообщество глухих и жестовый язык. — М.: Центр образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, 2022. — 304 с.

- 1) Почему у глухого человека может вообще не быть ЖИ, если это часть культуры глухих?
- 2) Может ли человек отказаться от своего ЖИ, если оно ему не нравится, не подходит или обижает его?
- 3) Почему ЖИ может прижиться или не прижиться? От чего зависит его срок?
- 4) Уместно ли просить, чтобы собеседник рассказал историю происхождения своего ЖИ?
- 5) Нужно ли придумывать ЖИ известным людям, которые занимают высокие должности, или это неуважение по отношению к ним? Возможен ли вариант выбирать ЖИ известным людям путем опроса или голосования?
- 6) Если слышащий человек получил ЖИ, означает ли это, что его приняли в сообществе глухих?

На какие-то вопросы эксперты давали схожие ответы, но бывало и так, что их мнения расходились. В следующей главе мы более подробно рассмотрим ответы участников группового интервью.

Далее на основе результатов интервью мы разработали анкету для количественного опроса, которая была разделена на блоки вопросов — о происхождении жестовых имен, об отношении людей к своим жестовым именам, о необходимости наличия жестового имени и об использовании жестовых имен других людей. Опрос был проведен в онлайн-формате среди представителей сообщества глухих и тех, кто имеет отношение к сообществу, в нескольких городах России (половина прошедших опрос — из Москвы и Подмосковья, вторая половина — из других городов России и других стран). Анкета была размещена в *Telegram*-канале «ГЭС-2: Глухие и звонкие», а затем глухие распространяли ее в своих личных *Telegram*-каналах, благодаря чему анкету заполнило значительное количество людей. Общая выборка исследования составила 304 человека. Среди них —

глухие (43,4%), слабослышащие (31,3%) и слышащие люди (21,7%), в том числе CODA (слышащие дети глухих родителей, 3,6%, илл. 1) разных возрастов (в основном от 19 до 45 лет, илл. 2). Проходили опрос преимущественно женщины (81,3%). Учитывая эти факторы, мы не можем применить результаты, описанные ниже, ко всем представителям сообщества. Дальнейший анализ результатов опроса проводился статистическим методом с помощью пакета для анализа данных SPSS.

Наличие жестового имени и его происхождение

При изучении вопроса о наличии жестового имени у глухих, слабослышащих и других представителей сообщества благодаря проведенному опросу было выявлено, что у подавляющего большинства (73% опрошенных) есть жестовое имя. Жестового имени нет или о нем не знают 27% опрошенных (илл. 3). На илл. 4 можно увидеть, что значимых различий в ответах представителей разных групп нет. В каждой группе у большинства респондентов есть ЖИ, но среди глухих процент людей, имеющих ЖИ, все же самый высокий.

Илл. 5 показывает, что у представителей сообщества в возрасте до 18 лет часто нет ЖИ, а у более взрослых людей в основном есть ЖИ. Можно сделать вывод, что у многих людей ЖИ появляется после 18 лет. Среди них — слышащие люди, которые стали узнавать о сообществе и связали свою жизнь с ним во взрослом возрасте.

Ранее в статье обсуждался вопрос о том, может ли у человека быть несколько ЖИ. Мы задали вопрос о количестве ЖИ нашим респондентам. У большинства опрошенных (62,9%) одно жестовое имя, но есть люди, у которых два (28,8%) или даже три (8,3%) жестовых имени (илл. 6). Во время интервью эксперты объяснили это включенностью человека в разные социальные группы, что уже было отмечено выше: *«В разных компаниях могут использоваться разные жестовые имена при упоминании об одном и том же человеке. Есть такие люди, у которых 2 или 3 жестовых имени из-за разного окружения. Среди близких друзей у них одно жестовое имя, а на работе — другое»* (Савченко).

Количество жестовых имен может меняться в течение жизни. Бывает, что ЖИ закрепляется за человеком надолго, но случается и так, что не приживается. Эксперты в ходе интервью также указывали на то, что ЖИ может меняться на разных этапах биографии: *«Во время учебы в школе может использоваться одно жестовое имя, а когда человек взрослеет, ему это жестовое имя уже не подходит. Бывает, что человек начинает работать в слышащем коллективе и теряет связь с миром глухих, тогда жестовое имя становится неактуальным. Или человек чувствует, что его жестовое имя ему не подходит, и окружение может дать ему новое»* (Соловейчик).

При изучении вопроса о происхождении жестового имени в анкете были заданы следующие вопросы: в каком возрасте появилось жестовое имя; в какой ситуации/месте; кто дал основное жестовое имя; от чего произошло ваше жестовое имя. Исходя из ответов респондентов, у большинства жестовое имя появилось в возрасте после 18 лет (45%). 39% ответили, что ЖИ появилось в возрасте от 8 до 18 лет. Наименьшие показатели были у возрастов до 3 лет (2%) и от 3 до 7 лет (5%). Также присутствовали опрошиваемые, которые затруднились ответить на данный вопрос, их численность составила 8% (илл. 7).

В качестве основных мест появления жестового имени были выделены: школа (с наибольшим показателем ответов — 31%); друзья (26%); работа (10,8%); курсы РЖЯ (8%); семья (7,2%), университет (5,6%) интернет (2,8%), колледж (2%), детский сад (1,2%) — илл. 8.

Респондентам также был задан вопрос, кто чаще всего дает человеку постоянное ЖИ — то, которым человек будет пользоваться на протяжении длительного времени или даже всей оставшейся жизни. 33,7% отвечающих рассказали, что постоянное ЖИ им придумали друзья. 7,5% опрошиваемых ответили, что ЖИ, которое закрепилось на долгие годы, им дали родители. Варианты «однокурсники» и другие малочисленные были в пределах 3,6% и 3,2% (илл. 9). Есть и те, кто сами себе дали ЖИ, несмотря на то, что существует мнение о недопустимости такого. Например, как показывают исследования в сообществе глухих, не принято самому себе давать ЖИ — и особенно это касается слышащих

людей, потому что они могут выбрать неподходящее ЖИ или то ЖИ, которое уже используется в сообществе для обозначения другого человека¹². В ходе группового интервью эксперты высказали мнение о том, что у представителя сообщества есть выбор — самому себе дать ЖИ, но оно может не прижиться, это будет зависеть от окружения.

Из опроса мы также узнали о том, от чего произошли ЖИ наших респондентов (илл. 10). Среди наиболее многочисленных вариантов мы выделили такие, как: особенности внешности, от фамилии, факт биографии, досталось от родителей, манера поведения или черта характера, первая буква имени, инициалы, досталось от мужа/жены — и другие варианты ответа. Наибольшее количество ответов было связано с особенностями внешности и происхождением от фамилии. На следующих местах по популярности были факт биографии и происхождение жестового имени от родителей. В ходе дискуссии особенно оживленное обсуждение вызвал вопрос: считается ли первая буква фамилии или имени полноценным жестовым именем? В итоге эксперты сошлись во мнении, что *«исследования и наблюдения показывают, что такая форма жестового имени действительно встречается среди представителей сообщества»* (Базоев).

«От чего произошло ваше жестовое имя, которое вы используете сейчас?» — не менее важный и интересный вопрос, при ответе на который участники интервью поделились с нами целыми историями. Например, ЖИ Дарьи Семеновой появилось только после 25 лет. ЖИ Екатерины Савченко появилось в раннем возрасте от слова «хвастаться», что характеризовало одно из качеств Екатерины, а ЖИ Елены Соловейчик происходит от слова «птица», что напрямую связано с ее фамилией.

Отношение представителей сообщества к своему ЖИ

Как уже было отмечено ранее, жестовое имя зачастую подчеркивает какую-то особенность внешности человека, например то,

12 Wild R. M. Name Signs in American Sign Language. — Swarthmore College, 2017. — 29 p.

как выглядит нос. Иногда случается так, что жестовое имя не подходит человеку, например, у женщины может быть жестовое имя, которое связано с фамилией или досталось от мужа — жест «усы», но фактически усов у нее, конечно, нет. В связи с этим нам было интересно узнать отношение людей к своему жестовому имени. Большинство опрошенных (41,4%) относятся нейтрально. Четверти опрошенных (25,9%) очень нравится их ЖИ. Многим людям (21,5%) скорее нравится их ЖИ. Но есть также те, кому не нравится их ЖИ, хотя они и в меньшинстве: 7,2% опрошенных скорее не нравится их ЖИ, 4% оно абсолютно не нравится (илл. 11).

Говоря о том, что делать, если человеку не нравится его ЖИ, можно ли от него отказаться, эксперты сошлись во мнении, что поменять ЖИ трудно, так как оно дается другими людьми. Возможность отказаться от своего ЖИ зависит от окружения, от того, примут ли другие люди новое ЖИ. Елена Соловейчик рассказала об одном случае, когда человеку удалось поменять свое ЖИ: он просил людей не использовать ЖИ, которое ему не нравилось, и активно продвигал новое ЖИ — и его приняли. Таким образом, отказаться от своего ЖИ возможно, но сделать это очень сложно.

При знакомстве или во время общения с глухим человеком иногда интересно узнать, как у него появилось ЖИ, однако насколько корректно просить человека рассказывать его историю? Этот вопрос также был задан экспертам, которые отметили, что если человек открыт и готов рассказывать свою личную историю, то спросить можно, но если человек закрыт или не хочет рассказывать о своем ЖИ — это его право. Во-вторых, корректность этого вопроса во многом зависит от самого ЖИ. К примеру, если ЖИ связано с особенностями внешности (например, с большим носом), то спрашивать человека, почему у него такое ЖИ, неприлично. *«Кроме того, говорить о своем жестовом имени уместно, когда вы сблизились. Когда я почувствую, что я готова к длительному общению с человеком, я могу рассказать. Если у нас короткая разовая встреча, это будет неуместно»* (Семенова).

По результатам опроса оказалось, что, действительно, многие люди (27,2%) объясняют значение своих ЖИ только после близко-

го знакомства. Большинство опрошенных (33,6%) иногда рассказывают при первой встрече. Почти четверть опрошенных (22,8%) никогда не делятся историей своего ЖИ. И меньшинство (16,4%) всегда объясняют значение ЖИ при первом знакомстве (илл. 12). Можно сделать вывод, что вопрос в самом деле многими респондентами расценивается как личный.

Необходимость наличия ЖИ

Один из первых вопросов, который был задан экспертам в ходе группового интервью, — у всех ли представителей сообщества глухих есть ЖИ. Ответы экспертов разделились. Так, по мнению одних информантов, наличие жестового имени — это неотъемлемая часть жизни глухого человека, использующего жестовый язык: *«Я считаю, что такого не бывает, чтобы у глухого или слабослышащего не было жестового имени. У всех есть жестовые имена. Это обязательно. Если кто-то говорит, что у него нет жестового имени, то он ошибается. Человек может не знать, что у него есть ЖИ. Глухие же не могут позвать человека голосом, не используя жесты»* (Базоев).

Другие участники дискуссии выразили противоположное мнение, указывая, что *«у глухого может не быть жестового имени»* (Савченко), так как бывает, что ЖИ не приживается либо у человека простое короткое имя, и его легко продактилировать. Аналогичный вопрос был также задан в опросе. Больше половины, 57%, выбрали ответ *«Да, жестовое имя должно быть обязательно»*. Менее половины, 43%, выбрали ответ *«Нет, глухой или слабослышащий может спокойно жить и без ЖИ»* (илл. 13).

При этом интересно распределение голосов среди респондентов: ответ «Да» выбрали глухие участники опроса (68%), слабослышащие участники (48%), слышащие участники (57%) и CODA (28%) — илл. 14. Однако объяснение того, почему среди CODA небольшой процент положительных ответов, требует дополнительного исследования. Высокий процент слышащих, считающих, что ЖИ обязательно, может быть связано с тем, что многим слышащим людям на первом занятии по РЖЯ (на курсах или в университете) дают ЖИ. Глухие преподаватели показывают свои ЖИ и рассказывают

об этом явлении, и слышащие зачастую считают, что это одна из главных особенностей культуры глухих.

Как можно видеть на илл. 15, те, у кого есть ЖИ, в большинстве своем считают его наличие обязательным, а большинство тех, у кого нет ЖИ, думают, что у представителя сообщества глухих может не быть ЖИ. Мы видим, что наличие или отсутствие ЖИ может быть связано с мнением человека о том, обязательно иметь ЖИ или нет. На илл. 16 мы можем увидеть, что высок процент респондентов (72%), считающих, что наличие ЖИ обязательно среди тех, кто учился или учится в школе для глухих. Вероятно, там более развита культура использования жестовых имен, чем в других школах.

Использование ЖИ других людей

Также мы хотели выяснить, что чаще делают респонденты, когда говорят о ком-то: используют ЖИ или дактилируют имя. Около четверти опрошенных, 28%, выбрали ответ *«Чаще показываю ЖИ»*, 10,9% выбрали ответ *«Чаще дактилирую имя»*, 56,6% используют тот вариант, который устраивает собеседника (*«Все зависит от человека, иногда ЖИ, иногда дактилирую инициалы»*), 4,6% затруднились ответить (илл. 17).

При этом интересно распределение голосов среди респондентов (илл. 18): ответ *«Жестовое имя»* предпочитают слышащие участники опроса (39,9%), глухие участники (28,03%), CODA (27,27%), слабослышащие участники (20%). Дактилирующих имя оказалось больше всего среди слабослышащих (13,68%) и слышащих (12,12%), а также среди CODA (9,09%); реже всего дактилируют имя глухие участники опроса (8,33%). Самую большую популярность у всех групп респондентов имел ответ *«Зависит от человека, иногда ЖИ, иногда инициалы»* (64,2% у глухих, 31,82% у слышащих). Интересно и ожидаемо также то, что респонденты, у которых есть ЖИ, чаще его используют, в отличие от тех, у кого ЖИ нет (илл. 19).

Отдельный блок вопросов был посвящен использованию ЖИ для известных людей. Так, в ходе экспертного интервью подняли

тему, нужно ли придумывать ЖИ популярным людям. Соловейчик высказала следующее мнение: *«Если человек часто упоминается в новостях, на телевидении, то ему нужно дать ЖИ»*. Семенова согласилась и добавила: *«Все просто устанут дактилировать имя человека, если о нем часто говорят в новостях. Если же человек малоизвестный и занимает какую-то второстепенную должность, то его имя будут дактилировать. Придумывать ЖИ в таком случае необязательно»*. В ходе обсуждения было выявлено, что в России в целом у очень малого количества известных или занимающих значимые должности людей есть жестовые имена.

Для того, чтобы уточнить, что на этот счет думают представители сообщества глухих, в анкете был размещен вопрос: *«Как вы думаете, корректно ли использовать жестовые имена популярных людей (звезд эстрады и кино, политиков, культурных деятелей) во время репортажей на телевидении или в СМИ?»* Ответы распределились следующим образом: *«Да, корректно, но только для тех людей, ЖИ которых все знают»* выбрали 44,07%; *«Нет, лучше дактилировать»* выбрали 23,07%, *«Да, в любом случае лучше ЖИ»* — 23% опрошенных; и только 8,06% предпочли *«Да, корректно, но только не для людей, которых очень уважают»* (илл. 20).

Таким образом, опрошенные респонденты скорее согласны с мнением, что *«использовать ЖИ известных людей абсолютно нормально, потому что это часть культуры глухих, в этом нет ничего грубого и постыдного»* (Семенова).

Заключение

В данной статье феномен жестовых имен рассмотрен как социальная особенность сообщества глухих. Исследование показало, что хотя жестовое имя — неотъемлемая часть культуры глухих и слабослышащих, а появление ЖИ у слышащего — *«это первый шаг на пути возможного вхождения в сообщество»* (Семенова), оно есть не у всех, а также не все считают его наличие обязательным. Было обнаружено, что обычно жестовое имя связано с именем, фамилией и особенностями внешности человека, но жестовым именем могут быть и дактилемы. Обычно человек получает свое жестовое имя в основном до 18 лет от своего социального

окружения, причем у одного человека может быть несколько жестовых имен, если он принадлежит к разным, не связанным между собой компаниям, либо даже может выбрать его сам, однако это вовсе не означает, что такое имя обязательно закрепится за ним. Все же ЖИ определяется социальными нормами сообщества и в этом смысле является скорее социальным, нежели лингвистическим феноменом.

Библиография

Буркова С. И., Киммельман В. И. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. — 356 с.

Есипова М. В. Происхождение и функционирование жестового имени в лингвокультуре глухих // Moscow University Young Researchers Journal: Languages, Cultures and Area Studies. — 2013. — № 1. — P. 1–5.

Комарова А. А. Сообщество глухих и жестовый язык. — М.: Центр образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, 2022. — 304 с.

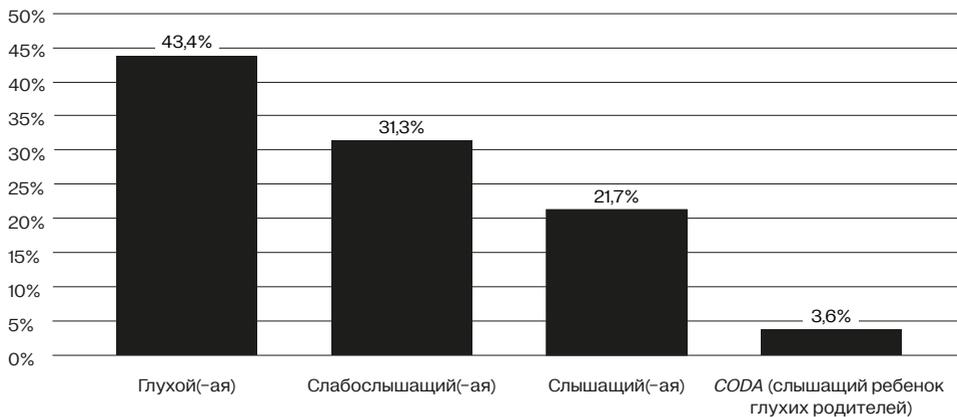
Börstell C. Types and trends of name signs in the Swedish Sign Language community // SKY Journal of Linguistics. — 2017. — № 30. — P. 7–34.

McKee R., McKee D. Name signs and identity in New Zealand Sign Language // Bilingualism and Identity in Deaf Communities. Sociolinguistics in Deaf Communities Series, vol. 6 / ed. by M. Meetzger. — Gallaudet University Press, 2000. — P. 1–24.

Wild R. M. Name Signs in American Sign Language. — Swarthmore College, 2017. — 29 p.

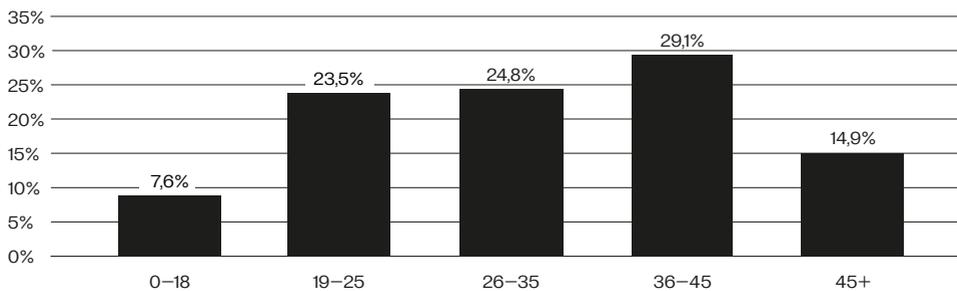
Илл. 1

Вопрос. К какой группе вы принадлежите?

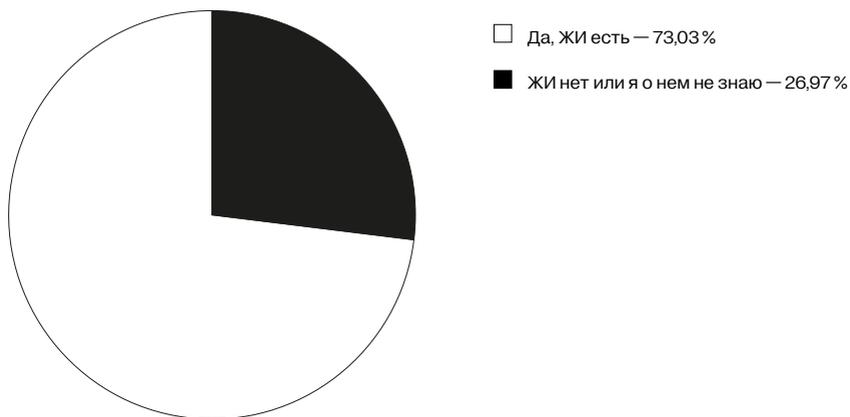

Илл. 2

Возраст

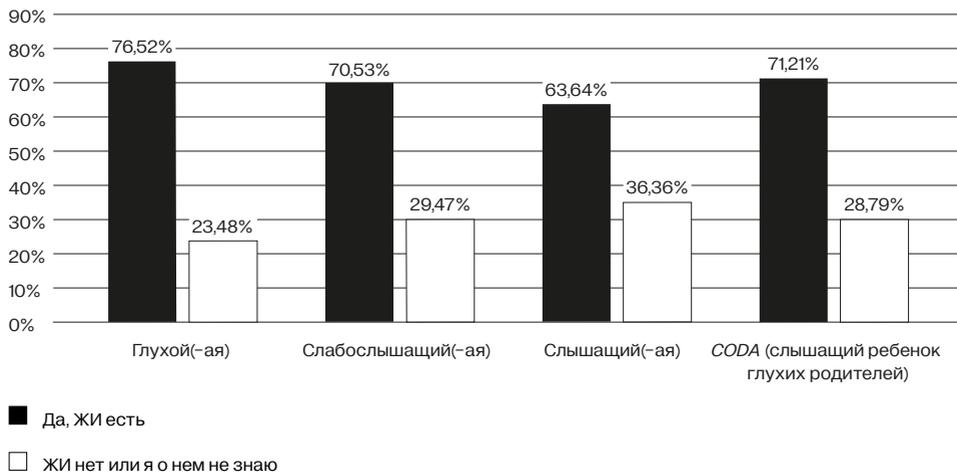

Илл. 3

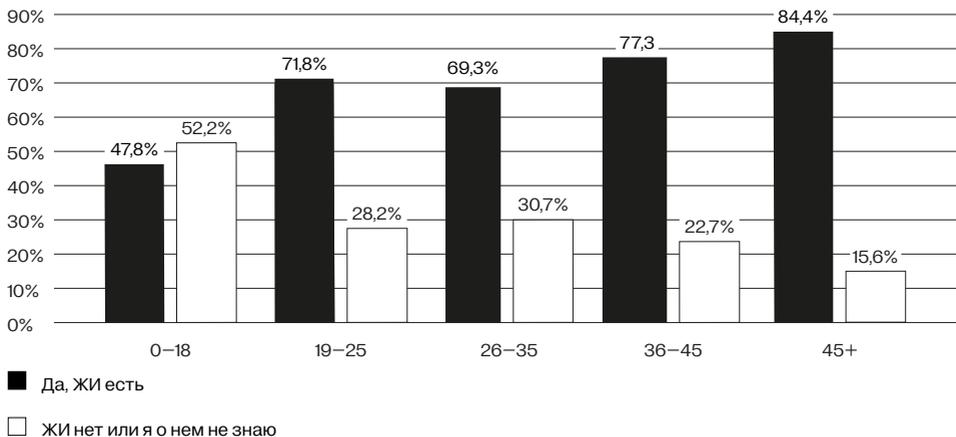
Илл. 4

Принадлежность к группе * Наличие жестового имени

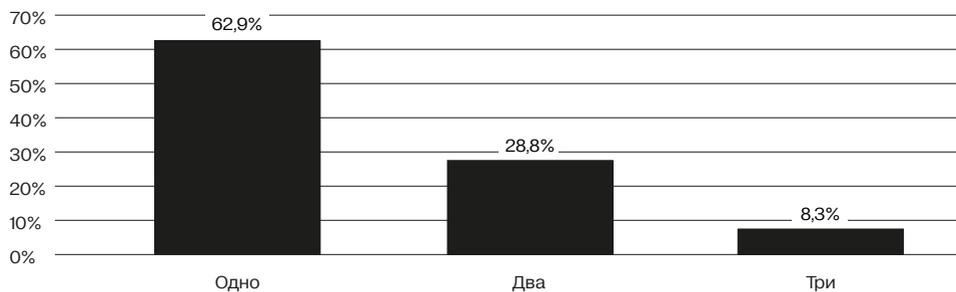
Илл. 5

Возрастные группы * Наличие жестового имени

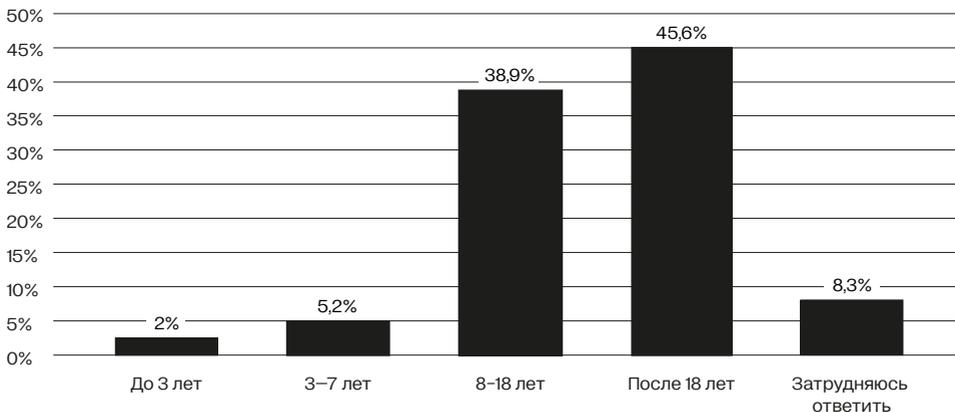
Илл. 6

Сколько у вас жестовых имен, которые сейчас используют ваши друзья, близкие или знакомые?

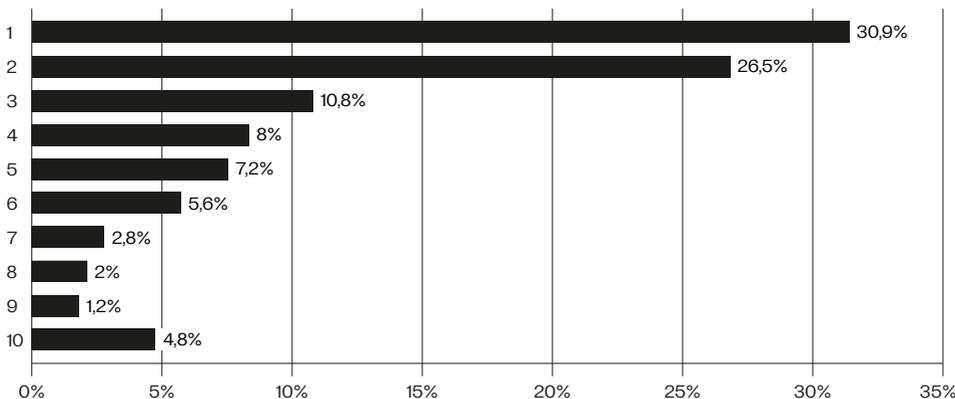
Илл. 7

В каком возрасте у вас появилось основное жестовое имя, которое используется сейчас?

Илл. 8

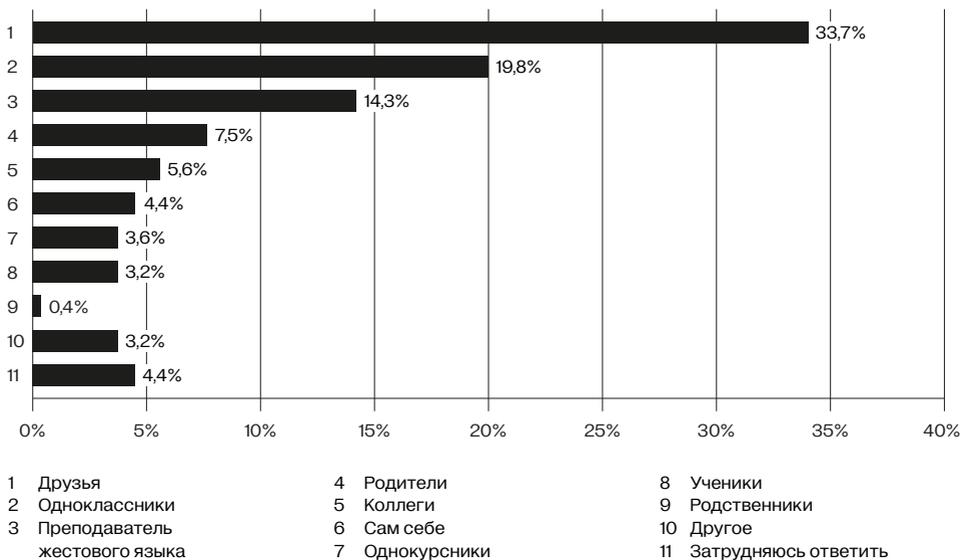
Где вам дали основное жестовое имя, которое используется сейчас?

1 Школа	6 Университет
2 В компании друзей	7 Интернат
3 Работа	8 Колледж
4 На курсах РЖЯ	9 Детский сад
5 Семья	10 Другое

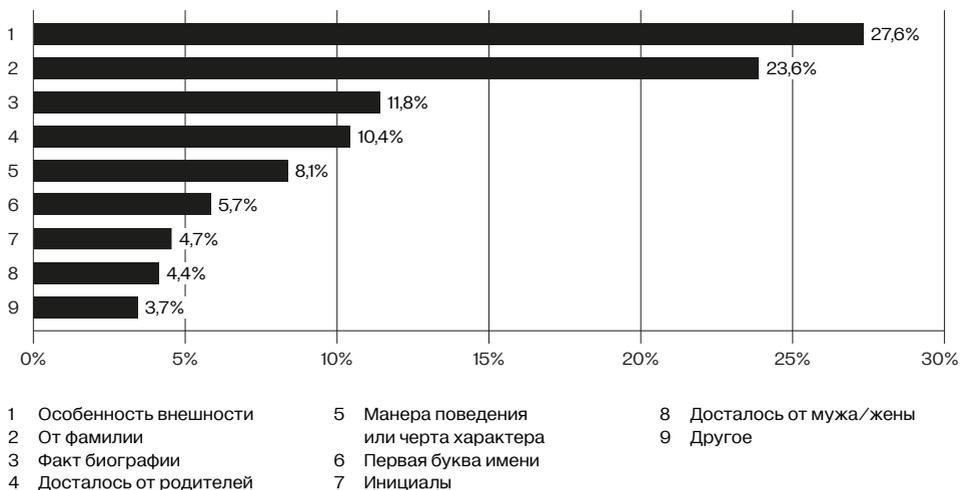
Илл. 9

Кто вам дал основное жестовое имя, которое используется сейчас?

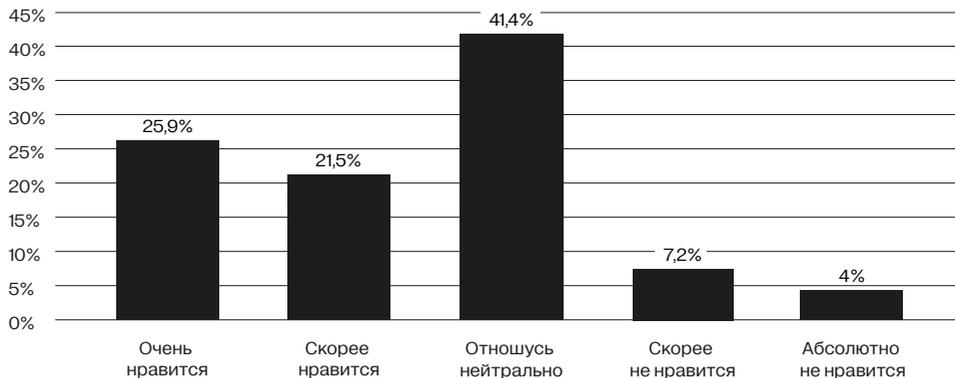
Илл. 10

От чего произошло ваше основное жестовое имя, которое используется сейчас?

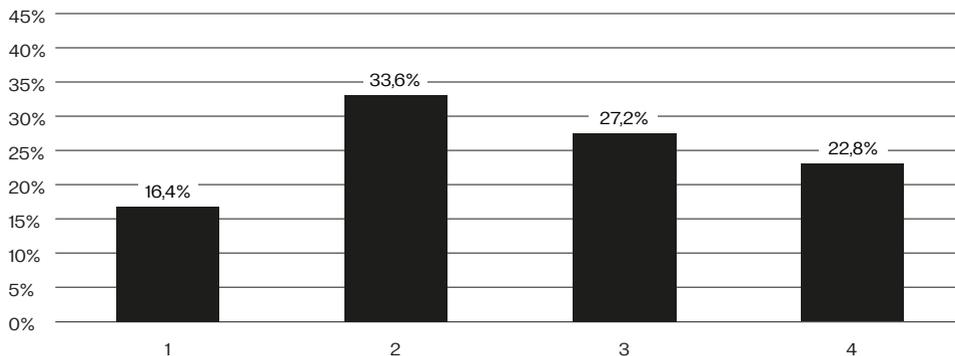
Илл. 11

Вам нравится или не нравится ваше основное жестовое имя?

Илл. 12

Объясняете ли вы значение вашего жестового имени при первом знакомстве или после близкого знакомства?

1 Всегда всем рассказываю значение моего ЖИ при первом знакомстве

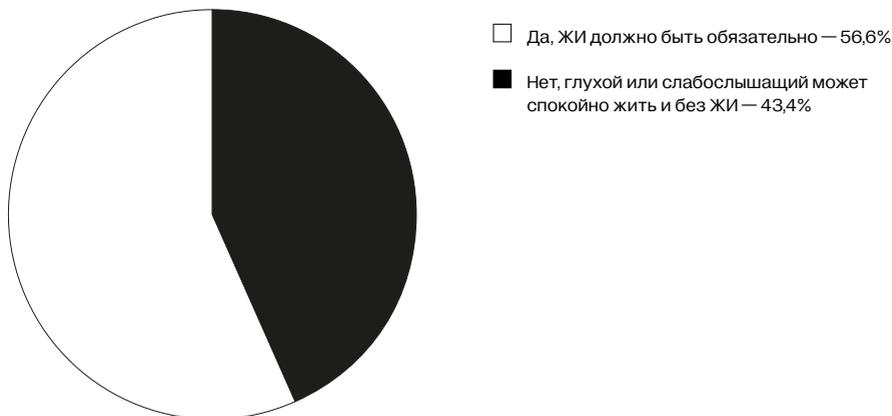
2 Иногда рассказываю значение ЖИ при первом знакомстве

3 Обычно рассказываю после близкого знакомства, близким друзьям

4 Никогда не рассказываю

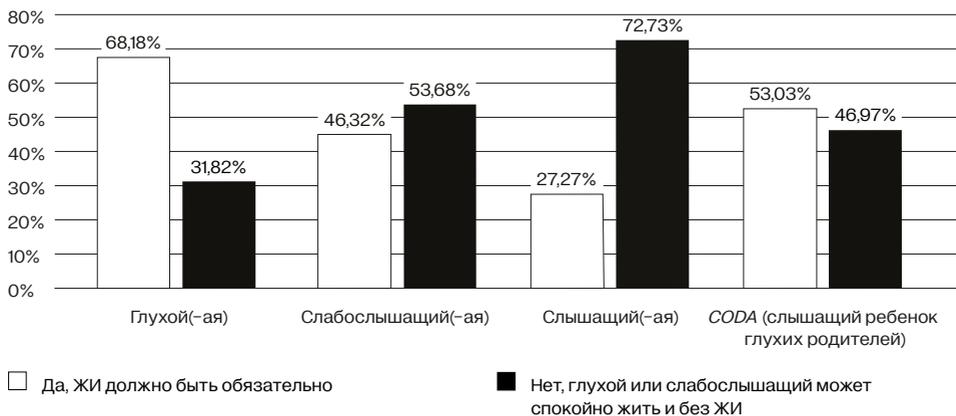
Илл. 13

Как вы считаете, всегда ли у представителя сообщества глухих должно быть жестовое имя?

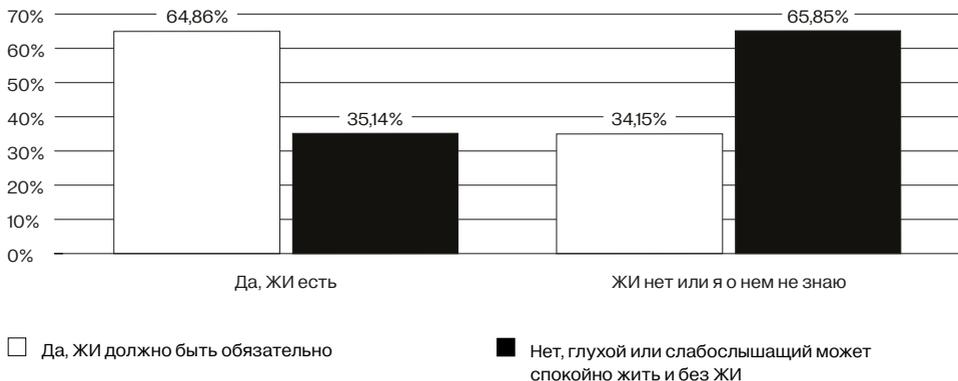
Илл. 14

Мнения разных групп

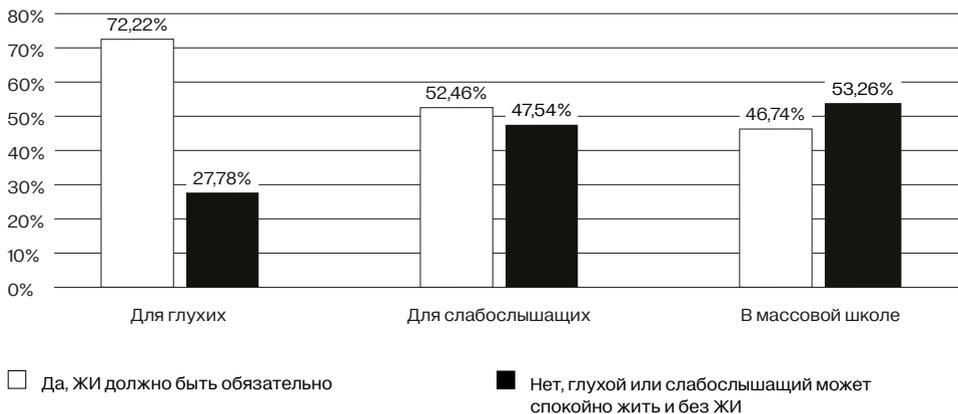
Илл. 15

Наличие жестового имени * Должно ли быть ЖИ

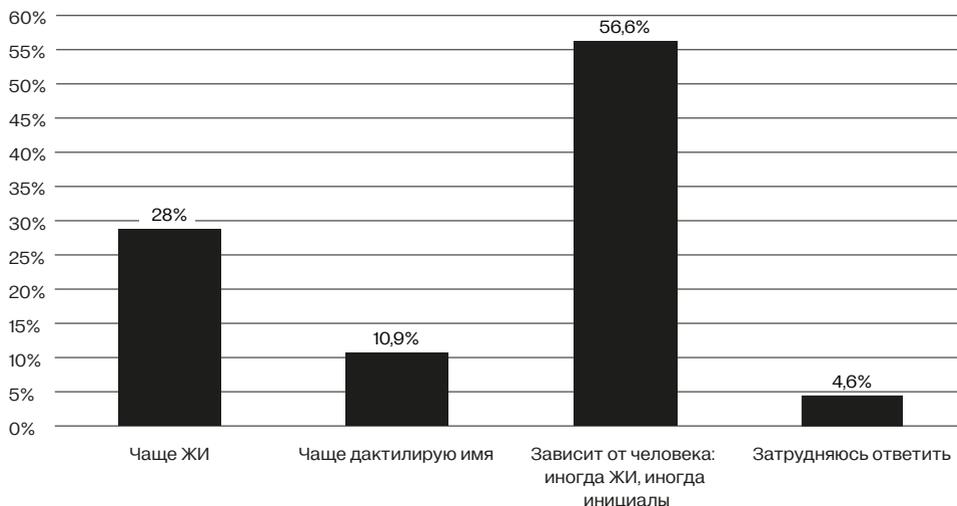
Илл. 16

В какой школе вы учились или учитесь * Должно ли быть ЖИ

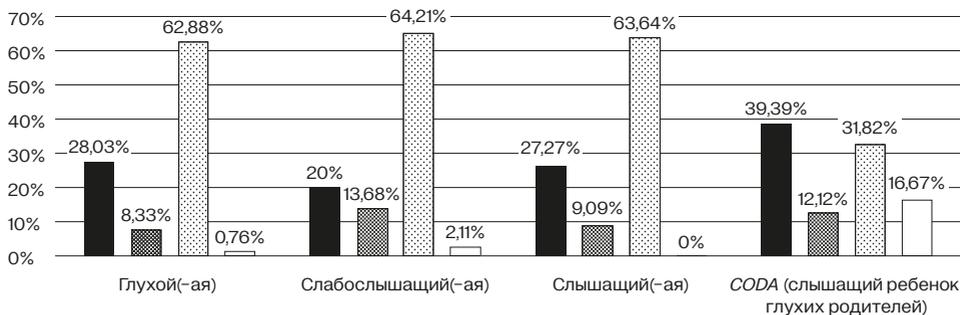
Илл. 17

Когда вы говорите о ком-то, вы чаще используете жестовое имя или дактилируете имя?

Илл. 18

Мнения разных групп

■ Чаще ЖИ

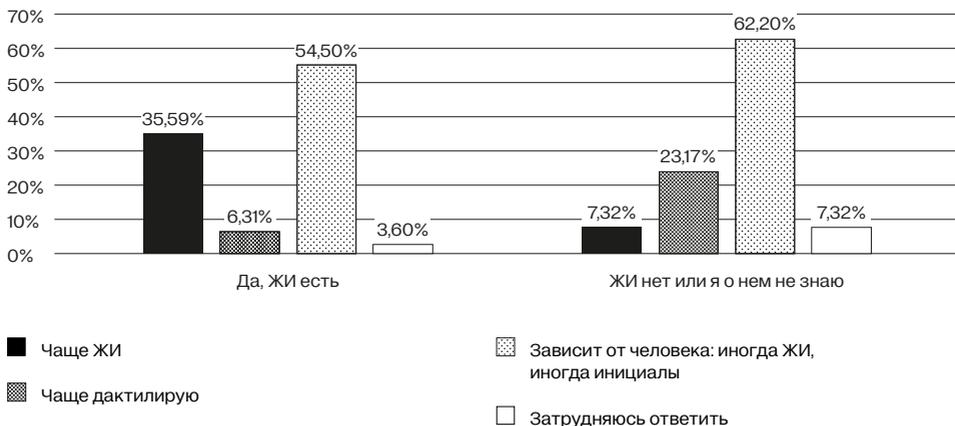
▨ Чаще дактилирую

▤ Зависит от человека: иногда ЖИ, иногда инициалы

□ Затрудняюсь ответить

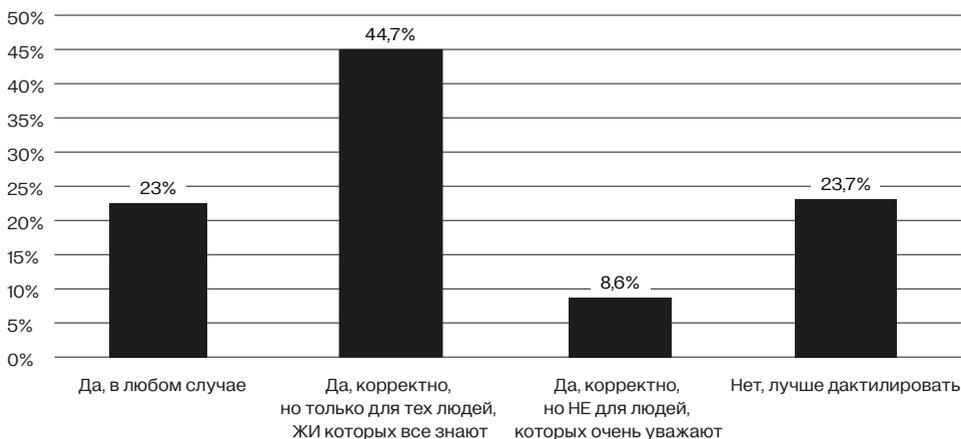
Илл. 19

Наличие жестового имени * Используете ЖИ или дактилируете имя при разговоре

Илл. 20

Как вы думаете, корректно ли использовать жестовые имена популярных людей (звезд эстрады и кино, политиков, культурных деятелей) во время репортажей на телевидении или в СМИ?

**Sign Names of the Deaf
in Russia****Julia Apanasenko**

V–A–C Foundation,
GES–2 House of Culture,
Moscow, Russia
julia.apanasenko
@v-a-c.org

Alina Babaeva

GES–2 House of Culture,
Moscow, Russia
alina.babaeva20045
@mail.ru

Timofey Belov

GES–2 House of Culture,
Moscow, Russia
paddywpt@mail.ru

Tatiana Losikhina

GES–2 House of Culture,
Moscow, Russia
losixina2001@mail.ru

Ilya Zhadan

GES–2 House of Culture,
Moscow, Russia
iiiyayaili01@gmail.com

Keywords: Deaf community,
Russian Sign Language
(RSL), sign name, Deaf
culture.

One of the distinguishing features of the Deaf community is that its members have sign names—special gestures used to refer to specific individuals. Through an analysis of previously published papers on this subject and the authors' own empirical research, this article describes ways of forming sign names and attitudes towards them among representatives of the Deaf and hard of hearing community in Russia. Based on the results of a group expert interview and a survey of Deaf community representatives throughout Russia, this paper explores the complexities and peculiarities of how sign names emerge, how they are used, and why not everyone has a sign name or considers one mandatory.

References

Börstell C. Types and trends of name signs in the Swedish Sign Language community. *SKY Journal of Linguistics*, 2017, no. 30, pp. 7–34.

Burkova S. I., Kimmel'man V. I. *Vvedenie v lingvistiku zhestovoykh yazykov. Russkiy zhestovyy yazyk: uchebnik* [Introduction to the Linguistics of Sign Languages. Russian Sign Language: A textbook]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2021. 356 p.

Esipova M. V. Origin and functioning of the sign name in the linguistic culture of the Deaf. *Moscow University Young Researchers Journal: Languages, Cultures and Area Studies*, 2013, no. 1, pp. 1–5. (In Russian).

Komarova A. A. *Soobshchestvo glukhikh i zhestovyy yazyk* [The Deaf Community and Sign Language]. Moscow, Centre for Education of the Deaf and Sign Language named after G. L. Zaytseva, 2022. 304 p.

McKee R., McKee D. Name signs and identity in New Zealand Sign Language. *Bilingualism and Identity in Deaf Communities. Sociolinguistics in Deaf Communities Series, vol. 6*. Ed. by M. Meetzger. Washington D.C., Gallaudet University Press, 2000, pp. 1–24.

Wild R. M. *Name signs in American Sign Language*. Swarthmore College, 2017. 29 p.

Жестовый язык в онлайн-общении глухих

Никита Большаков

Международная лаборатория исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
nbolshakov@hse.ru

Макар Макаркин

Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
makarmakarKin891@gmail.com

Варвара Меренкова

Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
ext.varvara.merenkova@v-a-c.org

Наталья Ярославкина

Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
arnatka19@gmail.com

Ключевые слова:

онлайн-общение, русский жестовый язык, сообщество глухих, гиф, стикеры, кружочки, БЭЛ, лексика РЖЯ.

В зарубежных исследованиях освещались социальные феномены общения глухих пользователей в онлайн — с возможностью скрывать свою глухоту, заводить в интернете больше «слабых связей» и получать больше информации. В России проводились исследования, выявляющие популярность тех или иных социальных сетей и мессенджеров, предпочтительный способ коммуникации в группах и сообществах для глухих. Наше исследование посвящено анализу опыта использования русского жестового языка (РЖЯ) в онлайн-общении. В ходе исследования был использован метод глубинного интервью, по результатам которого удалось выделить популярные функции в онлайн-общении глухих, рассмотреть возможные правила этикета во время онлайн-общения на РЖЯ и выявить, как использование видеосообщений и видеозвонков влияет на трансформацию РЖЯ в онлайн. В результате исследования было отмечено появление новой формы общения на жестовом языке — своего рода онлайн-РЖЯ, который используется во время видеообщения на жестовом языке, но не переходит в общение вживую.

Введение

Онлайн-общение и социальные сети играют важную роль в повседневной коммуникации глухих и слабослышащих людей. С развитием цифровых технологий интернет-пространство становится все более разнообразным, каждый год появляются новые функции, которые делают общение комфортнее. Например, появление в социальных сетях и мессенджерах видеосообщений и других заменяющих текст и голосовые отправления средств общения облегчают коммуникацию на жестовом языке. Однако в течение нескольких столетий жестовый язык использовался людьми только для коммуникации лицом к лицу, не опосредованной никакими техническими устройствами, поэтому непосредственное использование жестового языка при общении в интернете может быть значительно затруднено: не все жесты возможно исполнить так, как в реальной жизни, качество видео в разных мессенджерах различается, технические особенности разных устройств могут сказываться на особенностях онлайн-общения и т.д.

Представленное исследование посвящено анализу опыта использования РЖЯ в онлайн-общении. Для того, чтобы узнать, в чем заключается влияние РЖЯ на онлайн (и наоборот), были поставлены следующие задачи: во-первых, выделить популярные функции в онлайн-общении глухих; во-вторых, рассмотреть возможные правила этикета в онлайн-общении на РЖЯ; в-третьих, выявить, как использование видеосообщений и видеозвонков влияет на трансформацию РЖЯ; в-четвертых, оценить, какие изменения произошли в онлайн-общении глухих за последнее время и каких функций не хватает для большего удобства общения на РЖЯ. Для решения поставленных задач мы провели интервью с глухими и слабослышащими людьми. План интервью включал в себя несколько блоков вопросов, которые были направлены на выяснение того, как интернет влияет на появление новых жестов и способствует ли переносу некоторых жестов, возникающих во время видеосообщения, в реальную жизнь.

Онлайн-общение глухих людей

Развитие технологий, в том числе технологий коммуникации, всегда непосредственным образом влияло на жизнь глухих и слабослышащих. Виктор Паленный указывает на то, что на основании доступных глухим и слабослышащим людям способов общения может быть произведена периодизация истории становления сообщества¹. Так, время после становления первой школы глухих в Петербурге в 1810 году до создания ВОГ в 1926 гг. Паленный относит к периоду «глухой человек эпохи ограниченного общения с преобладанием личных встреч и достаточно редкой переписки по почте», с 1926 по 1990 наступает время «глухого человека эпохи бумажных писем и телеграмм», за которым в 1990–2001 годах наступает короткий период «глухого человека эпохи факсов и пейджеров». И, наконец, период с 2001 года Паленный называет временем «глухого человека эпохи интернета»². Как можно увидеть из этой классификации, революцию в общении глухих произвело появление средств удаленного текстового общения (факсы, пейджеры, СМС) в конце XX и повсеместное внедрение интернета в начале XXI века. Почти сразу способы использования глухими этих каналов коммуникации попали в фокус внимания исследователей.

Первые исследования онлайн-общения глухих были проведены еще в начале 2000-х годов. Так, австралийские ученые Мэри и Дез Пауэр в 2004 году³ выдвинули тезис о том, что СМС и общение в интернете помогают разрушать коммуникационный барьер между глухими и слышащими, а израильские исследователи Азы Барак и Яэль Садовский⁴ отмечали, что интернет действительно предоставляет возможность общаться «на равных». Появление интернета позволило сделать глухоту и любую другую инва-

- 1 Паленный В. А. История Всероссийского общества глухих. В 3 т. — М.: ОООИ ВОГ, 2011.
- 2 Жадан А. В. Дискурсивные особенности интернет-коммуникации глухих и слабослышащих носителей русского жестового языка. ВКР // МГЛУ, 2020. — С. 12.
- 3 Power M. R., Power D. Everyone here speaks TXT: Deaf people using SMS in Australia and the rest of the world // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2004. — № 9 (3). — P. 333–343.
- 4 Barak A., Sadovski Y. Internet use and personal empowerment of hearing-impaired adolescents // Computers in Human Behavior. — 2008. — № 24. — P. 1802–1815

лидность незаметной — в социальных сетях глухой или слабослышащий пользователь может общаться с другими на равных и выбирать, когда и как раскрывать эту информацию о себе. Этот факт может способствовать более свободному общению и уменьшению возможного негативного восприятия глухоты собеседником. Помимо этого, если в реальной жизни слышащие люди иногда могут испытывать дискомфорт при общении с глухими людьми из-за ограниченных возможностей коммуникации или недостаточного понимания друг друга, в интернете и те, и другие могут на первый взгляд безбарьерно общаться между собой: онлайн-общение облегчает установление контакта и поддерживает равноправные взаимоотношения. В результате благодаря онлайн-общению глухие люди могут чувствовать себя более комфортно, даже свободно и наравне со слышащими, наличие глухоты перестает создавать препятствие для общения и не обязательно влечет за собой проявление дискриминации и стигмы.

Более поздние исследования⁵ позволили авторам прийти к выводу, что онлайн-общение помогает глухим заводить больше «слабых связей» с людьми, укреплять «сильные связи», а также получать доступ к большему числу источников различной информации. Под «сильными связями» имеется в виду общение с близкими друзьями и родственниками, контакт с которыми у глухих развит в большей степени, так как они тесно общаются внутри сообщества. «Слабые связи» возникают между людьми, которые мало знакомы и не имеют постоянного контакта. По словам авторов, из-за замкнутости сообщества в реальном общении таких связей у глухих немного, но интернет помогает их расширить, а следовательно, увеличить объем новой информации, которую получают представители сообщества глухих.

Комплексных исследований, посвященных онлайн-общению глухих людей, в нашей стране ранее не проводилось, однако ряд авторов все же занимались изучением того, как русскоязычные представители сообщества глухих используют пространство

5 *Power M. R., Power D. Communication and culture: Signing deaf people online in Europe // Technology and Disability. — 2009. — № 21 (4). — P. 1–19.*

интернета для коммуникации. Так, Юлия Шамсутдинова в статье 2019 года⁶ описала результаты исследования онлайн-сообществ для глухих и слабослышащих людей в социальных медиа, на тот момент наибольшая вовлеченность глухой аудитории наблюдалась в *Facebook* (принадлежит *Meta*, запрещен и заблокирован в РФ). Контент онлайн-сообществ был как новостным, так и развлекательным. Большинство сообществ использовали для публикаций только РЖЯ, и лишь 10% из общего числа сообществ использовали и РЖЯ, и русский язык. В статье 2021 года⁷ приведены данные по использованию соцсетей представителями сообщества глухих. Исследование позволило сделать вывод о том, что социальные медиа для глухих пользователей служат и как средство для общения, и как источник информации, в том числе новостной, которая зачастую вызывает активное обсуждение, порождает интерпретации и пересказы в различных формах.

В 2020 году, во время пандемии, Вера Михайлова и Вера Шамаева изучали социальные сети и мессенджеры среди глухих⁸ и пришли к выводу, что первое место среди соцсетей занимает *Instagram* (принадлежит *Meta*, запрещен и заблокирован в РФ), им пользовались 77% опрошенных, а популярный сейчас мессенджер *Telegram*⁹ использовали только 6%. Не имея возможности подтвердить актуальность данных результатов на 2023 год из других источников, в план интервью своего исследования мы дополнительно включили вопросы о том, где предпочитают общаться глухие и слабослышащие пользователи сейчас.

Еще один автор, изучавший онлайн-общение глухих людей в России, — Анна Жадан, которая провела исследование, посвященное изучению лингвистических особенностей переписки у носите-

- 6 Шамсутдинова Ю. Ф. Онлайн-сообщества для глухих и слабослышащих людей в популярных социальных медиа России: количественные и качественные характеристики. Медиаскоп, 2019. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2570>.
- 7 Шамсутдинова Ю. Ф. Особенности коммуникации и потребления информации глухими и слабослышащими людьми в социальных медиа (на примере России). Медиаскоп, 2021. URL: <http://www.mediascope.ru/2703>.
- 8 Михайлова В., Шамаева В. Благо и зло соцсетей. ВОГ, 18.05.2020. URL: <https://voginfo.ru/society/2020/05/18/blago-i-zlo-socsetej/>.
- 9 Винницкая А. «Пережил блокировку и обогнал «ВКонтакте». Комменраснь, 13.08.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6159037?tg>.

лей жестового языка¹⁰. На основе данных опроса глухих и слабослышащих пользователей были сделаны выводы о популярности использования среди респондентов иконок, смайликов, стикеров и других нетекстовых средств. Это объясняется тем, что носителям жестового языка привычнее воспринимать визуальную информацию, поэтому некоторые слова русского языка могут заменяться соответствующим смайликом, а вместо текстового сообщения может использоваться *gif*-изображение на жестовом языке. Жадан также предположила, что в будущем возможна разработка графических элементов, особых иконок для записи жестов национального жестового языка¹¹.

Дизайн исследования

Для того, чтобы ответить на вопрос исследования и решить поставленные задачи, был сделан выбор в пользу качественной стратегии и проведены полуструктурированные интервью на русском жестовом языке очно, на площадке Дома культуры «ГЭС-2», и дистанционно. Интервью позволили получить более развернутые ответы, углубиться в тему исследования, а также собрать информацию в более комфортной для глухих и слабослышащих форме.

Всего было проведено 20 интервью. Преобладающая возрастная группа — 22–35 лет (15 человек), большинство респондентов на данный момент живут в Москве (14 человек). Среди информантов 9 человек глухие, 11 — слабослышащие.

Табл. 1

Распределение информантов по категориям

Пол		Возрастная группа			Глухота		Регион	
Муж	Жен	14–21	22–35	36–51	Глухой/ая	Слабослышащий/ая	Москва	Регионы
8	12	1	15	4	9	11	14	6

¹⁰ Жадан А. В. Дискурсивные особенности интернет-коммуникации глухих и слабослышащих носителей русского жестового языка. ВКР // МГЛУ, 2020.

¹¹ Там же. С. 87.

Информанты отбирались по принципу регулярности использования социальных сетей. В совокупность информантов вошли как блогеры, которые проводят время в социальных сетях в целях работы и общения, так и обычные люди, которые проводят в онлайне относительно небольшое количество времени. В том числе нас интересовало, к каким стратегиям прибегают разные информанты при использовании социальных сетей и мессенджеров в общении на РЖЯ.

Список вопросов для интервью включал следующие блоки: мотивы выбора мессенджеров и социальных сетей для общения; использование видеосообщений в мессенджере *Telegram*; представления об этике онлайн-общения; использование жестового языка в онлайн-общении; будущее онлайн-общения.

Каждое интервью длилось от 40 до 100 минут. При каждом офлайн- и онлайн-интервью велась запись, которая затем расшифровывалась с сохранением анонимности респондентов. В исследовании было использовано тематическое кодирование с опорой на структуру разработанного списка вопросов.

Общение в мессенджерах и социальных сетях

Онлайн-общение стало неотъемлемой частью жизни многих людей, и слабослышащие и глухие не являются исключением. Как отмечают информанты, *«мой телефон — моя часть жизни, целый день сижу в интернете, даже работаю с телефона, пишу, записываю „кругляши“ для близких, слушаю голосовые сообщения от коллег»* (мужчина, 26 лет, слабослышащий).

Использование интернета слабослышащими и глухими людьми схоже с практиками слышащих людей¹². Они также используют социальные сети и мессенджеры для работы, общения с друзьями (в том числе с помощью видео), получения новых идей, развлечения и даже для ведения собственных блогов. Онлайн-мессенджеры и социальные сети дают слабослышащим и глухим людям

12 Доука С. В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. — 2014. — № 1. — С. 137–145.

возможность взаимодействовать друг с другом, обмениваться информацией и выражать себя, избегая языкового барьера, который значительно затрудняет взаимодействие глухих с окружающим миром в реальной жизни. В то же время важно отметить, что практики пользования социальными сетями и мессенджерами у глухих людей могут быть опосредованы индивидуальными предпочтениями и особенностями.

Один из ключевых факторов, влияющих на выбор социальной сети или мессенджера, — возможность поддерживать привычный круг общения. Например, одна из информанток для общения с друзьями предпочитает «ВКонтакте», а *WhatsApp* используется ею «для общения с семьей, так как старшее поколение может быть не готово использовать новые платформы» (женщина, 26 лет, слабослышащая). В качестве значимого фактора выбора называются также дизайн и функционал социальной сети. Так, *Telegram* для части информантов является предпочтительным мессенджером, потому что «имеет привычный дизайн», уникальный функционал и в целом «подходит больше для молодежи, бизнесменов и блогеров» (мужчина, 24 года, слабослышащий). Информантов привлекает также возможность доступа к разнообразному контенту и многофункциональность. Например, одна респондентка отмечает, что *Telegram* удобно использовать для переписки и чтения каналов с новостями и мемами, в то время как в «*Instagram* (принадлежит *Meta*, запрещен и заблокирован в РФ) удобно рассматривать фотографии животных и прочего» (женщина, 22 года, слабослышащая). Другому информанту «*Telegram* служит не только для общения, но и для просмотра фильмов» (мужчина, 26 лет, слабослышащий), так как эта программа может быть не только мессенджером, но и мультифункциональной платформой, выступать аналогом поисковой системы для новостной информации и просмотра фильмов.

Одной из наиболее значимых для глухих функций *Telegram* стала возможность отправки мгновенных видеосообщений, которым они дали различные названия — «кружочки», «кружляши» и др.

Роль мгновенных видеосообщений в онлайн-общении

«Кружочки» являются популярным и удобным средством общения для слабослышащих и глухих людей. Информанты говорят, что при использовании «кружочков» они могут быстро и легко обмениваться информацией, а также передавать свои эмоции с помощью жестового языка. Это особенно важно, потому что немануальные компоненты¹³, например выражение лица, играют значительную роль в жестовом языке. Благодаря видеоформату «кружочков» глухие люди могут транслировать свое выражение лица, жесты и другие невербальные сигналы, которые не всегда возможно передать в текстовых сообщениях.

Популярность «кружочков» среди глухих и слабослышащих обусловлена целым рядом причин. Одним из ключевых преимуществ «кружочков», по мнению участников исследования, является возможность использования жестового языка и, соответственно, быстрота и комфортность общения: не нужно тратить время на написание длинных сообщений, можно быстро записать сообщение на жестовом языке, при этом не потеряв его содержания. «Кружочки» также позволяют наглядно выражать эмоции, например, *«в спорной ситуации или во время отличного настроения»* (мужчина, 24 года, слабослышащий). Еще один из факторов популярности такого формата общения — его наглядность: «кружочки» позволяют людям показывать красивые места и внешнюю обстановку. Как отмечает одна из информанток, *«сейчас „кружочки“ использую почти для всего! Показать красивое место, зафиксировать свою идею, скинуть творческую идею, договориться о встрече, но все зависит от того, в каком я настроении»* (женщина, 22 года, слабослышащая). Интересно также, что, несмотря на то что глухие информанты мало заинтересованы в звуке, для слабослышащих возможность передать звук или внешний шумовой фон обстановки в сообщении становится важным аргументом в пользу выбора видеосообщений. Они также отмечают, что при общении со слышащими «кружочки» позволяют поделиться

13 Комарова А. А. Сообщество глухих и жестовый язык. — М.: Центр образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, 2022. — С. 70.

моментом, сделать сообщение более информативным, *«передать обстановку и звуки на заднем фоне»* (мужчина, 26 лет, слабослышащий).

В то же время «кружочки» не являются универсальным способом общения и, несмотря на свое удобство, не могут в полной мере заменить отдельно записанное видео или набранное текстовое сообщение. Так, если требуется *«записать длинное видео сейчас, то не буду записывать много „кружочков“, лучше запишу одно обычное видео и отправлю полностью»* (мужчина, 39 лет, слабослышащий). Кроме того, «кружочки» не всегда подходят для передачи важной информации, так как неудобны для поиска конкретных деталей и не предоставляют возможности поиска внутри видео, тогда как *«в переписке можно сделать поиск по тексту и еще раз перечитать нужный момент»* (мужчина, 32 года, слабослышащий).

Итак, «кружочки» играют важную роль в онлайн-общении глухих людей, позволяя им выражать эмоции, передавать наглядную информацию и общаться с другими людьми с помощью жестового языка. Однако мгновенные видеосообщения не могут выступать единственным средством общения и имеют свои ограничения, что требует от глухих и слабослышащих использования разных каналов в ходе онлайн-общения.

Этикет онлайн-общения

Трансформация практик общения и использования социальных сетей приводит к появлению нового этикета онлайн-общения. В работе нас интересовало в том числе отношение глухих и слабослышащих к этикету онлайн-общения и возможным правилам, которые существуют в соцсетях и мессенджерах. Среди ключевых правил этикета онлайн-общения, о которых шла речь в интервью, выделяются удовлетворительные внешние условия съемки (свет, фон, отсутствие помех) и приличный внешний вид собеседника, а также его корректное поведение. В то же время респонденты отметили, что применимость этих правил опосредуется условиями: не всегда распространяется на всех и зависит от того, с кем происходит онлайн-диалог.

Например, строгость требований к внешнему виду собеседника во время видеозвонков или записи «кружочков» зависит от того, происходит ли общение в личном или же в групповом чате. Один из респондентов отмечает, что *«с близким человеком в личной переписке можно выглядеть как хочешь, но если человек мало-знакомый и отправляет сообщения в откровенном или неприличном виде в групповой чат, стоит указать ему на это»* (мужчина, 34 года, глухой).

Как отмечают информанты, опираясь на свой опыт, специфика отношения к видеозвонкам и видеосообщениям у носителей жестового языка определяется тем, что, говоря на жестовом языке, человек не может не показать собеседнику свой внешний вид, в то время как у слышащих есть возможность отправить голосовое сообщение и не показывать то, как человек сейчас одет, есть ли у него макияж, прическа и т.д. Хотя, как правило, информанты отмечали важность того, чтобы человек при отправке сообщения выглядел опрятно и на нем вообще была одежда, подобный подход нельзя считать единственным, а один из них полагает, что *«снимать надо как есть в реальной жизни, можно не прихорашиваться и выглядеть естественно»* (мужчина, 35 лет, глухой). То есть хотя глухие и слабослышащие информанты и выдвигают требования о приличном внешнем виде у собеседника в ходе видеосообщения, применимость этого правила не носит строгого характера.

Говоря про другие правила, которые следует соблюдать при онлайн-общении, информанты обращали внимание на качество видео и хорошую видимость жестов. Внутри сообщества глухих является допустимой и распространенной практикой попросить собеседника включить свет или поменять положение камеры, чтобы жесты было лучше видно, что является знаком выражения уважения к собеседнику. Несмотря на то, что онлайн-общение на жестовом языке, как правило, подразумевает использование только одной руки (вторая рука держит смартфон), среди информантов были и те, для кого принципиально важным оказалось, чтобы были видны обе руки, поэтому перед началом общения они ставят телефон на чехол, а иногда даже носят с собой штативы, однако, по общему мнению, такую практику нельзя считать рас-

пространенной. Некоторые информанты соглашались с тем, что им самим не всегда удобно следовать тем или иным правилам, и они не учитывают рекомендации собеседника: *«Признаюсь, что сам часто отправляю „кружочки“ с плохим освещением, игнорируя просьбу собеседника переснять или расписать»* (мужчина, 26 лет, слабослышащий).

Говоря об этике онлайн-общения, информанты также вспоминали примеры некорректного поведения собеседников и нарушения личных границ в интернет-пространстве, в частности говорили о звонках от незнакомых людей или звонках без предупреждения. Информанты отметили, что часто сталкиваются с тем, что их близкие или малознакомые им люди могут позвонить, не предупреждая, или совершать настойчивые звонки в случае, если на их сообщения нет ответа. Вместе с тем подобное поведение (дозвоны в случае отсутствия ответа, видеозвонки вместо текстовых сообщений в силу низкого уровня грамотности и большего удобства за счет возможности использования РЖЯ и др.) воспринимается информантами как одна из норм сообщества, поэтому, хотя это не всегда комфортно, они стараются отвечать на такие звонки: *«В интернете не стоит ставить себя выше других. Тебе могут названивать не от безделья, а по работе, или кому-то может быть непонятен текст, и он хочет попросить объяснить его на РЖЯ. Поэтому важно стараться уважать всех и общаться со всеми одинаково»* (женщина, 37 лет, глухая).

Трансформация жестового языка в видеосообщении

В рамках исследования нас также интересовало, как связаны между собой использование жестового языка и популярность онлайн-общения. Эта задача была рассмотрена с двух сторон: как трансформируется жестовый язык ввиду использования видео при онлайн-общении и как жестовый язык отображается в текстовой (символьной) переписке в мессенджерах и социальных сетях.

Если говорить о трансформации жестового языка в видеосообщении, в рамках исследования были получены три ключевых вывода. Во-первых, за счет популярности видеосообщений

активизируется международное и межрегиональное общение, что приводит к заимствованию иностранных жестов или жестов из отдельных регионов. Например, в *Telegram*-канале «Маркеры и идиомы ЖЯ»¹⁴ подписчики делятся примерами региональных или иностранных жестов. Часто там рассказывают о жестах, которые не распространены в центральной части России, — южные названия фруктов, растений и др. Хотя, как отмечают наши информанты, такое обогащение жестового языка за счет иностранных жестов происходило и до появления социальных сетей, в эпоху интернета новые жесты распространяется быстрее и проникают в различные социальные группы, в том числе в те, представители которых непосредственно не взаимодействуют с иностранцами, а узнают жесты «из третьих рук».

Во-вторых, популярность онлайн-общения сопровождается появлением таких жестов, которые можно считать «жестами-мемами». К ним, например, относятся жесты, появившиеся в результате импровизации или случайной ошибки при общении: глухой человек показал жест неверно, это подхватывают другие, пересылают друг другу — и так жест закрепляется внутри сообщества. Как отмечает информантка, *«бывает, что кто-то делает гифку из „кружочка“ с необычным или искусственным жестом. Гифка распространяется, и все начинают заимствовать этот жест»* (женщина, 25 лет, глухая). Таким способом распространяются не только мемы, но и «новые» жесты, которые в основном используют молодые люди.

Наконец, из-за видеосообщения меняется место и исполнение некоторых жестов. Например, при общении по смартфону, как правило, нет возможности корректно показать жесты, локализованные ниже груди. Так, жесты «родиться», «директор», «джинсы» и другие «перемещаются» ближе к лицу говорящего, чтобы их было видно собеседнику. Кроме того, двуручные жесты начинают показываться одной рукой, так как вторая рука в этот момент держит телефон. Но в то же время сам процесс трансформации жестов, как правило, не выходит за рамки онлайн-общения в реальную жизнь.

14 *Telegram*: Маркеры и идиомы ЖЯ. URL: <https://t.me/RSLmarkers>.

Актуальность изучения того, как русский жестовый язык влияет на онлайн-переписку, ранее была обоснована в работе Жадан¹⁵. Как показали результаты нашего исследования, даже если глухие и слабослышащие используют для общения не видео, а текстовый формат, жестовый язык все равно присутствует в переписке, только в опосредованном тексте или символами виде. Во-первых, для части наших информантов характерен перенос артикуляции жеста в текст. Как правило, безэквивалентные жесты¹⁶ имеют специфическую характерную для них артикуляцию. Примерами могут быть «ап» (понятно, смогу), «гап» (согласен, готов, пойду), «фе-фе» (по-прежнему). Именно такие короткие слова или фразы и используются глухими и слабослышащими в переписке. Как рассказал один из информантов, он сам использует *«лексику РЖЯ в переписке. Интересно, что артикуляцию тоже переносят в текст, недавно мне написали: „человек а-а-а“ — и я сразу понял, что это про слышащего»* (мужчина, 30 лет, глухой), так как «а-а-а» — это артикуляция, которая используется во время исполнения жеста «слышащий».

Во-вторых, примером того, как жестовый язык проявляется в переписке, могут выступать изображения в формате *gif* и стикеры с РЖЯ, которые становятся новым средством выразительности, поскольку позволяют кратко и доступно передать мысль или эмоцию. Информанты рассказывают, что не только используют их, но и сами создают новые на основе видеосообщений друзей. Такие *gif*-изображения или стикеры позволяют глухим и слабослышащим общаться между собой, используя жестовый язык, но не отправляя видеосообщений. Например, это могут быть короткие анимированные стикеры с самим человеком. Один из респондентов рассказал о том, что пользуется набором «гифок», на которых изображен он сам во время съемок, отметив, что они четко передают подходящую эмоцию и облегчают общение за счет понятного собеседникам жестового языка: *«Я бы мог записать „кружочек“ еще раз, но зачем, если можно просто исполь-*

15 Жадан А. В. Дискурсивные особенности интернет-коммуникации глухих и слабослышащих носителей русского жестового языка. ВКР // МГЛУ, 2020.

16 Буркова С. И., Киммельман В. И. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. — С. 257.

звать гифку, которая выглядит так, как мне нравится» (мужчина, 32 года, слабослышащий).

Таким образом, видеосообщения и современные функции мессенджеров, например *gif*-изображения и анимированные стикеры, позволяют глухим более свободно общаться между собой с использованием жестового языка, что одновременно ведет и к постепенному изменению самого языка — более активным заимствованиям, трансформации места исполнения жестов и т.д. При этом появления новых функций следует ожидать не только в *Telegram*, но и в других мессенджерах и социальных сетях. Так, на момент начала работы над исследованием «кружочки» существовали только в *Telegram*, тогда как на момент написания статьи такая же функция появилась и в *WhatsApp*, что, возможно, позволит пользоваться ею и старшей по возрасту аудитории глухих и слабослышащих, которая, со слов информантов, предпочитает именно этот мессенджер более молодёжному *Telegram*.

Будущее онлайн-общения

Появление в последнее время все новых и новых функций в соцсетях и мессенджерах позволяет высказать предположения относительно будущего онлайн-общения глухих. Респонденты отмечали, что хотели бы иметь больше качественных инструментов для преобразования и распознавания речи, чтобы более точно понимать содержание голосовых сообщений или видеосообщений на русском языке: *«Хотелось бы более четкого и не бракованного перевода голосовых сообщений в текст. И добавить субтитры в „кружочки“»* (женщина, 26 лет, слабослышащая).

Также во время интервью оказалось, что среди глухих и слабослышащих информантов распространена практика использования приложений, в которых можно узнать значение слов русского языка и найти к ним синонимы. Поэтому поступали предложения интегрировать в мессенджеры для глухих *«функцию, которая будет помогать составлять предложения правильно или сделать готовый словарь для ознакомления с новыми словами»* (женщина, глухая, 36 лет).

Информанты сходятся на том, что в будущем онлайн-сети станут еще более комфортными для общения на жестовом языке. С возможным развитием виртуальной реальности или голограмм людям могут стать доступными новые инструменты общения, позволяющие комфортно говорить на жестовом языке. Однако такое будущее вызывает у глухих и слабослышащих информантов также ряд опасений. Например, в связи с появлением новых функций может встать вопрос о сохранении навыков владения национальным языком, ведь *«в таком случае можно полностью забыть русский язык»* (женщина, слабослышащая, 26 лет), поскольку технологии могут позволить глухим и слабослышащим полностью перейти в онлайн-общении на жестовый язык.

Заключение

С развитием социальных сетей у глухих и слабослышащих пользователей появляется возможность выбрать наиболее удобный способ онлайн-общения — переписку, видеозвонки, видеосообщения в мессенджерах. Исследование показывает, что удобство и качество являются важными критериями при выборе социальной сети или мессенджера. Особую популярность в последнее время приобрели «кружочки» в *Telegram*, которые для части глухих пользователей стали приоритетным способом общения.

Отвечая на исследовательский вопрос о влиянии онлайн-общения на жестовый язык, можно выделить ряд ситуаций, когда используемые жесты претерпевают изменения из-за их использования при общении в мессенджерах и социальных сетях, однако перехода новых жестов в офлайн обычно не происходит. Такие ограничения, как невозможность записать жест в том положении, в котором он исполняется в реальной жизни из-за того, что не попадает в кадр, исполнение жеста при съемке одной рукой, а не двумя и т.д., не играют роли в офлайн-общении. Это позволяет поставить вопрос о возникновении «онлайн-РЖЯ» — под этим термином мы имеем в виду случаи «адаптации» жестового языка под специфику видеообщения в интернете, как правило, посредством смартфона.

В то же время интернет-общение оказывает влияние на жестовый язык и другими способами. Примерами могут служить появление в интернете жестов-мемов или *gif*-изображений с жестовым языком. Онлайн-общение способствует распространению информации на жестовом языке по всей России и миру, и информанты отмечали, что замечают новые или незнакомые жесты в интернете и могут потом начать их использовать.

Частое общение на жестовом языке в онлайн формирует также представления о том, что считается «этичным» и «неэтичным» при разговоре по видеосвязи. Глухим и слабослышащим пользователям важно хорошо видеть собеседника, потому что от этого зависит комфорт общения с ним на жестовом языке. Помимо качества видео, восприятие жестового языка в онлайн могут затруднять освещение, фон, иногда даже цвет одежды, неудачный ракурс съемки. Просьбы исправить эти и другие факторы — для того, чтобы жесты было лучше видно, — является распространенной практикой в сообществе и входит в понятие этикета в онлайн-общении на РЖЯ.

На основе ответов информантов нам также удалось выделить ряд функций, которых не хватает глухим и слабослышащим при общении в онлайн. К ним относятся инструменты для более точного преобразования и распознавания речи, а также приложения, помогающие сформулировать предложения или уточнить значения слов русского языка. Информанты прогнозируют появление новых инструментов, которые сделают общение на жестовом языке более удобным — например, автоматическое добавление субтитров в видеосообщения на РЖЯ или голограммы, позволяющие без ограничений говорить на жестовом языке дистанционно.

В целом результаты исследования позволяют говорить о принципиально важной роли мессенджеров и видеозвонков в жизни современных глухих и слабослышащих людей, живущих в России. В связи с этим видится необходимым дополнить упомянутую в начале историческую типологию глухих людей новым типом, который появился в момент, когда интернет позволил глухим и слабослышащим общаться в онлайн не только по переписке, но и используя жестовый язык в видеозвонках и видеосообщениях.

ниях, — типом «глухого человека эпохи интернета, который общается посредством видеосообщений и видеозвонков».

Библиография

Буркова С. И., Киммельман В. И. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. — 356 с.

Докука С. В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. — 2014. — № 1. — С. 137–145.

Жадан А. В. Дискурсивные особенности интернет-коммуникации глухих и слабослышащих носителей русского жестового языка. ВКР // МГЛУ, 2020.

Комарова А. А. Сообщество глухих и жестовый язык. — М.: Центр образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, 2022. — 304 с.

Паленный В. А. История Всероссийского общества глухих. В 3 т. — М.: ОООИ ВОГ, 2011.

Barak A., Sadovski Y. Internet use and personal empowerment of hearing-impaired adolescents // Computers in Human Behavior. — 2008. — № 24. — P. 1802–1815.

Power M. R., Power D. Everyone here speaks TXT: Deaf people using SMS in Australia and the rest of the world // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. — 2004. — № 9 (3). — P. 333–343.

Power M. R., Power D. Communication and culture: Signing deaf people online in Europe // Technology and Disability. — 2009. — № 21 (4). — P. 1–19.

Sign Language in Online Communication among the Deaf

Nikita Bolshakov

International Laboratory for Social Integration Research at HSE University (National Research University Higher School of Economics),
Moscow, Russia
nbolshakov@hse.ru

Makar Makarkin

GES-2 House of Culture,
Moscow, Russia
makarmakarkin891@gmail.com

Varvara Merenkova

GES-2 House of Culture,
Moscow, Russia
varvara.merenkova@v-a-c.org

Natalia Yaroslavkina

GES-2 House of Culture,
Moscow, Russia
arnatka19@gmail.com

Keywords: online communication, Russian Sign Language (RSL), Deaf community, gif, stickers, round videos, RSL vocabulary.

Studies in various countries have addressed the social phenomena of d/Deaf users socialising online: in online spaces, d/Deaf users are able to hide their deafness, establish “weak ties” online (with people they don’t know personally), and acquire access to more information. In Russia, such studies have revealed social networks and messengers to be a very popular way of communication among d/Deaf groups and communities.

This study analyses the experience of using Russian Sign Language (RSL) in online communication. The study used an in-depth interview method to identify popular functions in online communication among d/Deaf people, to examine the codes and conventions that govern RSL online communication, and to identify the ways in which video messages and video calls influence the transformation of RSL online. The study provided evidence for the emergence of a new form of sign language communication, a kind of online RSL that is used in video communication but differs from live RSL communication.

References

- Barak A., Sadovski Y. Internet use and personal empowerment of hearing-impaired adolescents // *Computers in Human Behavior*, 2008, no. 24, pp. 1802–1815.
- Burkova S. I., Kimmel'man V. I. *Vvedenie v lingvistiku zhestovykh yazykov. Russkiy zhestovyy yazyk: uchebnik* [Introduction to the Linguistics of Sign Languages. Russian Sign Language: A textbook]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2021. 356 p.
- Dokuka S. V. Practices of using online social networks. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2014, no. 1, pp. 137–145. (In Russian).
- Komarova A. A. *Soobshchestvo glukhikh i zhestovyy yazyk* [The Deaf Community and Sign Language]. Moscow, Centre for Education of the Deaf and Sign Language named after G. L. Zaytseva, 2022. 304 p.
- Palenny V. A. *Istoriya Vserossiyskogo obshchestva glukhikh. V 3 t.* [History of the All-Russian Society of the Deaf. In 3 Volumes]. Moscow, OOO VOG Publ., 2011.
- Power M. R., Power D. Everyone here speaks TXT: Deaf people using SMS in Australia and the rest of the world.

Journal of Deaf Studies and Deaf Education, 2004, no. 9 (3), pp. 333–343.

Power M. R., Power D. Communication and culture: Signing deaf people online in Europe. *Technology and Disability*, 2009, no. 21 (4), pp. 1–19.

Zhadan A. V. *Diskursivnye osobennosti internet-kommunikatsii glukhikh i slaboslyshashchikh nositeley russkogo zhestovogo yazyka* [Discursive Features of Internet Communication of Deaf and Hard of Hearing Native Speakers of Russian Sign Language]. VKR // MGLU, 2020.

Обратный перевод с русского жестового языка на русский язык: новый профессиональный стандарт и компетенции переводчика. Материалы дискуссии

Ирина Гинзберг

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия
ia.ginzberg@mpgu.su

В материале рассматриваются такие актуальные вопросы, как подготовка, аттестация и оценка квалификации переводчиков русского жестового языка, владение компетенциями в соответствии с требованиями профстандарта, значимость качества обратного перевода (с русского жестового языка на русский язык) и его влияние на репрезентацию представителей сообщества глухих.

Влад Колесников

Фонд V–A–C,
Дом культуры «ГЭС–2»,
Москва, Россия
vladislav.kolesnikov
@v-a-c.org

Ключевые слова:

русский жестовый язык, переводчик русского жестового языка, профстандарт переводчика русского жестового языка, обратный перевод, глухие.

Введение

С каждым годом культурные институции стремятся стать более доступными для всех. Благодаря инклюзивным практикам становится возможным включать в культурную повестку ранее не представленные аудитории, в том числе глухих и слабослышащих людей, носителей жестового языка. Можно перечислить не один десяток проектов, адаптированных и ориентированных на глухих и слабослышащих людей. Наряду с ними появляются программы, созданные при непосредственном участии представителей сообщества. К ним относятся экскурсии на жестовом языке от глухих гидов, городские проекты для школьников и студентов, лаборатории для глухих и слабослышащих подростков, театральные постановки и даже кинопроизводство. Все это доказывает, что представители сообщества глухих могут наравне со слышащими являться активными участниками общих культурных процессов. Включение в эти процессы на разных уровнях позволяет переосмыслить и расширить определение современной культуры.

Программы, созданные при участии глухих и слабослышащих, часто направлены не только на развитие сообщества глухих, но и на распространение знаний о нем, в том числе на популяризацию жестового языка. Проектов, которые включают слышащих людей в повестку сообщества глухих, становится все больше. Также растет и количество институций, готовых реализовывать эти программы и нуждающихся в переводчиках с русского жестового языка на русский язык для слышащей аудитории. В связи с этим остро встает проблема нехватки переводчиков РЖЯ, способных обеспечить качественный обратный перевод. Случается, что институциям приходится конкурировать за переводчика, который может синхронно переводить с жестового языка, при этом подбирать выражения, точно отражающие смысл сказанного, грамматически правильно формулировать и излагать, передавая интонационные и эмоциональные нюансы речи глухих спикеров. Подытоживая, нужно заметить, что переводчиков РЖЯ, качественно работающих в сфере как прямого, так и обратного перевода, в настоящий момент все же не так много, и они не могут в полной мере

удовлетворить спрос со стороны институций, нуждающихся в адаптации и переводе. И сейчас проблема именно обратного перевода становится особенно видимой. Попробуем разобратся — почему. По-прежнему большую часть сообщества переводчиков РЖЯ составляют слышащие дети глухих родителей. Зачастую они приходят в профессию, не имея профильного лингвистического образования, их знания о языке не опираются на теоретические основы, а состоят лишь из опыта общения, полученного в семье и в процессе коммуникации на рабочем месте. Очевидно, что такой базы знаний, складывающейся только из жизненного опыта, недостаточно для того, чтобы перевести, например, доклад на лингвистической конференции, аттестацию глухого гида или выступление на защите проекта. В подобных случаях жестовый язык и обратный перевод при личном общении будет отличаться от понимания перевода, учитывающего определенные грамматические формы, конструкции, лексические единицы, экстралингвистические параметры, — здесь недостаточно просто понять и передать смысл сказанного, а важно сделать перевод исходного сообщения на русский язык адекватным и эквивалентным. В настоящий момент в России несколько вузов и учебных заведений среднего профессионального образования, реализующих программы подготовки переводчиков РЖЯ. Но, по нашим наблюдениям и не только, среди выпускников процент тех, кто соответствует требованиям, предъявляемым культурными институциями к специалистам в этой области, не так уж и велик. Получив базу знаний по лингвистике РЖЯ и теории перевода, они не всегда к моменту выпуска успевают накопить достаточно практических умений и навыков, чтобы обеспечить коммуникацию с носителями языка. «Несмотря на то, что к настоящему времени... уже накоплен опыт подготовки переводчиков РЖЯ (состоялось три выпуска бакалавров), ряд проблем остается актуальным и требует поиска оптимального решения. Одной из таких проблем является формирование коммуникативной компетенции переводчика РЖЯ»¹.

1 Мелёхина Е. А., Приставко К. В. Коммуникативная компетенция как ключевая компетенция в подготовке переводчиков русского жестового языка // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 463. — С. 170–178.

Существуют и другие причины, по которым услуга обратного перевода может быть оказана некачественно. Это может случиться, если у переводчика отсутствует возможность провести полноценный так называемый предпереводческий анализ и подготовиться к синхронному переводу с РЖЯ на русский по той причине, что текст докладчика не был предоставлен заранее, или в случае, когда переводчику на полуторачасовой дискуссии приходится работать не в паре, а одному. Все переводчики проходят через травмирующий опыт обратного перевода. И тогда кто-то выбирает путь совершенствования, практику через неудачи и работу над собой. А кто-то предпочитает работать только там, где нужен перевод с русского языка на жестовый. Многие в личных разговорах признают, что он дается им легче и комфортнее. Тренд на уход только в «прямой перевод» кажется проблемой, требующей решения, потому что это делает одну из профессиональных компетенций переводчиков РЖЯ необязательной. А ведь обратный перевод — это репрезентация глухого человека в глазах общества: качественный перевод на русский язык может заинтересовать аудиторию слышащих и приблизить их к пониманию сообщества глухих. А некачественный, наоборот, — отдалить и привести к закреплению негативных стереотипов, связанных с глухими. Кажется, что отчасти этот вопрос должен подниматься в профессиональных объединениях переводчиков, но переводческие союзы и ассоциации пока все еще разрознены. Часто в них не ставят целью повышение качества услуг перевода: нет обучающих семинаров для переводчиков, практики наставничества и супервизорства, не отслеживается соблюдение членами объединений правил этического кодекса переводчиков.

Конечно, сейчас ситуация постепенно начинает меняться — переводчики РЖЯ могут пройти курс повышения квалификации или профессиональной переподготовки в системе дополнительного профессионального образования. Но тут дает о себе знать еще и такая проблема, как нехватка преподавательских кадров в системе профессионального и дополнительного образования, недостаток учебной и методической литературы. Недавно вступил в силу профессиональный стандарт перевод-

чика русского жестового языка². Он был разработан и принят с целью повышения качества переводческих услуг, но на данный момент вызывает много вопросов и замечаний как к терминам, характеризующим необходимые умения и навыки, так и к уровню сложности заданий и их соответствию заявленной категории.

На междисциплинарной конференции «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества» 21 мая 2023 года в Доме культуры «ГЭС-2» был проведен круглый стол, посвященный проблемам обратного перевода. Его целью был поиск возможных путей решения проблем, связанных с качеством обратного перевода с РЖЯ и условиями, которые создаются для переводчиков. Круглый стол прошел в формате диалога с переводчиками и представителями сообщества глухих. Обсуждались трудности, с которыми сталкиваются переводчики на пути к самосовершенствованию, этика и социальная ответственность переводчиков перед представителями сообщества глухих.

Расшифровка дискуссии с редакторскими сокращениями, полная версия размещена на сайте Дома культуры «ГЭС-2».

Участники дискуссии:

Влад Колесников, слабослышащий, куратор программ для сообщества глухих и программ доступности для глухих и слабослышащих Дома культуры «ГЭС-2»

Александр Бочков, глухой, председатель Московской городской организации Всероссийского общества глухих

Ольга Варинова, слышащая, CODA, заведующая лабораторией русского жестового языка Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета

2 Профстандарт: 03.016 «Переводчик русского жестового языка». Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 14.01.2022 № 13н.

Ирина Гинзберг, слышащая, *CODA*, преподаватель, переводчик жестового языка в Московском педагогическом государственном университете

Юлия Крыгина, слабослышащая, директор Национального центра оценки квалификации и сертификации по профстандарту «Переводчик русского жестового языка»

Елена Соловейчик, глухая, директор Учебно-методического центра Всероссийского общества глухих

Дискуссия

Влад Колесников: Насколько остро перед сообществом глухих стоит проблема обратного перевода?

Александр Бочков: Я являюсь руководителем одного из крупнейших региональных отделений России — Московской городской организации ВОГ. И хотел бы немного осветить проблему и высказать мнение: с одной стороны — как работодателя, с другой стороны — как глухого получателя услуг по переводу русского жестового языка (РЖЯ).

Ничего революционного в появлении профессионального стандарта для профессии переводчика нет. Еще в 1995 году постановлением Министерства труда РФ была введена должность «сурдопереводчик» и вместе с тем были утверждены и тарифно-квалификационные характеристики для нее. С точки зрения работодателя из системы общества глухих, появление должности «переводчик русского жестового языка» — положительный момент, шаг в правильном направлении, дающий возможность развивать систему подготовки переводчиков на основе русского жестового языка, родного языка глухих. С другой стороны, работодатель вне системы общества глухих не понимает разницы в форме записи должности в трудовой книжке: придет переводчик, и будет ли сделана запись «сурдопереводчик» или же заменят ее на «переводчик русского жестового языка» — он эту разницу не видит. Но по используемым терминам мы видим, как меняется содержание работы переводчика. Раньше переводчик осущест-

влял перевод на основе калькирующей жестовой речи (КЖР), которая следует правилам и грамматике русского языка, здесь все понятно. Но сейчас система и подход меняются, перевод осуществляется на русском жестовом языке, который обладает своими грамматическими особенностями, своей структурой. И это два абсолютно разных подхода. Проблема для обычного работодателя состоит в том, что он упускает эти тонкости в силу своего незнания о них. Второй интересный момент состоит в том, что с появлением в новом стандарте другой формы записи появились и новые вопросы, например: когда ко мне, как к работодателю для переводчиков РЖЯ, обращается за услугой слабослышащий человек, являющийся членом Всероссийского общества глухих, я не уверен, что он будет удовлетворен, если получит услугу перевода на РЖЯ: он свое общение строит на основе калькирующей речи и не понимает РЖЯ. Конечно, на практике он обратится к переводчику РЖЯ и попросит переводить посредством калькирующей жестовой речи, но вопрос в том, прописана ли в профессиональном стандарте строка о переводе посредством КЖР? Почему мы тогда должны требовать эту услугу от переводчика РЖЯ? Есть ли отдельное требование по дактильной форме речи? Обязан ли переводчик осуществлять эти виды перевода? Должно это прописываться в стандарте или нет? Это важные вопросы, которые стоит обсудить отдельно. Я как работодатель должен работать со всеми целевыми аудиториями: глухими, слабослышащими, позднооглохшими и другими категориями. У позднооглохших требования, например, заключаются в предоставлении им услуг по переводу на дактильную речь. Я же не могу ущемлять их в правах, я обязан предоставить помощь всем и оказать услуги по переводу, а если в стандарте это не прописано, то чем мне руководствоваться?

Именно после обсуждений, дискуссий с участием специалистов, в том числе лингвистов-исследователей, необходимо вносить точные и точечные поправки в нормативные акты, потому что они влияют в том числе на систему обучения и подготовки переводчиков РЖЯ. Теперь отойдем от позиции работодателя и посмотрим с другой стороны, со стороны глухого получателя услуги перевода РЖЯ. Введение термина «переводчик РЖЯ» для самого глухого является большим шагом вперед, так как проблема обратного перевода становится «головной болью» переводчика РЖЯ. Если

раньше глухого с его вариативностью жестов могли «поправить» переводчики — некоторые из них по-прежнему любят это делать, — то сейчас переводчик РЖЯ должен уметь дать обратный перевод с учетом контекста, вариативности. Тут встает интересный вопрос: если глухой почти не владеет русским языком, имеет ограниченный лексический запас в РЖЯ, как должен с ним общаться переводчик РЖЯ? Должен ли он знать кинестетические жесты — такие жесты, которые используют слышащие люди и которые понятны всем (как в фильмах Чарли Чаплина, к примеру)? Например, слово «сердце» в РЖЯ имеет свой жест, но он может быть, в интуитивно понятном для глухого ключе, заменен кинестетическим жестом «любовь». В стандартах эти правила прописаны? Нет. Большую роль тут играет уровень знания переводчиком РЖЯ русского языка: если у переводчика маленький лексический запас именно русского языка, то омонимические жесты, имеющие разные смыслы, он будет переводить только одним известным ему словом русского языка, искажая этим смысл изначальной информации. Важный момент заключается в том, что при подготовке переводчиков РЖЯ нужно уделять внимание не только обучению РЖЯ, пополнению лексической базы РЖЯ, но и обучению русскому языку как основному языку общения в России, на который переводят глухого. Сейчас мы имеем то, что имеем: из 100 условных переводчиков РЖЯ в России свободно владеть обратным переводом в лучшем случае — подчеркиваю, в лучшем — будут 10 специалистов. Остальным нужно предоставить заранее текст, пояснить и обсудить то, о чем пойдет речь, и лишь после этого переводчик сможет как-то осуществить перевод. Это действительно сложная работа. Нам нужны комплексные исследования в дискурсе лингвопрагматики — науки, изучающей практическое использование языка в коммуникации, и здесь обязательно надо учитывать все богатство и разнообразие как РЖЯ, так и РЯ.

Влад Колесников: Как глухой может проверить, хорошо переводчик выполняет обратный перевод или нет?

Александр Бочков: Начну сразу с того, что на этот важный вопрос есть простой ответ — глухой этот момент никак проверить не может. Глухой проверяет уровень перевода на русский язык только до начала перевода: помним про этапы перевода и про то, что перед

самим переводом переводчик РЖЯ обязан провести предпереводческий анализ. По сути, не только переводчик анализирует глухого, но и глухой — переводчика. Если я, как глухой получатель услуги по переводу РЖЯ, вижу недостаточный уровень владения русского языка переводчиком РЖЯ, я вынужден сокращать и упрощать свой РЖЯ, надеюсь — обратите внимание, только надеюсь, — что перевод на русский язык будет соответствовать моим ожиданиям.

Влад Колесников: Как глухой может, исходя из своего опыта, определить профессионализм переводчика?

Александр Бочков: Ну, это только исходя из своего опыта. Видя из раза в раз, живя с детства в мире глухих, понимаешь, кто из переводчиков профессионал. Часто сталкиваюсь с тем, когда глухого представляет переводчик, переводит его, и если глухой видит понимание и одобрение со стороны слушающего, то таким образом делает вывод о качестве работы переводчика. Но если глухой в ответ сталкивается с возражениями или отказом, то делает вывод, что переводчик плохой. Вот в этом случае нужно разбираться конкретно: глухой тут не прав или дело в переводчике. А то если вопрос решается в его пользу — тут переводчик хороший. Что можно сказать... Это выявляется только в процессе независимой оценки квалификации переводчика РЖЯ.

Влад Колесников: Правильно ли я понимаю, что, приходя на мероприятие и встречаясь с переводчиком, я не могу оценить его уровень профессионализма, если не был с ним знаком, не встречался с ним заранее и не слышал отзывов о его работе от кого-то из знакомых, — и я не могу тогда и быть уверенным в качестве обратного перевода? То есть я не могу быть уверенным и, по сути, извините за сравнение, получаю кота в мешке, когда не знаю, какой переводчик со мной будет работать.

Александр Бочков: Я, как работодатель по оказанию переводческих услуг населению, получаю обращения и просьбы порекомендовать переводчика, назвать конкретные фамилии хороших переводчиков, — и это всегда сложный выбор. У глухих складывается свой рейтинг переводчиков РЖЯ в зависимости от сложности того, где и что нужно перевести.

Елена Соловейчик: Я бы еще добавила. Когда мы создавали организацию «Я понимаю» вместе с Екатериной Савченко, то на встречи мы всегда приглашали переводчика, это наша принципиальная позиция. Я обычно говорю голосом, у меня нет с этим проблем, а Екатерину озвучивали переводчики и при переводе часто ошибались, мне их приходилось останавливать и поправлять. Сейчас, как вариант, можно использовать телефон — функцию расшифровки речи в текст, — и таким образом оценить качество перевода. Расшифровка речи на данный момент является одним из вариантов оценки качества перевода.

Влад Колесников: Расскажите, как обучают переводчиков?

Ольга Варина: Есть наука, которая называется «теория перевода». В этой науке есть приемы перевода. И вот если переводчик знает приемы перевода, для него не будет проблемой, как глухой разговаривает: визуальными жестами, калькирующей жестовой речью... Опять же, калькирующая жестовая речь — это название, которое когда-то ввела Галина Лазаревна Зайцева, но по факту это всего лишь прием перевода, не более того. Вот в английском есть «английский жестами» или «английский руками» — так они это там называют. Вот поэтому у нас просто придумали свое красивое название — КЖР. Так что если переводчик владеет приемами перевода, то не будет проблемы с переводом глухого человека — любого, с которым он сталкивается. Отвечая на вопрос про образование: здесь на самом деле все очень сложно. Смотрите: образование переводчиков существовало с 60-х годов, это Иосиф Флорианович Гейльман, это ЛВЦ... А на сегодняшний момент у нас действует образовательный стандарт: Федеральный государственный образовательный стандарт — «Организация сурдокоммуникации». И этот образовательный стандарт обучает переводчиков очень странному набору профессиональных компетенций и дает квалификацию «сурдопереводчик». Но, к нашему большому счастью, по этому образовательному стандарту набор уже окончен, и сейчас вступил в силу новый образовательный стандарт, по нему набор начнется в сентябре. Он называется «сурдокоммуникация», хотя надеюсь, что скоро мы уйдем от этого термина, но, к сожалению, чисто технически пришлось его пока оставить, — и там наконец-то будет переводчик русского жестого-

вого языка. То есть это среднее профессиональное образование. Ну и высшее профессиональное образование — то, что мы пытаемся делать: с 2012 года — Московский государственный лингвистический университет, с 2013 года — Новосибирский государственный технический университет, да, сейчас уже Казань к нам присоединилась, но здесь есть одна сложная задача: это сделать образовательный стандарт только для переводчиков жестового языка. Но его нет, и, к сожалению, выпускники — я не знаю, кто из присутствующих, — но наши выпускники получают диплом, и у них там значится первый язык и второй язык, притом какой — непонятно. Да, то есть английский — первый язык и второй — это русский жестовый. Вот поэтому я надеюсь, что мы тут в высшем образовании сделаем что-то по-другому, но, помимо образования, я сейчас являюсь в Федеральном учебно-методическом объединении руководителем секции именно по сурдокоммуникации, то есть подготовке СПО. Недавно мы провели небольшой мониторинг, и у нас на всю Россию меньше 10 учебных заведений, а буквально — 7 учебных заведений, которые обучают переводчиков. И возникает сразу первый вопрос: а кто их обучает? Если под Санкт-Петербургом Межрегиональный центр реабилитации (бывший ЛВЦ), и там мы знаем, кто обучает, у нас в НГТУ тоже знаем, кто обучает, в Томске я еще знаю, кто обучает... Ну и все... а кто там дальше где обучает, мы не знаем. Ну, чуть-чуть Нижний Новгород. Что касается Учебно-методического центра ВОГ: ни среднее профессиональное, ни высшее образование не дают. Дается переподготовка, дается повышение квалификации, и опять же мы понимаем, что очень долгое время Учебно-методический центр ВОГ давал совсем другое образование, только последний год он стал давать более современное. Вот поэтому сказать, что у нас плачевная ситуация в стране, — это ничего не сказать. У нас очень плачевная ситуация.

Влад Колесников: Спасибо. Вы сказали — компетенции, а что это такое?

Ольга Варинова: Федеральный образовательный стандарт подразумевает набор профессиональных компетенций — это некие знания, умения, навыки, которыми должен обладать переводчик. На сегодняшний момент в среднем профессиональном образова-

нии старый образовательный стандарт уже перестал действовать с 31 декабря 2022 года, но студенты еще учатся по нему, в том числе и у нас: там у него компетенции, например, разбираться в «нарушении слуха», уметь ставить речь глухому, и такое прямо сурдологическое направление, второе — это сурдопедагогическое, в том числе направленное на обучение родителей, детей, и маленький такой кусочек про язык. Притом мы знаем, что в некоторых учебных заведениях, которые реализуют эту программу, до сих пор не имеют дисциплины «Русский жестовый язык», у них есть такая волшебная дисциплина, про которую вы, наверное, слышали, — специфические средства общения глухих. Такое, к сожалению, до сих пор есть. Но вопрос опять в преподавателях: мы реально понимаем, что вопрос опять в них, и нам нужно параллельно заниматься преподавателями, которые будут обучать переводчиков. Но по опыту понимаю, что там, где обучают только переводчики переводчиков (без глухих), плохо; там, где обучают глухие переводчиков без практикующих переводчиков, тоже плохо, а вот когда все вместе... А где их взять всех вместе? Вот у нас пока получилось, в МГЛУ частично — тоже знаю, что коллеги справляются, в Казани — не знаю, все остальные города — знаю и плачу. Будем работать. Будем смотреть.

Влад Колесников: То есть на сегодняшний день у переводчиков жестового языка, получающих образование, в компетенциях должно быть обучение устной речи, сурдопедагогика и небольшое знание жестового языка?

Ольга Варинова: С 1 сентября 2023 года — нет. С этого времени компетенции — это знание языка, умение его переводить, и там еще есть маленький блок — сопровождение. У переводчиков, которые с 1 сентября 2023 года на уровне среднего профессионального начнут получать образование, будут дополнительные компетенции — это дистанционный перевод, это тифлосурдоперевод и сопровождение глухого в разные инстанции через систему общества глухих. И здесь очень хочется даже похвастаться, что в системе среднего профессионального образования повсеместно ситуация по всей стране заключается в том, что обучение студентов по любым специальностям очень сильно сокращается. Вот прямо буквально до минимумов. Нам (НГТУ) удалось добить-

ся, чтобы трехгодичное обучение превратили в четырехгодичное, то есть мы добавили еще один год. На уровне высшего образования сейчас 4 года обучение в бакалавриате и на уровне среднего профессионального образования тоже 4 года бакалавриата. Там после девятого, там после одиннадцатого, но, как бы оно ни было, изучение языка длится достаточно большой период времени, потому что невозможно стать синхронным переводчиком, изучая язык 2 месяца. В Федеральном государственном образовательном стандарте, в рекомендациях государственной аттестационной комиссии мы указали присутствие не менее двух глухих человек. Именно в составе государственной комиссии на экзаменах, потому что мы знаем, что в некоторых учебных заведениях глухих не допускают на экзамен, а мы именно вписали в стандарт.

Влад Колесников: Получается, с сентября 2023 года ситуация улучшится для новых переводчиков, которые будут поступать в этом году, и через 4 года мы получим переводчиков с новыми компетенциями?

Ольга Варинова: Но это именно на уровне среднего профессионального образования. А вот на уровне высшего профессионального образования мы уже получаем такие кадры с 2016 года. Переводчики в МГЛУ с 2016 года выпускаются, в НГТУ — с 2017 года, переводчики уже есть.

Влад Колесников: И у них компетенции другие?

Ольга Варинова: Нет, такие же. Тифлосурдоперевода, дистанционного перевода, наверное, у них нет, но это переводчики, которые знают приемы перевода, и это самое главное. То есть этот переводчик владеет одним языком, другим языком, и это важнее всего. И, осуществляя между ними перевод, он знает приемы перевода.

Елена Соловейчик: До 2021 года в УМЦ ВОГ не было ни одного нормального учебно-методического пособия, ни одного нормального учебника. Я полагала: раз общество существует уже давно и раз есть какие-то институты, значит, система должна быть отлажена. Но практика показала, что отсутствие системы очень мешает подготовке переводчиков. Давайте рассмотрим ситуацию

на примере ребенка, который поступает в первый класс: он более-менее владеет русским языком, в школе он учится писать, читать, основные правила ему заложат в первые четыре года, затем от педагогов он дополнительно получит знания по разным предметам, и, таким образом, на выходе мы получим подготовленного выпускника. А что мы имеем в случае с переводчиками: сейчас это в основном дети глухих родителей — из тех, кто приходит к нам. В свое время Анна Анатольевна Комарова говорила, что *CODA* — это большая проблема, но сама я тогда этого не понимала. И сейчас я это действительно осознала, когда столкнулась с тем, что при встрече они мне говорят: «Мои родители глухонемые»*. Вот с такими фактами мы имеем дело. И к нам сейчас приходят либо *CODA*, либо слабослышащие и те, кто полагают, что после трехмесячного обучения они могут работать переводчиками. Я начала изучать зарубежный опыт, и мы взяли за пример американский опыт, потому что у нас в команде работает американец Кен Гаулстон, мы с ним много взаимодействовали по этому вопросу и узнали, что в США существует 4 уровня довузовского образования. Так вот, если человек прошел все эти 4 уровня подготовки и хочет стать переводчиком, то он сдает вступительные экзамены в университет и учится еще 4–5 лет. Представляете, сколько лет должно длиться обучение? И вот такая система мне нравится: такие же уровни подготовки я хотела бы внедрить и в России, пусть не сразу, пусть постепенно. Пусть не на 100% у нас будет дублироваться эта система, а хотя бы подход такой, пусть это будут какие-то этапы для перехода обучающегося с одного уровня на другой. В этом году мы опробовали новую методику обучения на 1-м уровне, и она нам очень нравится, сейчас переносим ее и на второй уровень обучения и готовы начать подготовку преподавателей, которых, как сказала Ольга Варина, в настоящее время очень не хватает. Поэтому мы готовить преподавателей будем, опять же будем и придерживаться системы уровней. Для начала переводчику нужно пройти первый уровень подготовки, также и преподавателю нужно будет начинать обучение с прохождения первого уровня. Переводчик переходит на второй уровень, так же и преподаватель переходит. Не может преподаватель сразу всех учить. Мой препода-

* В настоящее время термин «глухонемой» является некорректным, и мы не рекомендуем его использовать в отношении представителей сообщества глухих. (Прим. ред.)

давательский опыт насчитывает три года, и, когда появился профессиональный стандарт, для меня это тоже стало новым вызовом, потому что способов нет, а заказ есть. Тем более я не имела права сказать: извините, но мы этого не можем сделать. Я должна была за очень короткое время сделать учебное пособие. Мы его сделали, но мы его не продаем, потому что оно собрано из готовых открытых источников, мы просто собрали всю информацию в одном сборнике и даем его людям, которые приходят к нам учиться. И с чем мы столкнулись? Почему я начала говорить об отсутствии базы — потому что на переподготовку отправляют всех, кто уже знает жестовый язык и работает переводчиком, но не имеет соответствующего образования. Их присылают к нам, и что мы делаем? Мы вынуждены обучать их по программе первого уровня. У них не хватает базы по грамматике языка, они не знают многих нюансов, которые уже должны были бы знать. Вот в ЛВЦ (ныне МЦР) их научили «кальке», у нас на переподготовке они начинают спрашивать: как говорить — на РЖЯ или КЖР? Мы же всегда отвечаем: смотрите на глухого — что нужно ему. У нас упор делается на практику перевода с РЖЯ на русский язык, потому что у переводчиков именно этого навыка очень не хватает. В целом же что я хочу сказать: если в России никто не будет заниматься созданием системы, то ситуация с переводом так и будет хромать. Поэтому сейчас УМЦ занимается созданием системы, рамки ДО (дополнительного образования) нам это позволяют, мы можем предоставлять образование довузовское и послевузовское. Но сейчас мы берем на переподготовку тех, кто уже знает жестовый язык, а тем, кто не знает, отказываем, потому что они просто не смогут быть переводчиками — даже при наличии у них образования (высшего или среднего профессионального). А вот если они хотят быть переводчиками, то им нужно стартовать с самого начала: пройти все четыре уровня обучения, окончить вуз и прийти к нам на переподготовку. На сегодняшний день существует разрыв между теми, у кого базы нет и у кого она есть.

Влад Колесников: Вы отказываете в поступлении или отказываете в выдаче документа?

Елена Соловейчик: Мы отказываем в приеме на программу профессиональной переподготовки. Мы смотрим на человека:

он говорит, что может общаться и знает жестовый язык, мы проводим тестирование, в ходе которого беседуем, задаем вопросы и видим, что жестового языка там особо и нет, тогда рекомендуем пройти первый уровень обучения. А тем, у кого какие-то навыки уже есть, предлагаем в течение шести месяцев попрактиковаться с носителями, пока образовательные программы уровнем выше еще не доступны. Через шесть месяцев человек снова приходит к нам, мы его тестируем, видим прогресс — допускаем. Но, опять же, сейчас мы зависим от регионов: вот появился профстандарт, и регионы нам говорят, что мы останемся без переводчиков... В профессиональном стандарте очень завышены требования. Он нужен, но на освоение требуемых навыков, знаний и умений нужно очень много времени, нужно отладить систему, чтобы у вузов была возможность перестроиться. По сути, вузы сейчас выпускают тех, кто должен поступать в институты. За четыре года программа дает лишь минимум, их натаскивают, пытаюсь подготовить из них переводчиков, которые смогут что-то, а это большая нагрузка на вуз. А вот если бы мы сначала спокойно на четырех уровнях их готовили и только потом бы они шли в вузы, то у них была бы возможность более глубоко освоить язык, и мы получили бы действительно подготовленных специалистов. Поэтому сейчас сложность состоит в том, что в профессиональном стандарте завышены требования, мы вынуждены под них подстраиваться, смотреть, может ли выпускник пройти переподготовку, и мы должны его подготовить так, чтобы он мог сдать экзамен хотя бы на 5-й квалификационный уровень. Например, сейчас мы обучаем группу, в которой есть люди из Москвы и еще из некоторых городов с хорошей базой знаний и есть те, кто совсем не тянет, им мы тоже выдаем документ о прохождении переподготовки, но рекомендуем подождать полгода, попрактиковаться и лишь потом идти сдавать квалификационный экзамен.

Ольга Варинова: Можно еще добавлю про такой момент: было бы здорово, если бы люди сначала учили жестовый язык, а потом поступали в колледжи и вузы, но, к сожалению, закон об образовании не позволяет нам так сделать. Человек, который поступает на уровень СПО после 9-го класса, — поступает просто по конкурсу аттестатов, и мы не имеем права требовать

у него никаких дополнительных документов. Те, кто поступает к нам после 11-го класса, на ступень высшего образования сдают три экзамена ЕГЭ: русский, общество или историю и английский. И тут мы тоже не имеем права ничего требовать, нам закон об образовании этого не позволяет. И я, честно говоря, не верю, что когда-нибудь законодательство позволит нам именно для переводчиков жестового языка запрашивать дополнительную бумажку, что ты прошел четыре курса. Мы можем об этом говорить, но не можем требовать. Вот это очень важно понимать. И вот здесь по поводу профессионального стандарта: действительно, сейчас получается так, что есть, например, выпускники колледжей и вузов, которые могут сразу пойти и сдать на 5-й уровень, а есть те, которых в других городах готовят какие-то другие преподаватели, и они даже не в состоянии поступить ни на переподготовку, ни на повышение квалификации, то есть очень много зависит от преподавательского состава.

Влад Колесников: Одну минуту, я хотел бы еще спросить про ступени. Это не то же самое, что квалификация?

Елена Соловейчик: Нет, это дополнительное образование. Оно нужно для того, чтобы можно было освоить РЖЯ и хорошо им владеть.

Влад Колесников: Это ваша внутренняя система или и по России так же?

Елена Соловейчик: По России мы будем делать в сентябре (2023 года. — *Прим. ред.*). Будем готовить преподавателей, которые могли бы обучать таким способом. Чем больше будем пробовать, тем увереннее сможем сказать, что этот способ действительно работает. Потому что сейчас каждый центр использует свои способы обучения. Опробовав разные, я каждый раз задумывалась и задавалась вопросом: либо мы плохо учим, либо группа слабая? Сейчас же я вижу, что группа хорошая, значит, дело в способе подачи. В России есть школьное образование, вузовское и дополнительное профессиональное образование, которое предлагает два пути: первый — это повы-

шение квалификации, оно возможно, если у вас есть переводческое образование после окончания института, но, опять же, возникает вопрос, где они учились. И второе — переподготовка, предполагающая наличие высшего образования или специального профессионального после колледжа, но не профильного, оно может быть другим: юридическим, например. Особенность в том, что и в одном, и в другом случае люди имеют образование, люди уже работают, и мы каждый раз готовим учебный материал под группу, они же разные. У нас нет такого, чтобы, набрав группу на первый уровень, куда люди приходят с нулевыми знаниями, мы бы использовали одни и те же материалы: способ подачи один, а вот содержание варьируется. И хуже гораздо, когда они программу выбирают сами — и по количеству часов, например, 36. В этом случае мы получаем заказ и вынуждены за короткое время давать им базовый максимум, чтобы потом они могли сдать экзамен по профессиональному стандарту.

Ольга Варинова: Я еще добавлю: здесь происходит некая путаница между этими уровнями: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уровень — ступени/уровни, у нас в университете это 1-й, 2-й, 3-й уровень — это не перевод, это знание жестового языка. Знание языка, владение языком и перевод — это совершенно разные задачи. Почему мы и говорим, что CODA не равно переводчик, да и вообще любой человек, который выучил 50 жестов и говорит — «я переводчик». Это вообще две разные истории. Таким образом, есть знание языка для общения, для того, ну, не знаю, чтобы прямой эфир там вести в «Тик-токе», а есть перевод — это две разные истории. Поэтому 1-я, 2-я, 3-я, 4-я степень... У нас это 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уровень.

Елена Соловейчик: Сейчас указали, что есть разные уровни обучения. Если вы хотите быть переводчиком, то мы можем отказать в случае, когда вы используете лишь указательные и базовые жесты, и вам придется пройти обучение. Если же вы владеете жестовым языком, то мы вас возьмем на переподготовку и будем стараться по максимуму организовать вам практику, но только к концу обучения сможем сказать, сейчас вам сдавать на оценку квалификации или уже потом, после полугодичной практики. Тут мы уже смотрим конкретно на каждого, и те, кто

может, идут сдавать. А есть такие — правда, это редкий случай, — когда самооценка зашкаливает, кто-то оценивает себя на шестой уровень, и тогда мы обращаемся к профстандарту, идем по прописанным умениям и навыкам, уточняем, владеет ими или нет. Важно верно оценивать себя, прежде чем идти сдавать экзамен, и мы честно говорим о реальном уровне владения жестовым языком, чтобы они понимали, что они сдадут и куда пойдут с этим.

Влад Колесников: Шестой уровень — это ведь по критериям профстандарта?

Юлия Крыгина: Обучение и независимая оценка — это абсолютно разные вещи. Независимая оценка одна, а обучение может проходить в разных местах. Можно привести в пример ГАИ. Вот вы сдавали экзамен на получение прав? Нет? Но я все же попробую объяснить. Вы приходите в автошколу: вы можете выбрать любую в своем городе, в любом районе, в любом ценовом диапазоне, но сдавать заключительный экзамен и получать права вы будете в ГАИ. Примерно так же и у нас. Вас учат, если вы захотели стать переводчиком и если у вас есть высшее образование, но вы все же идете учиться на переводчика, потому что у вас в документе нет отметки о том, что вы переводчик, сурдопереводчик или переводчик жестового языка, — ну нет такой отметки в дипломе. А вы мечтаете стать переводчиком, ставите себе это целью и идете учиться на курс переподготовки, поскольку у вас уже есть высшее образование. Вас учат в УМЦ от 24 часов, в НГТУ 250 и 1500. Итак, вы отучитесь, захотите подтвердить свою квалификацию, а у нас их всего четыре. 5-й уровень — переводчик жестового языка, по требованиям самый простой из всех, равняется третьей категории.

Ольга Варинова: Третья квалификационная категория.

Юлия Крыгина: Как нам уже рассказали, раньше были третья, вторая и первая квалификационные категории переводчиков РЖЯ. Сейчас по новому профессиональному стандарту сделаны не просто категории, а уровни, соответствующие квалификации.

Ольга Варина: В соответствии с законом.

Юлия Крыгина: У нас по переводчикам всего их четыре: 5-й уровень, 6-й уровень 2-й категории и 6-й уровень 1-й категории, 7-й уровень — это переводчик-эксперт.

Ольга Варина: В образовании по-своему, в оценке квалификации по-своему.

Юлия Крыгина: Итак, переводчик отучился, и, если у него есть опыт работы, пусть даже минимальный, и соответствующее образование — у нас такие требования, единые ко всем по всей стране, и вы можете прийти к нам и сдать на независимую оценку профессиональный экзамен, не просто экзамен, а профессиональный экзамен и подтвердить свою квалификацию на 5-й уровень, — это просто переводчик жестового языка. А если вы переводчик с профессиональным образованием, работаете по профессии, имеете достаточный опыт работы и хотите повысить свой профессиональный статус, то вам нужно снова прийти к нам и подтвердить уже другой квалификационный уровень, получше, повыше. И так далее, выше по уровням. Раньше была аттестация, которая проводилась внутри организации. Рассмотрим на примере ВОГ: московское отделение или тульское отделение, откуда я родом. Если, допустим, переводчик работает в Москве, то он не может пройти аттестацию у нас в Туле. У нас в Туле аттестацию проходят свои, в Москве свои. Комиссия своя, то есть все внутри общества. Переводчик, прошедший и подтвердивший аттестацию в тульском ВОГ, в Москве переводить, по идее, не может. Если будем придирааться к документам, то не может. Наш же центр дает возможность переводчикам проверить свою квалификацию, профессионализм, а полученный документ будет действителен по всей России.

Влад Колесников: Значит, если я, будучи из Москвы, приду и сдам у вас экзамен, а потом поеду переводить в Новосибирск, то смогу работать?

Юлия Крыгина: Где угодно.

Влад Колесников: А как именно проходит оценка?

Юлия Крыгина: Сначала подается заявка — онлайн через сайт, это специальная онлайн-форма, официальная. Все находится в подчинении Совета по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения (СПК). Вы подаете заявку, соответствующие документы — в соответствии с профессиональным стандартом, в котором указаны требования к переводчикам по наличию документов, по опыту работы, то, что должно быть указано в трудовой книжке, — одним словом, нужно прописать все нюансы. Мы проверяем пакет документов, и если вдруг какой-то не будет соответствовать, то мы можем спокойно предложить вам пройти повышение квалификации, или переподготовку, или еще что-то. Если же все хорошо, то мы принимаем вашу заявку и назначаем день экзамена, уведомляем вас о нем и согласовываем. В день экзамена вы приходите к нам, при себе вам абсолютно ничего не нужно иметь, мы усаживаем вас за ноутбук. Процедура экзамена очень прозрачная, нет никакого подлога или покровительства, хотя многие думают, что это так. Вы садитесь за монитор, у каждого переводчика свой экран, камеры наблюдателей со всех сторон, весь процесс экзамена идет под запись. Одна из важных частей экзамена — это теория, то есть теоретическая часть, представленная списком из 40 вопросов из 100, к которым вы выбираете ответы. Мы разработали 100 вопросов на каждую квалификацию, а на экзамене система автоматически показывает 40. Каждому экзаменуемому дается 60 минут, чтобы спокойно ответить на все вопросы.

Влад Колесников: Ответы нужно наговорить?

Юлия Крыгина: Нет, вы проходите в формате теста. Это требования не с нашей стороны, мы ничего не можем поделать, это требования СПК. Вы вводите свои ответы, и если на 30 вопросов ответили верно, то допускаетесь к практической части. Если ответили на меньшее количество вопросов, то, как бы нам ни было жаль, вам снова придется учить теорию. Вопросы в основном касаются переводческой деятельности, культуры глухих, лингвистики жестового языка — все эти знания необходимы переводчику для работы. И еще история, и другие вопросы. И самое интересное то, что вопросы писала не я одна, а группа экспертов, которая их составляла, вносила поправки, добавления, изменения и согласовывала.

вала с Советом по профессиональным квалификациям, поскольку у них тоже есть требования к списку вопросов. Теперь вернемся к экзамену.

Влад Колесников: Например, может быть такой вопрос: в каком году появилась первая школа для глухих в России?

Юлия Крыгина: Да, почему бы нет.

Влад Колесников: Понятно, то есть вопросы на знания о сообществе.

Юлия Крыгина: Предлагается 4 варианта ответа на выбор. А дальше получаете час времени на подготовку к практической части. Практическая часть разработана в соответствии с уровнями: пятым, двумя шестыми и седьмым. Если вы думаете, что для 5-го уровня задания такие же, как для 7-го, то вы ошибаетесь. На 7-м уровне переводчик должен быть готов ответить безупречно, на 5-м уровне требования не такие. То есть задания подобраны в соответствии с профессиональным стандартом: каковы характеристики в стандарте, таковы и задания. Если в профессиональном стандарте указано, что переводчик 5-го уровня должен уметь выполнять последовательный перевод, то именно на это ему и будут предлагаться задания. Если для переводчика 7-го уровня в стандарте прописаны высокие требования к переводу в прямом эфире на телевидении, то и задания ему будут предложены точно в соответствии с этой характеристикой.

Влад Колесников: Значит, когда я получаю допуск к практической части экзамена на 5-й уровень, то я слушаю аудио и выполняю перевод?

Юлия Крыгина: Да, верно, слушаете речь из монитора и осуществляете перевод.

Влад Колесников: В заданиях для 7-го уровня есть перевод с РЖЯ на голос?

Юлия Крыгина: Да.

Влад Колесников: Синхронно? То есть я должен не только синхронно озвучить, но также сделать перевод на жестовый язык звучащей речи из монитора и еще нужно уметь перевести рассказ глухого на жестовом языке?

Юлия Крыгина: Да. Запись экзамена передается группе экспертов, и в течение некоторого времени они проверяют ваши ответы, и результаты сообщаются непосредственно вам. Ответ вы получаете не сразу. Группа экспертов, в составе которой есть как глухие, так и слышащие, по таблице критериев, не придуманных от балды и не взятых с неба, оценивают вашу работу, ставят экзаменационную оценку как переводчику.

Влад Колесников: Это я понял, но все же остается верным мое предположение о том, что моя оценка, результат сданного экзамена зависят от людей. Да, они это делают на основе критериев, у них есть определенные правила, но все же именно люди дают мне оценку.

Юлия Крыгина: Только по практической части, именно практической части! Потому что переводчики ведь работают с людьми индивидуально.

Влад Колесников: А среди этих людей в команде есть переводчики? И у них уже есть квалификация?

Юлия Крыгина: Да. Очень многие обвиняют нас в том, что мы берем в число экспертов случайных людей, ходят такие слухи, еще как ходят... Так вот, есть переводчики с многолетним стажем, и те из них, кто попал в число экспертов, должны были пройти обучение в Совете. После прохождения обучения они получили документ, не помню точную красивую формулировку, но подтверждающий повышение квалификации именно в экспертной деятельности.

Ольга Варинова: Мне очень хочется добавить такую важную вещь, а то есть ощущение, что она теряется: профессиональные стандарты и требования к переводчикам — это закон. То есть существует Трудовой кодекс, в Трудовом кодексе существует

отдельный раздел по профессиональным стандартам, и там четко прописано, что должен делать работодатель, что должен делать работник, куда девать вот эту самую бумажку, куда применять этот профстандарт, что такое Совет по профессиональным квалификациям, и еще есть отдельная система, которая связана с Министерством труда, с Министерством социальной защиты и т.д. То есть это федеральный уровень. И вот вернемся к аттестации: действительно, в законе нигде никогда не было записано, что переводчик, сурдопереводчик или переводчик русского жестового языка должен проходить какую-то оценку квалификации или аттестацию. Нигде он не должен. Аттестацию придумал ВОГ сам для себя, чтобы оценивать переводчиков. Я в университете работаю 25 лет, и никакой аттестации по закону у нас не существует и не было никогда. Мы ее, конечно, внутри себя придумали сами. Но вот все-таки по поводу того, что действует по всей стране или не действует: сейчас у меня в коллективе переводчиков в нашем университете достаточно большая команда, и работают две девочки, которых мы когда-то приняли, когда-то научили, когда-то дали дипломы. И по-хорошему обе должны отработать не менее трех лет, чтобы я им дала переводчика второй категории, сейчас они у меня просто переводчики без категории, у нас нет третьей-второй категории. Но, допустим, может быть такая ситуация: приходят ко мне Арина, Лера и говорят: «Ольга Александровна, мы хотим вторую категорию». А я как начальник: «А не дам!» Ну, я имею на это право, у меня фонд заработной платы ограниченный и вообще вы мне не нравитесь. Идите работайте! Арина и Лера что могут сделать? Они могут приехать, сдать независимую оценку квалификации хоть на 7-й уровень: у них позволяет и диплом на самом деле, и опыт работы, и я уверена, что они... Они сдают 7-й уровень, привозят и говорят: «Ольга Александровна, вот». И я все. Я обязана выполнить. То есть я должна, если это, например, 7-й уровень, который равен 1-й квалификационной категории или высшей категории, я обязана их взять на работу, потому что это трудовое законодательство. Оценка квалификации — это не придумал ВОГ очередную какую-то историю, это трудовое законодательство. И я должна фонд заработной платы как-то раздуть, но как работодатель я не имею права отказать. Возможно, Общество глухих как общественная организация и может игнорировать Трудовой кодекс и сказать: а мне плевать на ваш Центр

оценки квалификации. А мы — федеральная образовательная организация, я не имею права не учитывать при определении должности оценку квалификации. А вот аттестация — если бы мои переводчики пошли бы в ВОГ прошли аттестацию, и там получили какую-то бумажку, и пришли бы ко мне, то я бы сказала: «Ну это же ВОГовская аттестация, да пожалуйста». Кто знает, у нас есть компания «Сурдофон», которая сейчас превратилась в «Адаптис», там был диспетчерский центр, где мы проводили свою собственную аттестацию. Давайте будем честными: аттестация эта иногда проводится в том числе, скажем так, «по знакомству», а здесь все-таки совершенно другой вопрос.

Ирина Гинзберг: Мы сейчас много говорили про образование, про то, как это происходит, но вообще-то сегодняшняя тема нашего круглого стола — это обратный перевод, хотя Ольга так и не сказала, почему он не обратный. Но я думаю, что на это у нас уже нет времени, и по привычке все равно буду использовать термин «обратный перевод». Компетенция переводчика состоит из двух основных составляющих. Это перевод с русского языка на русский жестовый язык, и неважно, какое средство общения выбирается переводчиком — РЖЯ или калькирующая жестовая речь. И вторая очень важная составляющая — перевод с русского жестового языка или калькирующей речи на русский. И нельзя специалиста назвать специалистом, если он не владеет обеими составляющими на должном уровне, необходимом и соответствующем уровню компетенций. А что такое компетенция, как ее можно определить? Для любого переводчика с любого языка есть два определяющих термина — это «эквивалентность перевода» и «адекватность перевода». Что такое эквивалентность? Это тождественность, это соответствие языковых единиц, то есть насколько точно мы подбираем эквиваленты либо к слову, либо к жесту. Но мы понимаем, что эквивалентный перевод будет равен калькирующему переводу, и он не всегда будет смысловым и, значит, адекватным. И если мы говорим об адекватном переводе, то это будет смысловой перевод, но, опять же, в этой ситуации мы не можем сказать, что адекватный перевод — это идеальный перевод. Вот, например, в профстандарте как раз фигурирует такая формулировка, что адекватность перевода является одной из составляющих компетенций переводчика. Что об этом можно сказать — фор-

мулировки, которые там прописаны, недостаточно определяют уровень квалификации, по крайней мере не полностью. Потому что в каких-то случаях перевод должен быть эквивалентным, если это какое-то научное выступление/доклад, когда переводчик должен переводить термины и не может говорить просто на тему, близкую той, о которой говорит спикер. Это может быть, например, аттестация глухого гида в музее, где тот будет использовать термины «футуризм», «импрессионизм», а если переводчик будет переводить так: ну, это что-то такое из представлений о будущем, — то понятно, что эксперты музея скажут: «Простите, пожалуйста, а вы тут нам про что сейчас?» И это будет опять же несоответствие компетентности переводчика, то есть она не будет соответствовать тому разряду и тому уровню квалификации, который требуется глухому спикеру в этот момент. Здесь очень важно учитывать именно то, насколько переводчик точно может донести информацию, которую сообщает глухой спикер, насколько точно он может передать языковую и стилистическую особенность речи, стилистику выступления. Если это стендап, то переводчик должен передать юмор, потому что глухие пришли развлечься, а не на какое-то научное выступление. То есть всегда должен быть соблюден стиль речи, должен быть адекватный и эквивалентный перевод — тут мы не можем выбирать. И здесь мы опять же поднимаем вопрос о том, как сам переводчик оценивает свои знания и наличие у себя этих двух компетенций. Потому что сейчас, как сказал Александр, из 100 переводчиков Москвы только 20 переводчиков могут перевести обратно. Это о чем говорит? Это говорит о том, что переводчики, получив некий опыт и базу, не буду спорить, порой хорошую базу перевода с русского языка на русский жестовый язык или посредством калькирующей речи, останавливаются в своем развитии и полагают, что и с этим можно жить спокойно, получать хорошую зарплату: деньги есть, себя прокормлю, зачем мне развиваться дальше, зачем мне работать в этом направлении, если у меня и так все в шоколаде? И такой переводчик приходит в Центр оценки квалификации, сдает экзамен на какой-то уровень, получает бумажку, подтверждающую его квалификацию, и считает: все, жизнь удалась! Могу жить дальше. Сдав, попадает в реестр переводчиков, а глухой или какая-то институция, планируя проводить мероприятие, будет искать там специалистов для перевода. Сегодня на конференции

сколько, 13 переводчиков работают? Вот, наверное, сложно было найти такое количество переводчиков. И, конечно, такой реестр — это мечта. Зная, что есть суперспециалисты 7-й квалификационной категории, эксперты — их будут ждать, мечтать увидеть у себя на площадке.

Юлия Крыгина: Да-да, вот Ирина хорошее замечание сделала про попадание переводчика в реестр с 7-м уровнем: на это я очень хочу сказать, что сейчас мы все движемся параллельно. У нас в ЦОК нет каких-то завышенных требований, до которых бы обучение не дотягивало: мы идем параллельно. Сейчас мы в переходном периоде, и нам крайне важно вырастить новых очень хороших переводчиков. Но прежде всего надо заметить, что все документы имеют свой срок, они не пожизненные. Каждый документ имеет свой срок: 3 года и 5 лет.

Ирина Гинзберг: Хорошо, сейчас человек получил документ на 3 года, на 5 лет, и он уже эксперт и может быть приглашен на обратный перевод. А он с ним не справляется... Он не может это сделать просто потому, что не может, но при этом получил 7-й уровень. И вот глухой не знает его, но видит в реестре или институция, такая как ГЭС-2, Пушкинский музей или Музей «Гараж», видит его в реестре, когда им нужен обратный перевод — звонит, приглашает. Человек приходит как эксперт 7-го уровня...

Юлия Крыгина: Опять же, повторяюсь, у нас сейчас переходный период, нам нужно замотивировать переводчиков.

Ирина Гинзберг: Да, мотивация очень важна, но, мне кажется, таким образом вы лишаете мотивации переводчиков. Потому что зачем мне работать и совершенствоваться, если я уже эксперт? Зачем? Пусть на 5 лет, но я уже эксперт! И эти 5 лет я не выполняю качественно свои трудовые функции.

Юлия Крыгина: Вы говорите о том, что переводчики 7-го уровня имеют завышенный разряд, поскольку не справляются с переводом с русского жестового языка на русский. Мы все это учитываем. Понимаете, для нас эта система тоже новая. Вот в прошлом: система подготовки переводчиков была совершенной? Нет, все

тоже было через ошибки. Все проходят по этому пути. И мы, ЦОК, хотим эту систему отладить и довести до ума, чтобы она была удобна для всех: и для переводчиков, и для глухих. Наша оценочная система меняется и совершенствуется, ничто не стоит на месте. К тому же пусть у переводчика и 7-й уровень эксперта, но если на него будут жаловаться, то мы всегда можем лишиться его документа. Но опять же возникает следующая проблема — работа с глухими.

Ольга Варинова: Все-таки здесь есть такой важный момент, я еще вернусь к самому первоначальному, о чем не сказали, — давайте про слово «обратный». Почему мы не используем слово «прямой» и «обратный»? Потому что мы сейчас пытаемся сделать все, чтобы работа переводчика русского жестового языка была похожа на работу переводчика английского языка, французского языка, немецкого, американского жестового, да какого угодно, чтобы была одна система. Так вот, первое, что мы выяснили: там нет понятия «прямой» и «обратный». Есть два языка и перевод с/на. Вот нам очень удобно, мы с коллегами часто пишем: с РЖЯ перевод на РЯ или с РЯ на РЖЯ. В общем, это самый такой удобный вариант, почему мы так пытаемся уйти от понятий «прямой»/«обратный», хотя, еще раз, внутри рабочих коллективов такое может быть. Следующее, что бы мне тоже очень хотелось добавить — это опять: *CODA* не равно переводчик. И, опять же, вопрос в чем: то образование, которое давалось до того, как появился МГЛУ, оно рядом не стояло ни с каким переводческим образованием. У меня тоже есть диплом переводчика, но то, чему меня учили (мне в принципе стыдно сказать), и то, кто учил, — это тоже другое. Так вот, любой нормальный переводчик знает, что процесс перевода состоит из определенных этапов: первое — это подготовка к нему. Вот подготовка к переводу — я, работая по регионам с переводчиками, прекрасно знаю, что все говорят: «А зачем? Зачем готовиться? А я знаю этого глухонемого*. Чего там готовиться? Подумаешь, я и так переведу». Мы же реально понимаем, что, придя сюда, в ГЭС-2, если вы меня из Новосибирска привезете, я буду, наверное, недели три изучать все ваши сайты

* В настоящее время термин «глухонемой» является некорректным, и мы не рекомендуем его использовать в отношении представителей сообщества глухих. (Прим. ред.)

и выпрошу у вас сто-пятьсот ваших докладов, а не просто какую-либо презентацию. Первое — это подготовка. Второе — это сам перевод. Это где я подумаю про лексику, чтобы она соответствовала, где я подумаю, какой у меня глухой, где я подумаю про то, какой у меня слышащий, с какой скоростью речи он разговаривает и так далее. Следующий этап перевода — это рефлексия. У нас переводчики вообще не в курсе, что нужно свой перевод потом проверять и каким образом проверять. Я вообще благодарна УМЦ ВОГ, что мы это обсудили, и что мы теперь это делаем, и что мы теперь видим, как переводчики понимают, какова ценность рефлексии. И четвертый этап, который для каждого переводчика очень важен, — это повышение квалификации и постоянно жить в режиме «брать информацию, где-то что-то изучать, где-то куда-то идти». И сюда же относится и этика перевода, вот то, что вы говорите: получил свидетельство или документ об оценке квалификации и сел — и ничего не надо больше делать. На самом деле вот я получила такой документ. Но, еще раз, переводчик, получивший данный документ, просто обязан поддерживать свою вот эту вот экспертность, которую он получил по документу. Но, опять же, если он понимает, что у него есть клиенты и глухие, и слышащие, он и тем, и тем должен предоставлять. И вот был еще вопрос про этику. Профессиональная этика как таковая не может быть утверждена законодательно и внесена в какой-то федеральный закон, нет. Она может быть просто каким-то переводческим сообществом разработана, совместно с глухими обсуждена, утверждена, и каждый переводчик, который является членом этой общественной организации, к примеру, говорит: «Да, я разделяю принципы этой этики». Так вот, в этих этических как раз правилах должно быть прописано, что если я иду туда переводить и от меня ожидают перевода, например, с русского языка на русский жестовый или с русского жестового языка на русский, и я понимаю, что я лично, если вот сюда меня позвали переводить, буду бежать и пятки будут сверкать. И если я приду на пару по философии к себе в университет или в любой другой университет, то там я буду переводить хоть 3 часа подряд. Все зависит от переводчика. И этика позволяет отказаться от перевода, если я понимаю, что я не квалифицирована в этом виде перевода. Так вот, здесь как раз образование переводчика в результате приводит к тому, что он не просто гонится за день-

гами, когда его только деньги интересуют, а когда он в первую очередь дорожит своей репутацией.

Ирина Гинзберг: Действительно, но есть лишь единицы таких переводчиков, которые ценят свою репутацию и не гонятся за деньгами, потому что прекрасно понимают, кто они и что из себя представляют. А вот переводчики, которые не ценят ее, идут и берутся за заказ, берут за него деньги, — они в принципе подводят глухого человека и подводят институцию. И к тому же губят репутацию глухого и репрезентацию глухих людей в сообществе слышащих. Потому что их перевод, хоть с русского языка на русский жестовый, хоть с жестового языка на русский, таков, что глухие выглядят людьми, которых начинают жалеть.

Ольга Варина: Можно я еще добавлю. Вот я хочу сказать спасибо большое Кену Гаулстону за то, что он приехал к нам в Новосибирск вместе с УМЦ ВОГ, и мы провели очередной семинар, он в записи есть, вы можете найти его в интернете, кому надо — лично скину ссылку. А мы все знаем, что за рубежом есть организация *RID* — реестр переводчиков для глухих. И последняя информация, которой с нами поделился Кен, — о том, что там есть такой момент, как некий рейтинг переводчиков, ну как мы там звездочки ставим: этому переводчику одна звездочка, а этому — пять звездочек. Так вот, еще раз, смотрите, что сейчас произойдет с момента оценки квалификации, с момента появления повышения квалификации и переподготовки, с момента профессионального образования, как у нас. У нас, кстати, в системе профессионального образования еще появилась такая история, как демо-экзамен, демонстрационный экзамен, который весь проводится под камерами, фактически он абсолютно идентичен оценке квалификации, просто там другой уровень требований. Так вот, к чему это все приведет. Первое — мы реально сейчас почувствуем в этот переходный период жесткое сокращение переводчиков, реально это почувствуем. Сейчас первые, кто уйдут, — это пенсионеры и слабослышащие. Мы это почувствуем, но мы не можем этого не сделать. Второе — сейчас реально начнется борьба за качество. Но время придет. Во-первых, подрастает молодежь, которая платно училась, например, мои студенты в год платят 160 тысяч рублей, в год, чтобы за 4 года получить диплом пере-

водчика. И они уже не пойдут за 3 рубля работать, опять же, они понимают, что такое теория перевода, они понимают, что такое качество предоставляемых услуг, они понимают, что их ежегодно выпускается... Вот у нас каждый год выпускается 20 человек. ВОГ мне обещает их взять на работу. Я все жду, когда вы всех моих выпускников возьмете на работу. Я пачками готова их поставлять во все регионы, что мы и делаем. И получается, что у них качество перевода уже значительно лучше. И чем жестче мы сейчас закручиваем гайки — УМЦ, куда люди жалуются, мы, вот Центр оценки квалификации, — чем жестче мы закручиваем гайки, тем выше качество мы сделаем.

Ирина Гинзберг: Я думаю, что нужно пересмотреть какие-то критерии по определению этих квалификационных категорий. Потому что очевидно, что они не соответствует должному уровню. Если мы понимаем, что человек называет себя экспертом или хочет претендовать на уровень эксперта, то он должен быть совершен и в одном, и в другом виде перевода. То есть нельзя человека называть специалистом и присваивать уровень эксперта, если он владеет только одной из двух компетенций. А получается, что задания, которые он выполняет на экзамене под камерами с мониторами, не соответствуют уровню, они занижены. Если он может...

Юлия Крыгина: Мы не можем занижать. Если он все сдал, то мы тут бессильны. Получается, нам для работы в будущем нужно разработать другие задания, которые бы соответствовали, и нам нужны помощники. Все очень просто.

Влад Колесников: К сожалению, у нас закончилось время. Мы не ставили вопрос как проблему, которую нужно было бы решить. Мы должны были сегодня просто обсудить предложенную тему и понять, что вообще происходит в сфере перевода. Надеемся, что как можно большее количество людей познакомятся с жизнью сообщества глухих.

***Reverse Interpretation
from Russian Sign
Language into Russian:
New Professional
Standards and Skillsets
for Interpreters—a
documented discussion***

(Abridged transcript of
the discussion, full version
available on the GES-2
House of Culture website)

Irina Ginzberg

Moscow Pedagogical
State University,
Moscow, Russia
ia.ginzberg@mpgu.su

Vlad Kolesnikov

V-A-C Foundation,
GES-2 House of Culture
Moscow, Russia
vladislav.kolesnikov
@v-a-c.org

Keywords: Russian Sign
Language (RSL), Russian
Sign language interpreter,
Russian Sign Language
interpretation professional
standard, reverse
interpretation, the d/Deaf.

This documentation of a round table discussion reviews important issues the reverse interpretation field, including the training, certification, and qualification assessment of Russian Sign Language interpreters; the skillsets that must be developed in accordance with professional standard requirements; the importance of reverse interpretation quality (from Russian Sign Language into Russian); and the impact of this quality on the representation of member of the Deaf community.

Взаимопонимание и сотрудничество: вместо заключения

Елена Ярская-Смирнова

Международная лаборатория исследований
социальной интеграции Национального
исследовательского университета «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
eiarskaia@hse.ru

Любое определение очерчивает пределы, т.е. границы между понятиями, в том числе между группами людей. Например, понятие «глухой» отделяет глухих от слышащих, символически изолирует одних от других. Так работает наше культурное воображение, которому привычно делить мир на «мы и они», отграничивать одних от других, упорядочивать хаос с помощью «социальных изолент». И потом из этих полосок, линий, очерченных ими множеств складывается некое подобие гармонии. Но людям свойственно эти границы познавать — ощупывать и пересматривать, проверять на прочность, заглядывать за них, переступать и передвигать.

Быть глухим — это не что-то одно. Так же, как и «быть слышащим». Глухие разнообразны. Есть много общего со слышащими. На конференции обсуждался доклад о том, как глухие люди общаются в *Telegram*. Текстовые сообщения и изобилие «кружочков» с видео — но ведь то же самое делают и все остальные, за исключением аудиосообщений, которые могут использовать лишь слышащие. Есть и особенности. У глухих — своя культура, свое сообщество, но если ребенок или взрослый живет в небольшом городе, то доступ к сообществу может быть затруднен. Иными словами, быть глухим в Москве, работая в руководстве Всероссийского общества глухих, и быть глухим где-нибудь в провинции, не иметь образования и хорошей работы — это совсем разные вещи. Быть глухим мальчиком или глухой девочкой, родиться в семье слышащих или глухих, жить в интернате или в семье, получить среднее

профессиональное или высшее образование или окончить лишь специальную школу, иметь увлечения и друзей или испытывать одиночество и не иметь доступа к интересным занятиям... Вся эта богатейшая палитра жизненных судеб и образов жизни, социальных и культурных характеристик может сближать и разъединять людей внутри этой группы. И не только внутри, но и вокруг нее. Многие из этих вопросов о социальной дифференциации и социальном неравенстве поднимались на конференции. Раскрываются они и в художественной литературе, в кино, масс-медиа, музейных программах. Сегодня уже стало понятно, что сфера культуры гибко меняется и трансформирует наши представления о том, что значит быть глухим. Это не только извечная метафора, это реальные человеческие истории, которые сегодня пишут, снимают и делятся со всеми талантливые глухие люди.

Но, к сожалению, наше общество пока еще отстает в понимании и принятии человеческого и культурного разнообразия. И такая важная особенность, как глухота, выводящая в отдельный огромный мир со своим языком, ценностями, культурными практиками, сообществами и солидарностями, мало кому понятна.

Я хочу подчеркнуть, что вопрос «Что значит быть глухим?» — многоуровневый и разносторонний. Вопрос этот касается и разных аспектов жизненного опыта, и идентичностей, и культурных текстов, и социальной политики в различных сферах. Во многом ответ на него зависит от позиции спрашивающего. Кто задает этот вопрос: слышащие родители глухого ребенка или сам взрослеющий глухой человек, когда пытается познать себя, как это делают все остальные независимо от уровня слуха? А может быть, этот вопрос возникает у авторов новых законов или дизайнеров образовательных программ? Писателей, режиссеров, актеров? А эти авторы и актеры, кураторы выставок, руководители проектов — сами они тоже глухие и хотят расширить свои представления, выйти за пределы своего собственного опыта и знаний? Или они новички в этом мире, культуре и социальных координатах глухоты, но хотят объединиться с экспертами, чтобы их проекты, перформансы и продукты были органичными и аутентичными? А может быть, это учителя или врачи? Наши соседи или коллеги? Прохожие и попутчики? Кто угодно спо-

собен задаться таким вопросом, главное, чтобы, когда людей что-то зацепило или заинтересовало, они не стеснялись идти глубже просто сформулированной вслух фразы, — и лучше понимать самих себя или окружающих.

Таким образом, мы имеем дело с вопросом о смыслах явления. И это чрезвычайно важно. Потому что у явления множество разных смыслов, которыми наделяют его люди в процессах взаимодействия. Явление обретает смыслы в нашей повседневности благодаря жизненному опыту, коммуникации, в культурных текстах с их образностью, в нормах и идеалах, которые мы принимаем по умолчанию.

Конференция «Что значит быть глухим» и те яркие высказывания, которые вошли в этот альманах, — это окно в важную и интересную тему. Сама постановка вопроса в названии конференции указывает, во-первых, на богатство интерпретаций явления: «что **значит**», а во-вторых, на экзистенциальную остроту переживания опыта, яркость мультимодального ощущения идентичности: «**быть** глухим». В самом деле, «быть глухим» — не то же самое, что «назваться глухим» или когда некто со стороны использует это качество как метафору. «Быть» — значит мыслить, чувствовать, познавать, помнить и ощущать телом. А также видеть себя глазами других, примерять на себя ту одежду, которую предлагают, а подчас и навязывают те, у кого есть власть наклеивать ярлыки, отождествлять с персонажами, хотя у глухих, возможно, с ними нет ничего общего. Конференция позволила осветить конфликты интерпретаций, пересмотреть некоторые навязчивые клише, показать множество вопросов в рефлексирующем, творческом и разнообразном сообществе, — но в то же время и силу, которой оно обладает.

Этот форум состоялся как научная конференция, прежде всего. Здесь не только были озвучены социальные проблемы и активная жизненная позиция глухих (и слабослышащих). Здесь состоялось обсуждение способов формирования идентичности, развития групповой солидарности, осознания и неприятия роли жестового языка в школах и в окружающем обществе в целом, других важных и очень своевременных вопросов.

Кроме того, эта конференция — большой шаг в сторону сотрудничества глухих со слышащими. С теми, кто хочет и заинтересован в сотрудничестве на равных — как профессионалов, с взаимным интересом к уникальным, острым и интересным вопросам. Не секрет, что подчас группы и сообщества тяготеют к социальному закрытию. Некоторые даже выдвигают условие участия в своих форумах — если ты не имеешь опыта жизни с инвалидностью, тебя не допустят. Этот же форум открыт и инклюзивен во многих смыслах.

Сотрудничество на равных подразумевает готовность к диалогу и взаимной критике. Возможность получить обратную связь по своим исследованиям, задать вопрос о методологии и выводах — именно с этой целью были организованы секционные заседания, где выступали как глухие, так и слышащие исследователи. Причем в исследовательских проектах глухих, которые проводились в формате научных кружков под руководством Влада Колесникова и Никиты Большакова, воплотился партиципаторный подход, когда конкретные вопросы изучаются теми, к кому они непосредственно относятся. И это стало одним из ключевых результатов: ребята выступили в смешанной в разных смыслах аудитории, а не «среди своих», их проект стал научным продуктом, вынесенным на обсуждение.

Будут ли решаться проблемы, озвученные на форуме? Я думаю, такие перспективы, безусловно, есть. Они связаны с трансформациями на разных уровнях, в т.ч. на уровне социальной политики, управления системой образования. Например, как в случае со специализированными школами для глухих, где учителям необходимо давать знания о разнообразии, инклюзии, культуре глухих, а также больше разнообразить сам педагогический состав таких школ. Если среди учителей будет больше людей, представляющих сообщество, владеющих жестовым языком, это поможет росту признания, принятию и большей уверенности детей в своих силах, праве на отличие и возможностях социальной интеграции. Инклюзивное образование, возможно, могло бы здесь сыграть роль альтернативы, но при этом на уроках должны быть переводчики жестового языка. Кстати, этому

языку было бы полезно обучать всех тех, кто окружает ребенка в инклюзивной школе.

Важно анализировать и распространять положительный опыт организаций, сообществ, инициативных групп, отдельных семей и активных людей — как глухих, так и слышащих, которые вносят вклад в социальную справедливость и в плане экономического благосостояния глухих, и в плане признания и уважения человеческого достоинства в культуре. Чем больше вовлеченных людей, рефлексии, исследований, обсуждений, литературы, всевозможных творческих и других проектов, причем с выходом в отдаленные регионы, в провинцию, тем лучше результат.

Сообщество глухих быстро развивает саморефлексию, формирует круг своих экспертов, свою новую молодую элиту, в том числе благодаря таким форумам-конференциям. А окружающее общество узнает для себя и о себе что-то совершенно новое, причем не только ученые или студенты — социологи, лингвисты или социальные работники. На конференции были люди, которые узнали о событии из информационных рассылок и объявлений, увидели анонсы в социальных сетях и при посещении Дома культуры «ГЭС-2». Таким образом, проблематика конференции расширяет познавательные и социальные границы группы заинтересованных в научной дискуссии. Эти границы между разными темами, сообществами, идеями — не изолируют, а становятся линиями соприкосновения, переосмысления и развития.

Биографии авторов

Юлия Викторовна Апанасенко

*Фонд V–A–C, Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
julia.apanasenko@v-a-c.org*

Слышащая, куратор детских и семейных программ Дома культуры «ГЭС-2». Ранее — куратор исследовательской и проектной деятельности лицеистов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (2015–2019), автор и организатор метапредметной олимпиады по исследовательской деятельности «Ступени» (2016–2019), эдьюкейтор школьной программы Дома культуры «ГЭС-2» (2021–2023), соавтор и ведущая эмпирического блока кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2» (2022–2023).

Алина Сердаровна Бабаева

*Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
alina.babaeva20045@mail.ru*

Глухая, студентка Колледжа малого бизнеса № 4 по направлению «Графический дизайн», участница кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Владимир Заурбекович Базоев

*Московский государственный лингвистический
университет, Москва, Россия
vbazoev@rambler.ru*

Глухой, кандидат педагогических наук, исследователь, эксперт АНО «Национальный центр оценки квалификации и сертификации», преподаватель МГЛУ. Председатель МГО ВОГ в 1995–2020 годах. Соавтор книги «Человек из мира тишины» (2002).

Тимофей Сергеевич Белов

*Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
paddywpt@mail.ru*

Слышащий, CODA, студент Международного Восточно-Европейского университета, переводчик РЖЯ, участник кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Никита Викторович Большаков

*Международная лаборатория исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
nbolshakov@hse.ru*

Слышащий, кандидат социологических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента социологии, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ, куратор программ доступности и инклюзии Музея криптографии. С 2022 года — куратор исследовательского кружка «Исследуя сообщество глухих» в Доме культуры «ГЭС-2». Автор более 30 методических и аналитических публикаций по социологической тематике, в том числе в рамках междисциплинарного направления *Deaf Studies*.

Ольга Александровна Варинова

*Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), Новосибирск, Россия
varinova@list.ru*

Слышащая, CODA, переводчик РЖЯ, заведующая лабораторией РЖЯ НГТУ, преподаватель в системе подготовки переводчиков РЖЯ (СПО, ВО, ДПО), президент Сибирской ассоциации переводчиков РЖЯ.

Валерия Львовна Виноградова

*Центр языка и мозга, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
valeria.vngrd@gmail.com*

Слышащая, лингвист и нейрочученый, научный сотрудник Центра языка и мозга НИУ ВШЭ. Окончила Московский педагогический государственный университет по специальности «Теория и практика перевода жестового языка». В 2023 году получила степень *PhD* в области психологии в Университете Восточной Англии. Занимается исследованиями глухоты и языка с точки зрения лингвистики, психологии и нейронауки.

Полина Викторовна Врублевская

*Православный Свято-Тихоновский
государственный университет (ПСТГУ), научно-
исследовательская лаборатория «Социология
религии», Москва, Россия
pvrublevskaya@socrel.ru*

Слышащая, социальная исследовательница, магистр социологии Московской Высшей Школы Социальных и Экономических наук и аспирантка Академии Або (Финляндия). Занимается исследованиями сообществ и социальной антропологией с фокусом на индивидуализации.

Ирина Алексеевна Гинзберг

*Московский педагогический государственный
университет (МПГУ), Москва, Россия
ia.ginzberg@mpgu.su*

Слышащая, CODA, эксперт по независимой оценке квалификации переводчиков РЖЯ, переводчик РЖЯ в МПГУ, старший преподаватель кафедры стилистики английского языка Московского государственного лингвистического университета. Автор и ведущая

курса «Обратный перевод» Дома культуры «ГЭС-2». Сотрудничает с различными музейными и культурными институциями и некоммерческими организациями в сфере инклюзии и информационной доступности программ для глухих и слабослышащих в качестве переводчика РЖЯ и эксперта. Ранее — переводчик РЖЯ в Государственном специализированном институте искусств (1993–2003), Московском государственном техническом университете им. Н. Э. Баумана (2003–2016). Автор публикаций об организации работы переводчика РЖЯ в культурных институциях, о дифференциации и преодолении переводческих трудностей и учебного пособия для глухих дошкольников.

Анна Ромеовна Григорян

*Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
grigoran204@mail.ru*

Слышащая, CODA, учащаяся ГБОУ «Школа № 2120», участница кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Варвара Павловна Дзюба

*Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
varja-imunel@mail.ru*

Глухая, студентка 3-го курса направления «Социальная работа в различных сферах жизнедеятельности» в Российском государственном социальном университете, участница кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Валерия Андреевна Душкина

*Школа лингвистики Национального
исследовательского университета «Высшая
школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
valeriya.dushkina@gmail.com*

Слышащая, лингвист, переводчик РЖЯ, приглашенный преподаватель Школы лингвистики НИУ ВШЭ. Окончила Новосибирский

государственный технический университет по специальности «Переводчик английского языка и русского жестового языка», выпускница магистерской программы «Лингвистическая теория и описание языка» Школы лингвистики НИУ ВШЭ .

Илья Валерьевич Жадан

*Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
iiiyayaili01@gmail.com*

Глухой, студент 4-го курса Колледжа малого бизнеса № 4, участник кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Инна Валерьевна Жданова

*Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), Новосибирск, Россия
ivzhdanova@mail.ru*

Слышащая, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии НГТУ, наставник и эксперт по вопросам инклюзивного высшего образования.

Анна Анатольевна Комарова (1962–2022)

Слышащая, CODA, российский лингвист, переводчик и специалист по русскому жестовому языку, многолетний директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, доцент МГЛУ, эксперт по образованию глухих Всемирной федерации глухих, член Всемирной ассоциации переводчиков жестового языка.

Владислав Владимирович Колесников

*Фонд V-A-C, Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
vladislav.kolesnikov@v-a-c.org*

Слабослышащий, сурдопедагог, магистр дефектологии, куратор программ для сообщества глухих и доступности для глухих и слабослышащих Фонда V–A–C и Дома культуры «ГЭС-2». Ранее — менеджер программ для глухих и слабослышащих посетителей Музея современного искусства «Гараж» (2015–2018), заведующий сектором формирования доступности и реализации инклюзивных программ Государственного исторического музея (2018–2021), куратор направления *Deaf Teens* проектной школы «Каскад. Проект как метод» (2018–2022), педагог дополнительного образования в СКОШИ № 52 (2019–2023).

Татьяна Викторовна Лосихина

Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
losixina2001@mail.ru

Слышащая, студентка 1-го курса магистратуры Московского государственного лингвистического университета, переводчик РЖЯ, участница кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Макар Михайлович Макаркин

Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
makarmakarkin891@gmail.com

Слабослышащий, учащийся ГКОУ СКОШИ № 30, помощник руководителя отдела СМИ МГО ВОГ, участник кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2». Выпускник направления *Deaf Teens* проектной школы «Каскад. Проект как метод».

Мария Вячеславовна Малофеева

Международная лаборатория исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
mmalofeeva@hse.ru

Слышащая, выпускница бакалавриата «Социология» НИУ ВШЭ, студентка магистерской программы «Социология публичной сферы и цифровая аналитика», стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ.

Барвара Сергеевна Меренкова

*Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
ext.varvara.merenkova@v-a-c.org*

Слышащая, студентка 4-го курса бакалавриата образовательной программы «История искусств» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», координатор программ для сообщества глухих и доступности для глухих и слабослышащих Дома культуры «ГЭС-2», участница кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Анастасия Москвичева

*Колледж малого бизнеса № 4, Москва, Россия
punda@mail.ru*

Глухая, иллюстратор, графический дизайнер и фотограф, преподаватель по графическому дизайну и фотографии в Колледже малого бизнеса № 4. Педагог детской мастерской Музея современного искусства «Гараж» (2018–2021), автор и ведущая детско-семейных и подростковых программ Дома культуры «ГЭС-2» (проектные лаборатории «пик-пик!» и «вогуес», семейные чтения «будем смотреть!» и др.). Создала иллюстрации к книгам «Сообщество глухих и жестовый язык» Анны Комаровой, «Краткий словарь лингвистических терминов» и другим.

Виктор Александрович Паленный

*Редакция журнала Всероссийского общества
глухих «В едином строю», Москва, Россия
palenny@yandex.ru*

Глухой, выпускник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кандидат педагогических наук, главный редактор журнала Всероссийского общества глухих «В едином строю», автор, составитель книг по истории глухих, в том числе 3-томной «Истории ВОГ», редактор множества сборников, посвященных разным аспектам культуры глухих и жестового языка, лектор. Инициатор создания Музея истории ВОГ. Преподаватель Московского государственного лингвистического университета, экскурсовод в ряде музеев Москвы. Соавтор и ведущий теоретического блока кружка «Исследуя сообщество глухих» в Доме культуры «ГЭС-2».

Данила Дмитриевич Четвериков

*Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
danichetverikov@gmail.com*

Глухой, студент 3 курса направления «Математика и экономика» Московского педагогического государственного университета, выпускник команды *Deaf Teens* проектной школы «Каскад. Проект как метод», участник кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2», ассистент Клуба любителей РЖЯ в Доме культуры «ГЭС-2».

Ника Богдановна Чупятова

*Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
nika0212chupiatova@gmail.com*

Слышащая, студентка 1-го курса магистратуры Московского государственного лингвистического университета по направлению «Русский жестовый язык: последовательный и синхронный перевод», переводчик РЖЯ, участница кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Александр Александрович Щец

*Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), Новосибирск, Россия
sashashec@mail.ru*

Глухой, студент 4-го курса Новосибирского государственного технического университета по специальности «Социальная работа», руководитель проекта «Погружение: развитие коммуникация между глухими и слышащими в молодежной среде» и АНО «Рост личности», победитель конкурса грантов Росмолодежи (2022), лауреат премии «Студент года» в Новосибирской области (2023), победитель конкурса научно-исследовательских работ «Наука будущего — наука молодых» в рамках VIII Всероссийского молодежного научного конкурса (2023).

Наталья Сергеевна Ярославкина

*Дом культуры «ГЭС-2», Москва, Россия
arnatka19@gmail.com*

Глухая, консультант в интернет-магазине и контент-менеджер, гид-экскурсовод, велогонщица, участница кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова

*Международная лаборатория исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
eiarskaia@hse.ru*

Слышащая, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии НИУ ВШЭ, главный редактор Журнала исследований социальной политики, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ. Автор более 200 научных публикаций по социологической тематике, в том числе, в междисциплинарной области *Disability Studies*.

Глоссарий

CODA (*Child of Deaf Adult*) — ребенок глухих взрослых. Обычно под CODA подразумеваются только слышащие дети глухих родителей, хотя это понятие также относится к глухим и слабослышащим детям из семей глухих.

Deaf Studies — междисциплинарное направление исследований, возникшее во второй половине XX века во многом благодаря интересу лингвистов к американскому жестовому языку. *Deaf Studies* охватывает разнообразные области, такие как антропология, социология, лингвистика, история и архитектура. Все это помогает понять уникальные аспекты жизни представителей сообщества глухих. В университетах и колледжах многих стран *Deaf Studies* существует как отдельная дисциплина.

РЖЯ (русский жестовый язык) — естественный язык, который является самостоятельной лингвистической системой со своей лексикой, грамматикой, фонетикой и морфологией. Самое главное отличие от русского языка заключается в том, что РЖЯ визуален, это влияет на все его уровни и их структуру.

КЖР (калькирующая жестовая речь) — не является самостоятельной лингвистической системой, система подстроена под русский язык, и жесты здесь исполняются буквально, соблюдая грамматические правила русского языка.

Дактильный алфавит русского жестового языка (РЖЯ) / Дактиль — это 33 дактилемы, каждая из которых соответствует букве русского языка. Дактилировать — значит «прописывать в воздухе» слово по буквам, то есть по дактилемам (их жестовым обозначениям). Дактиль используется при назывании имен собственных, некоторых названий месяцев, сокращений, а еще слов, для которых нет эквивалента в жестовом языке.

Переводчик жестового языка — специалист, осуществляющий прямой перевод на РЖЯ и обратный перевод с РЖЯ. Обращаем

ваше внимание на то, что термин «сурдопереводчик» утратил свое значение в связи с утверждением квалификационной характеристики переводчика жестового языка. С 2012 года существуют две должности — переводчик-дактилолог и переводчик русского жестового языка.

Прямой перевод — перевод с русского языка на русский жестовый язык (РЖЯ).

Обратный перевод — перевод с русского жестового языка (РЖЯ) на русский язык.

Культура глухих — набор социальных убеждений, паттернов поведения, искусства, истории, ценностей глухих людей, которые общаются на жестовых языках.

Сообщество глухих — это группа людей, которые идентифицируют себя как глухие и разделяют ценности сообщества и культуру глухих. Сообщество глухих очень разнообразно: в него входят глухие, слабослышащие, пользователи кохлеарных имплантов, позднооглохшие, слепоглухие, слышащие дети глухих родителей и переводчики РЖЯ.

Жестовые имена (ЖИ) — особые жесты, которые используются для обозначения разных людей. Культурный феномен сообщества глухих. Обычно жестовые имена основаны на внешности, имени-фамилии или какой-то выделяющей человека черте.

Сурдопедагог — педагог, специалист по обучению и воспитанию глухих и слабослышащих детей.

ВОГ (Всероссийское общество глухих) — общероссийская общественная организация, объединяющая глухих и слабослышащих людей. Общество создано в 1926 году. Сейчас в России почти в каждом регионе есть свое отделение ВОГ. Например, в Москве это МГО ВОГ — Московская городская организация ВОГ.

Альманах
«Исследуя сообщество глухих: 1»

12+

Материалы междисциплинарной
конференции «Что значит быть глухим?
Новые вызовы для сообщества»

Дом культуры «ГЭС-2»

Международная лаборатория
исследований социальной интеграции
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»

Май 2023 года

Глухие и звонкие

**Куратор программ для сообщества
глухих и программ доступности
для глухих и слабослышащих**
Влад Колесников

**Координатор программ
для сообщества глухих**
Варвара Меренкова

**Ассистент программ
для сообщества глухих**
Данила Четвериков

**Координатор программ
доступности**
Виктория Кузьмина

Исследуя сообщество глухих

Кураторы
Никита Большаков
Влад Колесников

Продюсеры
Оксана Агапова
Ольга Королева

Фонд V—A—C

Учредитель
Леонид Михельсон

Генеральный директор
Артем Бондаревский

**Руководитель
издательского отдела**
Григорий Чередов

Старшие редакторы
Дарья Атлас
Даниил Бельцов
Ольга Гринкруг
Шарлотт Неве
Карен Саркисов
Ольга Стеблева
Евгения Фоменко

Редакторы
Тима Аллер
Ирина Ивакина
Тамара Шатула
Евгения Шестова
Максим Шибяев
Ольга Шпилько

**Специалист
по административной
работе**
Арина Фартух

Дистрибуция
Екатерина Дмитриева
Кирилл Ермолин-Луговской

Ассистент отдела
Иван Мазеркин

Тираж 1000 экз.

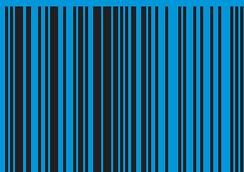
Отпечатано в типографии
«Роликс», Москва

Фонд V—A—C
Дом культуры «ГЭС-2»
119072, Москва
Болотная набережная, д. 15
+7 (495) 990 0000
v-a-c.org
ges-2.org

V—A—C----ГЭС-2

Альманах «Исследуя сообщество глухих: 1» опубликован в рамках одноименного направления Дома культуры «ГЭС-2» и включает в себя результаты исследований участников кружка «ИСГ», материалы, представленные на Междисциплинарной конференции «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества», которая состоялась в «ГЭС-2» в мае 2023 года, а также статьи, написанные специально для этого издания. Тексты в сборнике распределены по трем тематическим разделам, посвященным истории сообщества глухих, исследованиям социальных и культурных аспектов жизни глухих и *CODA* в России, а также лингвистике жестовых языков и использованию жестового языка в коммуникации.

9 785907 183773